

КОРА
АНТАРОВА

ДВЕ
ЖИЗНИ

в обновленной редакции

IV
ЧАСТЬ

Конкордия Евгеньевна Антарова

Две жизни. Часть IV

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Книга «Две жизни» – мистический роман, который популярен у людей, интересующихся идеями Теософии и Учением Живой Этики. В четвертой, последней части произведения, перед нами открываются миры Тайных Братств, где герои приобщаются к сокровенным знаниям, доступным лишь избранным. И теперь их главная задача – принести эти знания людям, направив их на путь самосовершенствования.

Главный оккультный роман XX века, калейдоскоп из идей восточных мудрецов, Льва Толстого, Елены Блаватской, торжество любви, красоты и вечной мудрости!

Содержание

Глава I	4
Глава II	61
Глава III	111
Глава IV	169
Конец ознакомительного фрагмента.	197

Конкордия Антарова

Две жизни

III–IV части, в обновленной редакции

Глава I

Наш отъезд из оазиса. Второй день путешествия по пустыне. Зловещая встреча в ней

Мы стояли, смотря вслед умчавшимся всадникам. Думаю, не ошибусь, если скажу, что мысли и чувства всех провожавших были одинаковы. Каждый из нас – как мог и умел – посылал свои благословения уезжавшему профессору и его новой жизни. В который раз я присутствовал при начале новой жизни человека, в которую его провожали И. и Франциск. И каким диссонансом звучало для меня то, что каждый раз – был ли то убогий карлик, был ли то одаренный или даже гениальный человек – все начинали эту новую жизнь с печали, слез и тоски. И я еще ни разу не видел той духовной мощи человека, когда бы он шел в свою новую жизнь, радуясь и

торжествуя, что пришел его момент внести свою часть труда в широкий мир.

Я подумал о брате Николае, вспомнил его записи в книжке, вспомнил пир у Али, Наль, Али-молодого и его страдания, и впервые закралось в мою душу сомнение, умел ли брат Николай начать свою новую жизнь с Радости.

– Не пытайся решить уравнение со столькими неизвестными, мой дорогой следопыт, – весело сказал мне И., возвращая меня к месту и времени. Тебе надо искать не ответы, как идут жизни со столькими неизвестными для тебя величинами. Тебе надо растить в своем движении, в своих перемежающихся «сейчас» Любовь-Энергию в геометрической, а не в арифметической прогрессии.

И первое, что ты для этой цели сделай, помоги Игорю собрать все вещи Натальи Владимировны. Когда мы будем уезжать, усади ее с Зейхедом на мехари, и оставайся вместе с Игорем в роли рыцаря-охранника во все время путешествия при нашей «молниеносной» даме. Станислав и мистер Ольденкотт поедут рядом со мною, а вы сзади нас. Если я доверяю твоему вниманию охрану этой женщины, это значит, что ты так же должен забыть о себе и думать только о ней, как ты делал это в те часы, когда помогал ей читать книгу в комнате Али. Обязанность, возлагаемая мною на тебя в это мгновение, так же священна, как и та. Забудь же о себе, думай о ней и не забывай слов Франциска о бездне человеческого горя, – прибавил И., ласково похлопав меня по плечу.

Я был несколько пристыжен и в то же время умилен деликатностью и любовью И., умевшего всегда и все понять и сделать легкой и священной всякую задачу, которую он давал и которая казалась трудной. Когда он приказал мне собрать вещи Андреевой, стать ей рыцарем в пути, нечто вроде протеста и даже возмущения, нечто вроде горечи от расставания с И., точно я был недоволен, что кто-то другой займет в пути мое место рядом с моим дорогим Наставником, вихрем пронеслось во мне. И все это сразу же схлынуло, стоило ему вызвать в моей памяти ту Наталью Владимировну, которую я вводил в божественную комнату Али.

Я поклонился низко-низко моему чудесному воспитателю, понял по его ответному поклону и взгляду, что я не только прочтен до дна, но и прощен до конца, и радостно бросился к Игорю звать его к новому делу. И тут же поймал себя: ведь и мне сейчас указали нечто новое, и я это новое начал с печали.

«Неужто же это закон для всех?» — думал я, собирая в плетеную корзинку вещи Натальи Владимировны и поражаясь тому, какое их количество она набрала с собой. И чего-чего тут только не было! И кружевные косынки, какие она обычно носила на своих непокорных волосах; и детские игрушки, и бусы, и зеркала, маленькие и побольше, точно она собиралась дарить их каким-нибудь заброшенным жителям пустыни; и книги, пряники, и финики. Дойдя до этих последних, я уже готов был прийти в отчаяние, как ко мне подошли мои

вчерашние собеседницы за ужином.

– Ну, это вы делаете совсем не так, – сказала мне старшая, выбрасывая на высокий каменный стол из корзинки все, что я с таким трудом туда запихал и что было похоже на багаж коробейника. – Сейчас мы разложим вам все по сортам и уложим в пальмовые корзиночки. А финики и пряники положим в специально для этой цели сплетенные мешочки, которые вы привяжете сбоку корзинки. Тогда можно будет их доставать, не делая беспорядка в большой корзине.

Не успел я оглянуться, как вся работа была закончена. Я представил моим дамам Игоро, которого они очень сердечно приветствовали.

– Теперь пойдемте, вас ждет у нас завтрак, – сказала старшая.

– Не сомневайтесь, – прибавила младшая, заметив мое колебание, – доктор И. и дедушка уже у нас. Вас вместе с вашим приятелем приглашает дедушка. Он желает угостить вас нашим обычным завтраком, чтобы ваше представление о нашей жизни в пустыне было полнее. Кроме того, у него, кажется, есть надежда упросить вашего великого друга-артиста показать нам всем, как надо читать великих поэтов.

– Тебе не поручали, дорогая, ничего передавать, – перебила ее старшая. – Дедушка очень просит вас обоих сейчас к нам. Пойдемте же, а то кофе остынет, – улыбнулась она нам.

Мы с Игоро посмотрели на свои запыленные руки и одежды, наши дамы мгновенно подметили наш взгляд, без слов

нас поняли и отвели к тому домику-ванне, где нас приводил в себя Ясса. Мы и сейчас нашли его там. Наши спутницы прошли в сад, взяв с собой Эта. Через несколько минут мы к ним присоединились, соперничая с ними в белизне их туалетов.

Я был рад, что обе дамы щебетали с Игоро с особенным интересом, узнав, что он тоже артист и нередко выступал вместе с Бронским в его спектаклях. Я неся мыслями за профессором. Как разны были мои чувства сейчас, когда я мысленно летел по пустыне за Зальцманом, и тогда, когда мчался за Беатой. Тогда я не сознавал ни себя, ни ее отделенными от всей жизни, я составлял одно целое с нею, с пустыней, со всей Вселенной, с Богом; там я пел со всем окружающим песнь торжествующей Любви. Здесь я видел отделенное бедное сердце, не имевшее еще сил осознать себя единицей всего мира. Я понимал, что профессор не видел еще в человеке частицы Единого, но читал только его внешнюю форму и по ней судил о ближнем. Давно ли и я думал так же?

Не знаю, долго ли мы шли, но когда неожиданно передо мной выросла громаднейшая фигура «дедушки», я точно с неба свалился, не сразу сообразив, где я, чем насмешил всех, а особенно Андрееву, которая, не удерживая веселого смеха, сказала мне:

– Ну и пожалела бы я тех, кого бы вам поручили в пустыне, Левушка. Вы, наверное, забыли бы, что в пустыне бывают внезапные бури, очень опасные, и, унесясь в ваших мечтани-

ях, вы предоставили бы силе стихий всех ваших подопечных.

– Это очень грустно, дорогая Наталья Владимировна, что именно вам дал И. такого немудрящего рыцаря, как я, в охранники по пустыне. Вся моя надежда на то, что Его же высокая любовь не позволит мне на этот раз выбиться из глубокого благоговения и сосредоточенности, в которых я служил вам в комнате Али. В данном же мне сейчас поручении, узнав о вашем недоверии к моим силам, я постараюсь удвоить свое усердие, – ответил я, впервые ничуть не смущаясь сарказма ее глаз – электрических колес, которыми она меня пронзала, – и едкостью тона, хотя она и прикрывала его добродушием.

Ко мне подошла леди Бердран и, радостно пожав мне руку, сказала:

– Я так счастлива, Левушка, И. сказал мне, что я поеду в одном ряду с вами.

Когда я подошел к «дедушке», он положил мне на плечи свои могучие руки, и я мгновенно убедился, что Голиаф подвергся превращению в Давида, ибо я был ему ниже плеча и мог на него смотреть, только подняв голову кверху.

– Мой милый гость, я не так давно получил книги от моего друга, сэра Уоми, и прочел ваш рассказ. Я едва поверил, когда И. сказал мне, что автор – юноша, почти мальчик. Если бы вы много раз в жизни были рассеянны в отношении к внешним вещам, то та глубина, куда вы проникли в вашей книге уже сейчас, несмотря на ваш возраст, говорит одно: вы

идете вожакom, и для вас нет мерила обыденности. Примите мою благодарность. Если бы я мог выпустить во Вселенную такую цельность устремления, какую обладаете вы, я был бы счастлив.

Великан усадил меня – теперь совершенно сконфуженного – рядом с собой перед дымящейся чашкой кофе.

– Не смущайтесь, мой дорогой. Здесь, в пустыне, мы привыкли свободно оценивать таланты друг друга. У нас нет предрассудка зависти, как нам не свойственна и ревность. Мы нередко соревнуемся друг с другом и всегда честно и просто признаем себя побежденными, если противник побил нас талантом. И вы не смущайтесь моим восхищением. Я просто счастлив приветствовать в вас ту силу одаренности, которая поможет многим и многим выйти из кольца их предрассудков и понять, что значит иметь глаза и уши открытыми.

Он придвинул ко мне несколько маленьких корзиночек, очень изящно сплетенных из пальмовых волокон и наполненных хлебцами, коврижками и печеньем. Я понимал, что все это хлебные продукты оазиса, разнообразно сделанные из муки, но форма хлебцев то напоминала картошку, а цвет вызывал представление о сахаре, то походила на морковь. Я не знал, что к чему подано, и смотрел на все корзиночки сразу, и не мог решить, с чего мне начать. Хозяин пришел мне на помощь, говоря:

– Нам приходится приспособляться к ежедневной потреб-

ности, живя в пустыне. Мы не можем рассчитывать, что идущие к нам и от нас караваны всегда будут в срок возвращаться и снабжать нас мукой из пшеницы, которая, как и рожь, у нас не родится. Наши хлебцы всегда с подмесом муки из плодов хорошо рождающихся у нас манговых и мучнистых деревьев. Поэтому внешний вид наших хлебцев неказистый и слишком бел для глаз европейцев. Не было еще ни одного человека, впервые видевшего наш хлеб, который не задумывался бы над ним, как это сделали сейчас вы. Но точно так же не было ни одного европейца, который, попробовав, не одобрил бы нашего хлеба.

Рассул был ласков, в его глазах не было ни искорки юмора, он смотрел на меня с отеческой нежностью. Великан сам положил мне на тарелочку из пальмового дерева несколько хлебцев, придвинув красивую небольшую масленку из слоновой кости, полную свежего масла, и подал широкий и короткий нож, также из слоновой кости.

Я обратил внимание не только на красоту вещей, на белоснежность скатерти, но и на руку самого великана. Это была огромная, темная, но красивая и необычайно пропорциональная рука. На среднем пальце ее сверкал древний перстень, изображавший голову сфинкса, в которой сиял желтый бриллиант. Я подумал, что клафт на голове самого хозяина был бы в полной гармонии со всей его фигурой, и в нем Рассул был бы похож на египетского жреца. Я не успел додумать своей мысли. Рассул снова посмотрел на меня, и на

этот раз в его взгляде было то же озорное, подшучивающее выражение, с каким он глядел на меня за ужином, когда я рисовал себе его мчащимся на мехари.

– Нет, – сказал он мне, улыбаясь. – Знатные египтяне не ездили на верблюдах. Они любили лошадей и слонов. Если уж, по-вашему, я не умещусь на коне, надо меня посадить на слона. На белом я, темный, был бы особенно эффектен.

Рассул весело рассмеялся, я же, заметив улыбку И. и его ласковый мне взгляд, вспомнил, что мусором мыслей засорил текущую минуту, вздохнул и сказал Дартану:

– Опять про штрафился.

– Нисколько, – ответил мне он. – Но надо усерднее кушать, так как время не ждет, скоро ваш караван двинется.

Он поручил меня одной из своих внучек, приказав накормить досыта. Но, зная наставление И. перед отправлением в путешествие много не есть, я не выполнил желания моей милой дамы и не съел половины того, чем она меня потчевала.

Первым из-за стола поднялся хозяин, за ним встал И. и все остальные. Когда мы вышли к концу аллеи усаживаться на мехари, то оказалось, что оставалась в оазисе только часть нашего отряда. Весь караван, шедший вчера сзади нас, уже давно ушел вперед, руководимый Никито. Я был очень удивлен и подумал, как совершает это трудное путешествие сестра Карлотта, которая и в Общине большую часть дня все лежала в постели.

– Не беспокойся о тех, кого я тебе не поручал, но будь со-

бран и до конца бдителен с теми, кого я тебе поручил и от обязательной заботы о ком еще тебя не освободил, Левушка, – сказал мне И. – Старушка преблагополучно спит и не испытывает никаких тягот пути. Смотри, – и он указал мне на Андрееву, нетерпеливо топтавшуюся у своего мехари, которого держал Зейхед.

Я быстро подошел к ней, подозвав Игорю, и мы вдвоем с большим трудом усадили ее в маленькое седло так, чтобы ей было удобно и чтобы с нее ничего не спадало. Пот катился градом со всех нас, и все же, если бы милосердный и ловкий Ясса не вмешался в наше дело, мы не смогли бы покрыть ее плащом и зашнуровать как следует, так как она спорила и сбрасывала с себя все, разрушая нашу работу. Мне помогло сохранить полное спокойствие мое воспоминание о белой комнате Али. Но оно помогло мне, а не делу. Ясса же, точно укротитель непокорной львицы, что-то бормоча на непонятном мне диалекте, который, казалось, понимала Андреева, ласково-ласково, как заботливая нянька, укутывал грузную женщину, и она подчинялась, даже не думая протестовать.

Еще и еще раз я понял, до чего многому должен еще учиться. Я ясно понял, что и самообладание может быть бессмысленно, если оно акт чисто личный, а не действенная сила. Та сила, что вбирает в себя эманации раздражения встречного и тушит их, как глухая крышка, плотно покрывающая горшок с красными углями и сдерживающая их огонь. Я понял сейчас, почему влияние И. и других моих высоких

друзей так освобождает людей и дает им блаженное чувство облегчения. Их мудрое самообладание, лишенное всякой памяти о себе – этой назойливой требовательности собственного «Я», – льет энергию своей любви во все дела человека, с которым они общаются. Я понял, что виновен в том, как прошла встреча с человеком, какие чувства в нем пробуждались при встрече со мною. В эту минуту, как никогда, мне была ясна пропасть между той ступенью, где жил я, и между величием Света, где жил И. Я снова вздохнул и услышал нежный голос И.:

– Мой мальчик, привыкни делать каждое текущее дело как самое важное. Привыкни не пересыпать перцем своих благих мыслей действия своего дня. Этим ты затрудняешь не только одного себя, но и всех тех, кто живет вокруг тебя. Иди простись с хозяином. Я займу твое место рыцаря на это время подле Натальи Владимировны.

И. подошел совсем близко к Андреевой и что-то стал говорить ей, но так тихо, что никто разобрать его слов не мог. Мы с Игорю пошли прощаться с Рассулом. Я везде искал глазами Бронского, недоумевая, где бы он мог быть, так как он раньше всех вышел из-за стола и в сопровождении двух мужчин, жителей оазиса, куда-то ушел. Я нигде не видел артиста, стал было уже беспокоиться о нем, но вовремя вспомнил о «перце» своих мыслей.

Когда я подошел к Рассулу и, кланяясь, благодарил его за гостеприимство, он взял обе мои руки и, глядя сверху вниз

мне в глаза, сказал:

— Радостно мне сегодня. Радостно на много дней вперед, что встреча с вами дает мне возможность вернуть вам мой старый долг. Когда-то ваша белая птица была вашим врагом, — показал он на Эту, прижавшегося к моей ноге. — В одно из воплощений этот враг убил вас. Но, умирая, вы защитили меня от него. Я остался жив, помнил о вашей защите, помнил о своем долге вам, но в течение многих веков не имел возможности воздать вам хотя бы свою благодарность. Примите от меня эту вещицу. Это очень древняя вещь. Она принадлежала одному египтянину и напоминала ему о неизбежной ступени в пути совершенствования каждого человека: о гармонии. Возьмите ее от меня. Редко бывают в жизни вещи, не оплаканные слезами, не напитанные вибрациями скорби и стонов. Если иногда людям и попадают в дар вещи великих, имевших души чистые и свободные, они делают себе из них талисманы, прибегают к их помощи в своих мольбах и передают им невидимые токи своих страданий. Эта вещь чиста. Она принадлежала существу такого высокого духа, радость которого не омрачалась ни на единый миг за всю жизнь, хотя видимых причин для этого было немало. Все, чего я хотел бы пожелать вам из глубин моей благодарной памяти, — сохраните ту цельность верности до конца, в какой сейчас живете. И великая Жизнь поддержит вас — вожака человечества — в том месте, к которому она теперь подвела вас. Никто не может выполнить вели-

чайшей задачи, которую на него возлагает великая Жизнь, в одно воплощение. Целый ряд их, следующих друг за другом, поднимает в человеке на высоту совершенства таящиеся в нем силы, вначале как качества, потом как аспекты Единого, постепенно создавая из человека-формы человека-огонь. Огонь ваш, горящий уже теперь костром, должен принять форму шара, чтобы стать гармоничным путем для Истины. Пусть же эта вещь высокого радостного духа поможет вам в этой великой и трудной работе.

И он подал мне небольшую пластинку на золотой цепочке из звеньев в виде головок сфинкса, на которой было изображено солнце и его лучи, причем само солнце представлял большой желтый алмаз и такие же камушки сверкали в глазах сфинксов.

Я был так потрясен его словами, восхищен подарком и в то же время огорчен: опять у меня ничего не было, что бы я мог дать любезному хозяину взамен его дара. Он прочел мою мысль и сказал:

– Жизнь, которую вы когда-то подарили мне, – ваш вековой подарок. А теплота сердца, которой вы обласкали меня сейчас, ценнее всех даров, которые вы могли бы мне дать. Но, если бы вы желали, если бы у вас было радостное желание оказать мне услугу, я обратился бы к вам с одной просьбой.

В ответ на мой восторг быть ему полезным он продолжал: – В дальней Общине, куда вы теперь едете, есть несколь-

ко домиков, где живут люди нашего оазиса. Несчастливых, которые нигде не могут достичь мира в сердце, везде много. Им кажется, что не их собственная строптивость гонит их от людей, заставляя их самих отъединяться от своих близких, но что окружение не дает им возможности развиваться в том духовном богатстве, которое они в себе носят. Такие и наши строптивцы, объехавшие чуть ли не весь мир и не нашедшие себе нигде покоя, живут в дальней Общине. Время от времени мы посылаем им вести и посылки с родины. Но чтобы можно было послать им весть, надо, чтобы вестник был верен до конца, целен до конца и добр до конца. Только через такого вестника поданная весть не причинит нового бунта и нового пароксизма отрицания этим несчастным. В вашем лице мы могли бы иметь такого гонца. Согласны ли вы им быть?

– Вы слишком хорошо читаете в моем сердце, чтобы задавать мне этот вопрос, – ответил я. – Если считаете меня гонцом достойным, я готов.

Рассул вынул из кармана своего плаща объемистую пачку писем, перевязанную тонкой лентой из пальмовых волокон, вложил ее в красивый мешочек, сплетенный, как циновка, и подал мне, говоря:

– Все эти письма я прошу вас передать лично людям, которым они адресованы. Но не сразу передавайте их. Сначала вам надо познакомиться с каждым из тех лиц, кому я прошу вас отдать письмо. Важно в этом случае общение со строп-

тивцами, чтобы гонец знал и помнил не только о любви и заботах тех, милосердие и дары которых он вообще несет в серые дни жизни Земли. Но важно, чтобы его собственная активная сила доброты жила и, действуя в гармонии с их любовью, сумела внести мир в сердце строптивца, хотя бы на тот краткий миг, пока совершалась передача вести. Гонец должен найти в себе то истинное самообладание, от которого затухает раздражение во встречном. Вы сами прошли мучительный путь постоянного раздражения, и ваша верность помогла вам выйти в ступень цельной доброты. Ваш новый путь бдительного внимания к каждой встрече дает вам возможность подниматься выше к ступени гармонии Учителя. Не каждый ученик может продвигаться в высоту тех путей, где действует Учитель. Туда проходит только тот, кто сумел дойти до самообладания как действенной силы, помогающей освободиться встречному от его давящих страстей. По внешности, по суду людей недалеких и нечутких, ученик может обладать большим темпераментом, чем им бы это казалось уместным для ученика. И, по неразумию своему, они считают такого ученика раздражительным или плохо воспитанным. Не раз в жизни вам придется столкнуться с этим. Но на суд людей вы никогда не обращайтесь. Они судят по степени своего ума, а Учитель судит о вас по действию вашего сердца, культуру которого может видеть лишь тот, чье сердце бьется в ритме Вселенной. Таких сердец на Земле не так много, и отсюда идет некоторая внешняя обособленность

учеников. Этим смущаться нельзя. Надо глубже разрывать внутренние перегородки между собой и людьми и вводить в каждое общение силу энергии Тех, Кто ведет вас, никогда не давая вам чувствовать огромной пропасти между их и вашим духовным миром. Познакомьтесь лично с каждым из моих адресатов. Научитесь овладевать их эманациями себялюбия и самоуверенности. Научитесь тушить огни их чрезмерно развитого астрала.

Научитесь вводить в действие в каждой встрече с ними энергию вашего высокого друга Флорентийца как такт и обаяние. И только тогда подайте каждому его письмо. Вас поражает, что Франциск, также давший вам письма к строптивцам в дальней Общине, ни о чем вас не предупреждал, а просто велел вам передать их его адресатам, неся Его чашу в руках. Вы молоды, мой друг. Вы еще не можете ни воспринять, ни охватить полностью мощь и высоту Любви Франциска. Его освобожденная Любовь несет всем такую непобедимую силу, что рука, подающая Его весть, может быть только чиста. Сила Франциска, Радость его сокрушают все условное в людях сами по себе, не нуждаясь в содействии гонца. Если гонец может подать Его весть, значит, он чист сердцем. Если бы гонец вздумал кого-либо обмануть, он сгорел бы мгновенно, превратившись в груды пепла. Или же стал бы безумным, если бы его преступление было легче обмана, но все же несло бы встречным себя, а не Человеколюбие.

Закончив этими словами свою речь, Рассул обнял меня и

велел своим двум внукам подать мне ряд посылок, предназначенных тем же людям, к кому он дал мне письма.

Я был очень глубоко взволнован словами Рассула и его доверием к моим силам. Я мысленно не расставался с моим великим покровителем Флорентийцем и молил Его помочь моим рукам сохранить чистоту и держать чашу, ставя Его прекрасный образ между собой и каждым встречным, пока буду в дальней Общине.

Едва я справился со своим волнением, как увидел Бронского, подходившего к нам в большой группе молодых мужчин и женщин. По виду Станислава, излучавшего необычный энтузиазм, я понял, что он пережил и еще переживает момент творческого вдохновения. Из долетавших к нам отдельных слов его речи можно было понять, что он дает наставления о какой-то театральной пьесе. Когда вся группа приблизилась к нам, артист остановился, как бы слетел с неба на землю, как в сказке, лицо его приняло обычное выражение, и он беспокойно сказал:

– Неужели я опоздал и задержал вас, Левушка? И вы один ждете меня здесь?

– Не беспокойтесь, – ответил ему за меня Дартан. – Учитель И. распорядился дать вам время осмотреть наш театр и прочесть моим артистам несколько бессмертных произведений. Караван ушел вперед, а И., по обыкновению, не потерял ни одной минуты времени в пустоте. Я же приношу вам мою благодарность за то, что вы помогли моим внукам и

внучкам понять, как выйти из тупика в искусстве, куда они забрались. Конечно, ваши советы, как молния, помогли им увидеть, что такое истинное искусство. Но одно дело – понять, а другое дело – суметь. На вашем языке, как вы сказали мне вчера, знать – значит уметь. Не откажите нам в более длительной помощи, поживите с нами и поучите нас, если такая самоотверженная задача не кажется вам слишком низкой для вашего гения.

– Я опускаю ваши последние слова, считая их просто одной из форм и фраз восточной вежливости, с которой я не раз уже сталкивался в жизни и никогда не был настолько находчивым, чтобы найти подходящий ответ. Не допускаю мысли, что вы не видите, как глубоко я поражен достигнутыми в пустыне успехами, пониманием и преданностью искусству; я хочу пожить у вас и поработать с вашим театром. У меня есть и блестящий режиссер, мой ученик Игоро, преданность делу которого, пожалуй, превосходит даже мою. Но в эту минуту перед нами обоими стоит иная задача. Мы не можем оставить нашего великого друга Учителя И., за которым мы сейчас следуем; но, если он разрешит нам, возвращаясь, мы останемся у вас в оазисе и поработаем столько времени, сколько сам Учитель И. найдет нужным нас здесь оставить.

Ясса подал знак к отъезду, и мы, сопровождаемые целой толпой людей, смотревших на Бронского, как на Бога, отправились к мехари. Здесь мы увидели, что И. и мистер Ольденкотт уже уехали. Станислав, который должен был ехать ря-

дом с И., растерялся, увидев своего мехари одиноко стоявшим в тени пальм.

– Не волнуйтесь, друг, – ласково сказал Дартан. – И. распорядился, чтобы я помог вам догнать его. Я велел оседлать вам моего особенно быстроходного мехари и сам доведу вас до И. Не пройдет и часа, как вы будете с И., а я возвращусь обратно. Мехари же мой, имя которого Отчаянный, пусть станет вашим. Он назван так по некоторым своим озорным качествам. Но если он понял, что ему вручается забота о жизни того, кого он несет на себе, он верностью своей будет стоек и тверд, до последнего дыхания отстаивая всадника в опасности, и доставит порученного ему в надежное или нужное место. Сейчас Отчаянный понял свою задачу. Он принесет вас целым и невредимым к нам обратно, хотя бы самому ему пришлось пасть мертвым у моих ног. Садитесь, друг. На прощанье прочтите еще что-нибудь вашей будущей пастве.

Бронский сел на подведенного ему огромного мехари, Яс-са набросил ему белый плащ – и я увидел ожившей картину Беаты. Таким же блеском энтузиазма сверкало сейчас лицо артиста, каким она изобразила его на своем полотне. На мгновение он как бы призадумался, а затем... я даже не сразу понял, что он декламирует прощание с народом римского вождя перед дальним и опасным походом. Речь его была так проста и естественна, обращение к отдельным лицам и заветные прощальные слова звучали так подходяще к случаю, что вернуло меня к действительности только последнее обраще-

ние: «Римляне, вернусь ли я или весть о гибели моей дойдет до вас, помните одно: я был верен вам, и не мне, но вам, отечеству будет принадлежать вся слава, если я вернусь покрытый ею. Вы же живите без меня так, как будто каждый день вы приносите богам клятву верности охранять мир внутри отечества, как я иду завоевывать ему славу вовне. Прощайте, мир вам».

Это были последние слова Бронского. И как они были сказаны! Передо мной выросал Рим, я забыл, кто и что я, что я только Левушка-лови ворон, я был римским гражданином, я возвращал клятву верности своему вождю. О, сила искусства, сила сердца человека и его таланта, где же предел твоей мощи?!

Ясса тормозил меня, говоря, что пора ехать, что «остроглазая» совсем рассердится. Я не мог сразу перескочить какой-то границы, с большим трудом влез в самого себя, увидел вдали облако пыли, скрывавшее Бронского и Дартана, и подошел к своему мехари, рядом с Андреевой. Я приготовился выслушать ее недовольный выговор и был крайне поражен, встретившись с ее огромными глазами, в которых еще сверкали слезы и выражение которых было кроткое, умиленное, точно ей было пять лет.

– Понимаю вас, Левушка, – ласково сказала она мне. – Как часто в жизни я понимала свое ничтожество, встречаясь с силой истинного гения. Если бы я навеки запомнила эти дни, этот миг особенно, я научилась бы действенному само-

обладанию. Когда И. уехал, я разрывалась от нетерпения и досады на вас и Бронского, на ваше промедление. Сейчас я благословляю артиста. Сказанные им слова, сотни лет назад написанные, мертвые, когда их читаешь, разрезали во мне моими же страстями сотканые веревки и помогли мне раскрыть крылья – единственные крылья ученика, если он хочет двигаться вперед: безоговорочное послушание.

Ничего больше не прибавила Наталья Владимировна, но я понял, что огонь гения Станислава разбил в ней что-то, мешавшее ей достичь в себе гармонии. Еще раз я поразился, как разнообразны и неожиданны поводы, ведущие нас к раскрепощению. И как неповторимы и долги пути каждого до того момента, пока борьба в самом себе подведет сознание к такой степени гармонии, где озарение может проникнуть в святая святых собственного сердца.

Мы не одни двинулись в путь. Довольно большая группа всадников и всадниц, обитателей оазиса, на маленьких хорошеньких лошадках арабской породы окружила нас, заявив, что проводят нас так далеко, как позволит «дедушка», то есть пока они не встретят его возвращающимся после встречи Бронского с И. Мне было забавно наблюдать, как мчались легкие лошадки, казавшиеся игрушечными рядом с нашими мехари; как они отфыркивались от пыли и были к ней, казалось, гораздо более восприимчивыми, чем сидевшие на них дамы, перекидывавшиеся словами с нами и между собой. Мы весело ехали версту за верстой. Я не ощущал

усталости и немало удивлялся, что всегда веселая и остроумная в каждом обществе Наталья Владимировна была на этот раз очень серьезна, задумчива и молчалива. Не могу сказать, как долго мы ехали по пустыне, но думаю, что проехали уже более трех часов. Я начал несколько уставать и чувствовать жажду, как с нескольких сторон сразу раздались возгласы: «Дедушка!»

Я положительно ничего не видел, что я мог бы принять за дедушку, особенно учитывая размеры великана. Я видел только однородно блестящий песок. Но ехавшая подле меня дама указала мне маленькое облачко пыли, которого без ее указания я бы и не заметил. Я отнесся с недоверием к ее дальновзоркости, но через некоторое время и сам стал различать в центре пыльного облачка, становившегося все больше, смутный силуэт всадника. Мы ускорили аллюр и через непродолжительное время окружили Рассула. Еще раз попрощавшись с нами, он сказал, что в получасе езды И. ждет нас у одного кочующего бедуинского племени в крошечном оазисе. Послав благословение нашему пути, Дартан, окруженный своей семьей, продолжал свой путь домой.

Действительно, минут через сорок мы увидели маленький оазис и вскоре благополучно соединились с И. и его спутниками.

Снова волна новых впечатлений охватила меня. Я понимал речь этого полудикого племени, чему очень обрадовался, впервые имея возможность применить к жизни один

из языков, выученных в Общине. Меня поразили бедность, грязь и полная некультурность этого небольшого племени. Попад сразу в оазис Дартана, очутившись в кусочке почти европейской цивилизации среди пустыни, я ожидал, что все, встречаемое в ней, будет похоже на этот оазис. Сейчас мне стало ясно, сколько труда должен был положить на свое дело Дартан и какую огромную поддержку и помощь он, несомненно, получал от Али. Мне было странно, как возможна в нескольких часах езды от Дартана такая тьма, в какой жило это полудикое племя.

Увидев И., разговаривавшего с кем-то, я подошел и прислушался к его разговору с несколькими стариками, очевидно, вождями племени. Сначала мне показалось, что они на что-то жалуются и в чем-то стараются оправдаться перед И. Но затем я понял, что старики дают И. отчет в сумме израсходованных ими денег, объясняя ему свои неудачи в тех начинаниях, которые он им рекомендовал.

– Неудачи ваши не оттого произошли, что вы применяли новые способы обработки слоновой кости и пальмовых волокон, которые я вам указал. А только оттого, что вы, делая по-новому, не до конца применяли новые способы. Вы все старались соединить новое и старое; а я вам в самом начале говорил, что надо делать или по-вашему – и тогда оставаться нищим бродячим племенем, – или осесть в оазисе, в той его части, что отвел Дартан. Там надо было выстроить себе хижины и маленький завод и стать зажиточным племенем.

Посмотрите, как вас мало осталось. Неужели вы, старейшие вожди, какими себя считаете, не понимаете, что все молодое и лучшее у вас вымирает, потому что вы не умеете заботиться о подрастающем поколении, а не потому, что судьба с ее неудачами преследует вас? Вы утверждаете, что ваше новое поколение растет злым, не повинуетя вам и разоряет вас, нарушая солидарность вашего народа. А я утверждаю, что вы мало любите свой народ и не заботитесь о его будущем. Ваша лень заставляет вас искать случаи сбывать сырье, вместо того чтобы обрабатывать кость, делать из нее прекрасные вещи, образцы которых я вам дал. Ваше молодое поколение не может больше жить в той тьме и грязи, к каким привыкли вы. Я еще раз предупреждаю вас: присоединитесь к оазису Дартана, или вы все вымрете. Когда я говорил с вами в последний раз, я вам объяснял, что каждое племя может сохранить жизненность только в том случае, если его кровь освежается притоками иной крови, имеющей в себе зародыши главной силы к победе: мужества. Вы вялы, и мысль, которая пробудилась у вашего молодого поколения, не видит перед собой пути, куда направить энергию. А люди, не знающие, к чему приложить свою энергию, прикладывают ее к ссорам и разврату.

Вы говорили мне, что вы поняли необходимость культуры для вашего племени. Но все это были одни слова, заботы о людях вы не проявили. Не думайте, что Небеса, которым вы учите молиться детей, пошлют вам помощь, а вы буде-

те, ожидая ее, бродить по пустыне и равнодушно смотреть, как вымирает ваше юное поколение. Если вы любите свой народ – действуйте, как я вам указал, и запомните: дважды вы получали зов и помощь от меня. Дважды я вам указывал путь к труду и свету, и оба раза вы горячо уверяли меня в своей готовности трудиться. И оба раза, истратив попусту время и деньги, вы возвращались к своей первобытной лени и тьме. В последний раз я предупреждаю вас: нельзя стоять на месте. Вы поняли, что вы не можете отъединяться от людей, что в отъединении для вас гибель и смерть. Жизнь для вас возможна только в единении с людьми, у которых вы можете научиться труду и найти защиту. Если и на этот раз вы не слушаетесь моего совета, первая же буря в пустыне погребет вас, так как вы слишком малочисленны, чтобы защититься от нее.

Прощайте. Не ищите оправдания себе. Вы взялись вести свой народ, а никакой любви к нему в вас нет. Вы стараетесь только обмануть самих себя, уверяя меня, что новые способы не подходят в пустыне. Вы не подходите к новым способам, так как не видите ясно перед собой русла, куда должна вливаться новая сила вашего потомства. Гибель молодых лежит на вас и ни на ком больше. Ответ за них вы будете держать, так как нет Бога, карающего ваше племя, а есть только ваши лень, отсутствие забот и любви. Не нужна великая наука, чтобы действовать правильно для пользы и счастья своего народа. Но нужна великая любовь, которая учит беречь

человека. Не Бог, а вы поставлены беречь своих людей. Не старайтесь сбросить с себя ответ на Бога. Только тот может видеть Бога в Небесах, кто научился видеть и любить Его в человеке. Помните, что я сказал вам сейчас, и не ждите помощи извне. Только в себе найдите любовь. Любовь ваша рождает энергию, а энергия откроет вам новый путь труда. Трудясь, найдете вновь здоровье.

И. повернулся к своему мехари, велел нам всем садиться, и через несколько минут мы были снова среди пустыни. На этот раз все мое внимание сосредоточилось внутри меня. Я смотрел в свое сердце и, казалось мне, сам читал в нем свои промахи и видел разрывы внимания, когда целые куски жизни, а не маленькие мгновения ее проходили в пустоте. Среди мыслей и слов, подобранных мною за эту ночь, наиболее сильное впечатление произвели на меня прощальные слова Франциска, обращенные к нам с Бронским, о дальней Общине, о бездне страдания и отчаяния людей, перед которыми муки бедных карликов в трапезной он считал пустяком. Кто же жил в дальней Общине? И почему люди могли впасть в такое море страдания? Этот вопрос неустанно звучал в моем сердце, я старался выбросить из него все личное и думать только, как пронести в себе чистый храм в тот кусочек мира, где собрано столько страдания.

И. умерил ход своего скакуна, через несколько минут мы перешли на шаг, и он сказал нам:

– Все вы сейчас сосредоточены, и каждый по-своему ста-

рается собрать все лучшее в себе, чтобы въехать в место печали во всей чистоте и мужестве. Я хочу обратить ваше внимание, ваше особенно бдительное внимание, как приготовить себя к встрече, если вам известно, что встречный – великий страдалец. Я употребил это слово – «страдалец», – потому что с этой ночи ни для одного из вас уже не может быть понятия «грешник». Все, совершенное человеком в его воплощениях, если бы оно для понимания обывателя было смертельным грехом, для вашего понимания может быть только той или иной формой страдания, в которое вы должны внести мужество и энергию Света.

Значит ли это, что вы должны покровительствовать вору, обласкать предателя, содействовать убийству, покрывать лицемерие? Не распознавая, протягивать свою помощь каждому преступнику, рассматривая его как страдальца, которому вы должны влить утешение? Нет, наоборот, вдвое бдительнее вы должны обращать внимание, насколько данный встреченный человек одержим темными силами. Бывают случаи связи человека с темной силой, не оставляющие надежды для данного воплощения. Это случаи потухших сознаний, где эгоизм и жадность разложили в человеке те нервы и мозговые центры, через которые в организм поступает чистая солнечная энергия. Они живут, иногда даже обладают сильными физическими проводниками, но светящейся материи, непременным элементом которой должна быть активная любовь, они выработать не могут. Они живут, следовательно, в

их проводники проникает солнечная материя; но проникает она в них лишь настолько, чтобы дышать, есть и пить, действовать, но не творить.

Для творчества, для жизни в ступенях Вселенной у них этой светящейся материи не хватает. Они, ухватывая кое-что из сил стихий, перерабатывают все только для личных потребностей и открывают в себе все двери источникам темного оккультизма. По каким признакам вы можете разобрать, одержим ли ваш встречный темной силой или он только болен, не имея возможности найти в своем сердце любви, чтобы погасить собственное кармическое звено, преследующее его в это воплощение? Человек, не умеющий найти достаточной силы любви, чтобы погасить свою карму, может быть неустойчивым, неумным, самомнительным, но у него всегда есть святая святых, с которой он движется по делам дня. Он может падать и вновь подниматься, доходить до дна в своих порывах раздражения, но в своем сердце он знает божественное место и понимает, что такое благоговение и доброта. И если в вас самих эти силы живут, когда вы подходите к человеку, трепет их в вас дает вам знать, что перед вами страдалец, раздираемый страстями, а не темный оккультист.

Он мог даже совершить преступление, но его сознание не потухло. Оно просто не раскрыто, забитое силой собственных страстей. Такой человек может освободиться от наросших на нем корок предрассудков и суеверий, еще может найти узкий ход в путь освобождения. Какова же ваша роль в

этих случаях? Вспомните то, о чем говорил ночью Франциск: «От доброты и любви ученика размякают, как воск, корки застарелых страстей и пороков человека, расширяются его поры, и через них в вашего встречного может проникнуть солнце вашей Любви». Еще и еще раз уложите во все складки вашего сознания не раз сказанные мною вам слова: «Если сердце ваше чисто, никакое зло не может коснуться вас. Перед вашей чистотой оно бессильно»...

Чем и как можете вы распознать, что перед вами темный оккультист? Имеют ли все темные оккультисты отвратительную внешность, которая сразу же давала бы вам знать, что отталкивающая вас от человека сила, вызывающая ваше отвращение, выявлена вся вовне? Среди темных оккультистов есть много красивых людей, имеющих даже чарующую внешность. От этого признака зародилась легенда о падшем ангеле, которого никто и никогда не рисовал себе уродом. Во внешности этих людей такое же разнообразие форм, как и среди остального человечества. Есть и гиганты, есть и карлики, есть и самые обычные формы, нормальных размеров и психики. Но что неизменно присуще всем людям, так или иначе попавшим в лагерь темных? У каждого из них на первом месте – эгоистическое стремление овладеть волей встречного. Раньше, чем вникнуть в смысл встречи, темный выпускает свою силу гипноза, в какой бы мере она ни была у него развита. Он стремится поставить своего встречного в подчиненное положение. Он отлично знает, что вце-

питься в человека он может только через те или иные страсти, прочесть которые не составляет труда ни для одного наблюдательного человека. А темные оккультисты обучаются с самых первых шагов читать признаки человеческих страстей и разбираться в степени раздражительности человека.

Раздражительность – первый и главный козырь темных в системе овладения людьми. Всякими способами они пытаются нарушить равновесие человека, затем будят в нем страх и жадность, зацепляются бульдожьей хваткой за эти страсти и постепенно – с железным самообладанием и выдержкой – вытягивают человека, его волю, в орбиту собственного сознания. Это первое общее всем темным правило их евангелия серого дня... Второе неизменное правило поведения – проносить в каждую встречу ложь, лицемерие и путать так сознание и внимание встречного, чтобы человек думал, что встретил великую, доброжелательную силу, которая окажет ему протекцию и помощь в той или иной его карьере жизни. Насколько светлая сила учит каждого человека понимать, что все в нем, что только он – независимый и абсолютно свободный творец и мастер всей своей жизни, настолько темные стараются внушить каждому, что он бессилен и немощен без внешней помощи и опеки, которые только и могут раскрыть двери к удачам, богатству, славе и почестям. Светлая сила говорит каждому человеку, что он никогда не одинок, что он всегда вдвоем: он и его Единый. А потому мощь его не имеет предела как частица Беспредельного, которую он носит в

своей форме и которую единится с людьми. В речах же темного всегда звучит призыв к отъединению. Обещая за полное послушание все материальные блага, какие только существуют на Земле, темный говорит встречному: «Не ищи разделить свои блага с кем бы то ни было. Все, что я дам тебе, – все сложи в склады и держи про себя. Если это материальные сокровища – копи их, ибо они сила и ими завоевывается мир. Если это знания – помни, что ими приобретается умение овладевать волей людей. Ни с кем ими не делись, старайся всегда становиться в позицию силы и борьбы. Друзья тебе не нужны, а врагов победить надо, ссоря их между собой. Никаких других возможностей побеждать нет. Можно только в их ссоре и вражде вырывать себе удачи и богатства. И чем жестче ты обращаешься с людьми, тем больше твоя сила, тем выше ты поднимаешься как владыка жизни»... Эти наставления составляют третье правило евангелия темных.

Действуя по этим трем правилам, темные овладевают огромным количеством людей инертных и слабовольных, завистливых и жадных, раздраженных и отрицающих, жаждущих внешних благ, карьеры и славы. Отрицание человека, его самость, его стремление всегда в жизни танцевать от своего «Я» и всюду выдвигать это «Я» часто приводят к встрече с темными. Человек может быть очень добрым и честным по существу. Его сердце может быть полно любви и благородства. И все же в его уме может бурлить протест против современности, узких рамок, которые ему предоставлены в

каком-либо деле, или он может протестовать против участия в его работе каких-то ему неприятных людей, или же он бунтует против тех людей, от которых он получает вести Света... И темной силе готов новый раб, даже не заметивший, когда и как он попал в цепь железных лап темных. Повторяю: темные могут быть обворожительны по внешности, их манеры могут пленять мягкостью и их уговоры могут походить на журчание горных ручейков для людей, мало распознающих, не собранных в своем внимании. И только несколько раз попив этой горной водички, неосторожный человек сможет разобрать вкус ее горький, запах ее, пьянящий его страсти, осознать, куда он забрел, какое сам, своею неосторожностью соткал зло. Зачем я говорю вам об этом и почему Франциск сказал вам, что бездна горя и отчаяния карликов в трапезной была ничто в сравнении с несчастьем тех людей, которых мы встретим в Общине? Я говорю вам об этом, чтобы вы овладели всеми силами Жизни, что пробудилась в вас, и вылили ее потоком радости из ваших сердец в привет и встречу новым знакомым. Чтобы поток этой непобедимой Радости помог легче вздохнуть, глубже вобрать в себя Свет тем страдальцам, что не знают всю жизнь мира в сердце. Франциск сказал вам о них потому, что знал в вас чистоту и верность, знал, что вы можете освободить в каждом из новых встречных какую-то щель, куда вольете мир и доброту. Строптивцы, живущие в дальней Общине, все без исключения, так или иначе столкнулись в своем бунте с тем-

ной силой и послужили ей, даже и не подозревая этого. Их самость в большинстве случаев была щелью для темных, и они проводили в мир свои дела и идеи через бедных строптивцев, которым и в голову не приходило, что именно они служат проводниками злу. Все, кого вы увидите в дальней Общине спасенными и устроенными в ней, спасены Белыми Братьями милосердия и охранены, защищены целой сетью добрых, через невинные сердца которых злым прохода нет. Вступая в зону этих охраняющих, несите им свою помощь, свою чистоту, мир и радость.

Ни на одну минуту не думайте о себе, но только о тех страдалцах, к кому приехали. Если в ком-либо из вас есть сомнение, что он не сможет так забыть о себе, чтобы ни разу не дойти до раздражительности, поверните своих мехари обратно в оазис. Здесь, – прибавил И., остановив своего верблюда, – живет пустынный, среди этой маленькой группы пальм. Кто в себе не уверен, кто не имеет безграничного самоотвержения, чтобы служить проводом энергии своему Учителю для помощи несчастным, чья верность дрожит перед необходимостью полного внутреннего самообладания и слияния с деятельностью Учителя, останьтесь здесь и подождите первого случая вернуться обратно в оазис Дартана. Сосредоточьтесь, воззовите каждый к своему Учителю и слушайте беспрекословно, что бы ни сказал вам Он. Если прикажет возвратиться, знайте, что, нарушив Его приказ, поступив так, как вам кажется прекрасным и нужным, вы

не только не сотворите добра, но соткете еще одну нить зла. Вы отрежете себе самым надолго возможность продвинуться вперед по пути освобождения...

И. замолк. Мы остановились в пустыне, вокруг царила полная тишина, даже дыхание животных ее не нарушало. Я воззвал так глубоко к Флорентийцу, как еще ни разу не звал Его.

«Тки сеть защитную вместе со мною вокруг всего каравана, – услышал я Его голос. – Тки сеть защитную вдвое бдительнее вокруг себя и порученной тебе в пути женщины. Помни, что рыцарь Мой не может стоять один в своей задаче Земли, но всегда стоит со Мною. Чаша в Моей руке – это твои дела и поведение в дне. Мужайся и сплетай Огонь Моей чаши с Огнем сердца той, чьим рыцарем тебе велено быть в пути. И. велел тебе опекать ее только в пути, я же велю тебе опекать ее и в Общине. Не размыкай сети защитной между тобою и ею во все время пребывания здесь, вплоть до возврата домой. Будь благословен, следуй за Моей верностью».

На этот раз я особенно пережил мгновенное слияние с моим дорогим Учителем. Я не ощутил никакого содрогания в теле, меня наполняло ликование, границ между «Я» и «не Я» я не сознавал...

Когда я опомнился, мехари И. стоял перед нами, И. смотрел на нас улыбаясь. У меня нет слов описать эту улыбку. Это была улыбка Бога и младенца, невинности и Мудрости, доброты и силы.

– Аминь, дети мои. Несите же смело и радостно, уверенно и просто дары своей Любви. Первое испытание Ей уже идет.

Мы снова двинулись в путь. Я не понял, о каком испытании говорил И., но очень скоро мне пришлось это узнать. Не успели мы перейти в галоп, как навстречу нам издали понеслось маленькое облачко пыли.

– Вот, Левушка, первое испытание, о котором говорил И., – указывая на пыльное облако, сказала мне Андреева, которая продолжала быть молчаливой, и это были ее первые слова.

Я с удивлением взглянул на нее, считая пыльное облако внезапным порывом ветра, очень неприятного, сухого, забивающего песком глаза и ноздри, с которым мы уже несколько раз встречались в пути.

– Это не ветер, а человек, – прибавила она, так серьезно и пристально взглянув на меня, что я в сотый раз был удивлен выражением ее огромных глаз.

Все ее лицо, обычно носившее в себе нечто от иронии, точно она знала так много, что внутреннее содержание каждого казалось ей забавным пустяком, не заслуживающим серьезного внимания, теперь было не только строго, но какая-то неумолимая суровость на нем меня поразила. Больше она не прибавила ни слова, точно вдруг забыла обо мне и обо всем, кроме приближавшегося к нам облака, с которого не спускала глаз.

Подчиняясь приказанию Флорентийца, я приблизил свое-

го мехари к животному Андреевой. Умные животные пошли совсем рядом друг с другом, так что я мог наблюдать за всеми оттенками выражения лица Натальи Владимировны. Через некоторое время вдали стали вырисовываться верхушки пальм. И. сдержал ход своего верблюда, и вскоре весь караван перешел на шаг. Облако пыли было уже близко к нам, и теперь я различал в нем ясно фигуру всадника на коне.

Всадник бешено мчался к нам. Не замедляя бег, он под скакал к самому каравану, остановив своего коня шагах в пятидесяти от нас. Он поставил коня поперек нашего пути, точно приказывая нам остановиться. Пыль еще не улеглась, и я не мог рассмотреть лица всадника. Но конь его был великолепен, и сам он сидел на нем как классически вылепленная скульптура. Его дерзостное намерение остановить наш караван всем нам было ясно. Но И. ни на минуту не замедлял шага своего верблюда, мы приближались к всаднику, и мне показалось, что неминуемо верблюд И. столкнется с конем всадника. Когда мы были не более чем шагах в пятнадцати от всадника, он поднял руку и прокричал:

– Разве вы не понимаете языка пустыни? Если я стал поперек дороги, караван должен остановиться.

Голос незнакомца был груб и резок. Теперь я видел и его фигуру, и его лицо совершенно отчетливо. Он был молод и довольно красив. И при всей своей сравнительной красоте он был отвратителен наглостью и вызывающей дерзостью, которые лежали на всем его облике. У меня мелькнула мысль,

что это разбойник, хотя его внешность была скорее элегантной, чем небрежной.

И. все так же двигался вперед, а всадник все так же держал свою руку вытянутой по направлению к нему. Вот-вот, казалось мне, должна была произойти стычка животных. Не доезжая шагов пяти, И. слегка поднял правую руку и сделал едва заметное легкое движение, как бы стряхивая что-то с кончиков пальцев, по направлению к коню и всаднику. Рука всадника мгновенно упала, как плеть, на шею его коня, конь, точно бешеный, взвился на дыбы, закружился, вмиг вынес всадника прочь с нашей дороги, и довольно долгое время всадник не мог справиться с взволнованным животным.

Я вспомнил приказ Флорентийца, усердно призывал Его имя, строя защитную сеть вокруг всего нашего каравана и особенно вокруг Андреевой и себя. Она, очевидно, почувствовала мое духовное напряжение, отвела глаза от всадника и очень тихо сказала мне:

– Спасибо, Левушка. Когда Али несколько минут приказал мне быть под вашим покровительством не только в пути, но и во все время пребывания в Общине, у меня был момент почти протеста и негодования. Ваша любовная забота тронула меня. Я поняла, что вы именно та сила самообладания, которая может быть тушителем моей раздражительности. Спасибо, мой верный рыцарь, я совершенно спокойна. Этот человек только и рассчитывал на возможность вызвать в ком-либо из нас страсть и воспользоваться ею, чтобы най-

ти брешь в нашей воле. Но он не знал, что И. ему не соперник. Будьте, друг мой, и дальше так же внимательны и защищайте весь караван своею сетью. Я буду вам помогать слева, Вы защищайте правую сторону, спереди И. – непроницаем, а сзади Ясса – защита верная.

Всадник успел наконец справиться со своим конем и резко закричал:

– Что такое? Почему вы не остановили караван и перепугали моего коня, не привыкшего к такому невежливому обращению? Ведь вы не дикарь и не дикарей ведете за собой? Мне надо с вами говорить, потому я и остановил ваш караван.

В голосе незнакомца меня удивила гамма очень разнообразных оттенков. Начал он дерзостным выкриком, а последние его слова были сказаны несколько извиняющимся, примирительным тоном.

– Вы не остановили моего каравана, – ответил ему своим обычным тоном И. – И если бы вам вздумалось повторить ваш дерзостный маневр, он стоил бы вам жизни.

– Вот как вы разговариваете в пустыне, где я являюсь владыкой, – снова дерзостно закричал незнакомец, однако резко дернул своего коня и отъехал от нас подальше.

Это меня так рассмешило, что я не в силах был удержать смеха. Но тут же был очень наказан за свою смешливость. Всадник поднялся на стремянах, пронзил меня своим взглядом – глаза его были черные и выпуклые – и в бешенстве

закричал:

– Щенята вашего каравана оскорбляют меня, а вы молчите!

– Перестаньте кривляться, несчастный человек, и говорите, что вам нужно? О чем вы просите? – ответил И.

– Я ни о чем не намерен вас просить, я при... при... я напомнить вам хотел, что въезд в эту Общину охраняю я и я никого туда не пропущу. Вы можете отдохнуть в моем доме, если хотите. В моем саду хватит места для всех вас, но вы обязаны вернуться назад, – говорил всадник, точно он чем-то давился и с трудом выговаривал слова.

– К вашему сведению, должен заметить, что охранник въезда вы плохой, так как наиболее многочисленная группа моего каравана уже в Общине, а вы даже не видели ее, несмотря на всю вашу воображаемую власть над этой частью пустыни. Я уже сказал вам, что еще одна попытка остановить мой караван будет стоить вам жизни. Постарайтесь собрать свое самообладание хоть сколько-нибудь и просите о том, о чем давно обращаетесь с просьбами к Али.

– Али – это Али, а вы... пф... Вас я не знаю и с вами разговаривать о важнейших для меня вещах, да еще в присутствии ваших спутников, и не подумаю. Али в древнем долгу у меня, и он должен меня выслушать.

– Али уже много раз выслушивал вас именно потому, что вы обращались к нему, упоминая этот старый кармический долг. К сожалению, Али выплатил вам свой долг десятири-

цею, и больше он не имеет права ни спасать вас, ни даже слушать. Мера его вещей относительно вас исчерпана. Если хотите обратиться лично ко мне, Милосердие открывает для вас эту новую возможность. Но помните, дважды она не повторится.

— Это мне нравится! Да на каком основании вы вмешиваетесь в мои дела с Али? Али был когда-то мне Учителем, естественно, что в трудную минуту я обращаюсь к нему. В посредниках я не нуждаюсь.

— Я уже сказал вам, что всякая возможность для вас быть выслушанным Али кончена. Я запрещаю вам двигаться дальше. Вы свили себе гнездо среди этого сада, уверяя всех, что Али дал вам на это свое разрешение. Но сами вы лучше всех знаете, несчастный человек, что Али не давал вам его. Сегодня для вас последняя возможность быть защищенным мною и спасенным в тайной Общине, так как в этой дальней Общине вам, сознательному злодею, места нет. Сегодня вы еще можете быть спасены Светлой силой. Но завтра будет уже поздно. Много раз обманутые вами ваши соратники темных сил завтра настигнут вас. И спасения вам от них, милосердия, которого вы в жизни своей не проявили ни к кому, вам от них не ждать.

Во внешности и манерах дерзкого всадника произошла разительная перемена. По мере того как И. говорил, вся его фигура, лицо, глаза становились олицетворением не только страха, но ужаса. Все же он старался овладеть собой, заста-

вить свои зубы перестать стучать и придать своему голосу подобие сарказма и дерзости.

– Вы воображаете, что можете запугать меня? О каких таких моих врагах вы говорите? Я понимаю, что Али мог бы меня кое в чем упрекнуть, так как он предупреждал меня. В последний раз даже поставил кое-какие условия. Я дал ему слово, что их выполню, и не сдержал. Но при чем здесь вы? Быть может, вы скрываете, что Али послал вас ко мне? – с некоторого рода подозрительностью и в то же время с затаенной надеждой закончил свою речь всадник.

– Если бы Али имел все возможности спасти вас, лживый и лицемерный человек, то и тогда он не остановил бы приближающейся к вам руки возмездия. Ибо эта рука соткана вами и может быть отведена тоже только вами. Кроме того, я уже сказал вам: Али не имеет ни одной возможности приблизить вас к себе, так как единственную узенькую тропку старинного кармического долга вы густо засеяли ложью, воровством и обманом. Через эти выросшие выше вашего роста стены вам не пробиться к Али никогда. Еще раз – и последний – я предлагаю вам свою помощь. Соглашайтесь немедленно отправиться в тайную Общину. Где она и что она, вы отлично знаете. Вы дали слово Али, что сами отправитесь туда, и вместо этого поселились в этом саду, считая себя защищенным от прежних своих друзей, которых вы обманули и ограбили. Вы выдали их тайны и тем превратили их в своих смертельных врагов. Я сказал – завтра они настигнут вас,

и вы точно знаете, какого рода муки и невообразимые пытки ожидают вас.

— А разве в тайной Общине, где день и ночь надо трудиться, где нет никакого простора собственной воле, где все только и делают, что стараются очистить с себя пятна грехов, где царит скучища, не такая же мученическая жизнь? Где там разгуляться на просторе смелой воле человека? Где там научиться подчинять себе волю людей и делать их своими рабами и слугами? Хорошенькое предложение вы мне делаете! Уж лучше...

Всадник не договорил. Очевидно, мелькнувшее в его уме представление о реальной встрече со своими врагами заставило его опять пережить неопишуемый ужас, отражением которого снова стала вся его внешность.

И. спокойно сидел на своем огромном мехари и с высоты его смотрел на всадника, который корчился под его взглядом. Из рта его забила пена, шею сводила судорога, глаза выражали бешеную злобу. Он силился поднять руку, но вместо этого ударил ею по шее своего коня, который взбесился и попытался сбросить своего жестокого господина.

— Я был бы согласен спрятаться там, так как знаю, что туда враги мои проникнуть не могут.

Всадник вдруг вскрикнул и на некоторое время замолчал, точно сердечная спазма не дала ему договорить фразы, и только через несколько минут продолжал:

— А вдруг вы обманываете меня, чтобы заманить в свои

сети такую силищу, как я? И если я соглашусь, примете ли вы мои условия, на которых я сочту возможным жить в вашем тайном месте?

И. рассмеялся и ответил тем голосом, звонким, как клинок, которым говорил очень редко:

– Что вы за «силища», в этом вы могли убедиться уже полчаса назад, не только сейчас, когда вся ваша игра смешного колдуна с побрякушками, которыми обвешаны вы и ваш конь, не помогает вам, ибо ни вы, ни ваш жеребец не можете двинуться с места. Полчаса назад у вас был мой гонец и предупредил вас, уговаривая смириться и образумиться. Сейчас Милосердие моими устами говорит вам: «В последний раз предоставлена возможность отойти от зла. Если в эту минуту не примете решения, ваша жизнь в веках окончится в страданиях только с жизнью планеты, а затем исчезнет из Вселенной, сожженная огнем вашей лжи и всей той кровью, что на вас. Выбирайте, времени нет, враги ваши уже близко».

Снова ужас потряс человека. Мне было ясно, что он теперь понял слова И. вполне и правда их его ошеломила.

– Я согласен, – еле слышно прошептал он.

И. приказал ему отъехать в сторону и присоединиться к Яссе до тех пор, пока мы не встретим надежного конвоя, который проводил бы его в безопасности в далекую тайную Общину.

– Надежный конвой? За два года жизни в этом саду ваш караван первый, который я увидел. Кто может проезжать

здесь? – говорил всадник, стоя в стороне, пока мы проезжали мимо него.

– Да, вы видели первый караван. Так же, как вы не видели в повстречавшемся вам пять месяцев назад купце ничего, кроме нищего бедуина. Но он видел вас и оповестил о вас пославших его на поиски за вами ваших врагов. Он искал вас усердно, ибо иначе ему не миновать было ужасной судьбы вроде вашей, – ответил И.

Проехав еще около получаса, мы поравнялись с прекрасным садом, и внезапно из-за густых низких пальм навстречу нам выехали пять всадников на маленьких арабских лошадаках. Все они, встретясь с нами, сошли с лошадей, встали на колени и поклонились И., коснувшись земли своими тюрбанами.

– Встаньте, друзья, – сказал им И. – Ваш грех давно прощен, и больше никогда не кланяйтесь мне в землю. Последнее, что вы можете еще сделать, чтобы окончательно освободить себя от власти злых, – отвезите этого человека в ту тайную Общину, где вы сами нашли себе спасение. Не бойтесь сейчас преследования злых, которые гонятся за этим своим рабом. Поезжайте спокойно и уверенно, между вами и ими встанет песчаная буря. Она укроет ваши следы и погубит весь труд тяжелого путешествия преследователей. Везите поручаемого мною вам спутника так, как будто бы я был неотлучно с вами.

И. повернулся к Яссе и сказал:

– Ясса, дай этому человеку узел с одеждой, что я велел тебе взять из оазиса, и отдай ему весь тот провиант, что тебе оставил Кастанда.

– Переоденьте платье, что вам подали, – обратился он к буйному всаднику.

– Отдайте своего утомленного коня Яссе и возьмите его мехари. На коне вы не доедете и до скал в пустыне, не только до тайной Общины.

Я не видел лица незнакомца, но каждым нервом чувствовал его протест и недовольство. Только страх заставлял его повиноваться. Довольно долго с помощью Яссы, ворча, он переодевался, пока И. разговаривал с вновь встреченными пятью всадниками. Я присмотрелся к их лицам, и был ими очень поражен. Мне казалось, что за их теперешним кротким и ласковым выражением, точно за кисейной занавесью, лежит другое – дерзостное, злое. Казалось, вот-вот мелькнет на каждом из этих лиц неуловимое движение мускулов и вспыхнет на них тот огонь ненависти и раздражения, которым было залито лицо первого всадника. Но сколько я ни вглядывался, лица бедуинов оставались неизменно спокойными и ласковыми.

Наконец бешеный всадник взгромоздился на мехари Яссы и подъехал к И. Посмотрев на него пристально, И. обратился к бедуинам:

– Вот, друзья, ваш спутник. Вспомните, как в этой же пустыне много лет назад я спасал вас от преследовавших вас

врагов, в каком диком ужасе были вы тогда и как ваши следы укрыла буря, намывшая непроходимые холмы песка между вами и преследователями. Десять лет вы не могли разорвать связи со своими темными врагами. Ненависть и страх вы посылали в ответ на их зло, и потому-то они и держали вас в своей власти крепче железных канатов. Только следующие десять лет научили вас простить ваших врагов, и, наконец, последние пять лет раскрылись ваши сердца, как широкие ворота Любви. Любовь пролилась из них, и вы простили и благословили ваших мучителей. Теперь перед вами встала последняя черта самоотвержения Любви: верните Ей сына зла. За этим я вас сюда и вызвал. Иди, друг. Верный конвой охранит тебя. Призывай силу мою к себе на помощь во все время пути и жизни в уединении, – обратился И. к всаднику. – Думай не о трудностях этой минуты, не о тяжелом дне, когда твои страсти раздирают тебя и мешают тебе видеть что-либо, кроме самого себя. Но думай, что вся жизнь твоя до сих пор, когда ты казался себе могучим, не дала тебе ни одного часа радости. Думай, как тебе понять, что такое радость. И в первый же раз, как ты ее испытаешь, ты прорежешь непроходимую для злых пропасть. Радость ведет к победам Любви, а злое уныние – к упорству воли. Упорство же воли – меч зла. Этот меч не может разить там, где живет радость.

Ни слова не ответил человек. Сидя высоко на мехари, окруженный своей стражей на маленьких лошадках, он был

похож на преступника, ведомого на казнь, так был зол его взгляд, такое безнадежное отчаяние выражала вся его фигура.

И. сделал знак рукой, бедуины поклонились ему по-восточному, молча окружили всадника на мехари, поехали рысью вправо, огибая сад, и исчезли так же неожиданно за лесом низких пальм, как и появились.

Постояв несколько времени и все время пристально смотря вслед исчезнувшей группе, И. тронул своего мехари, повернув неожиданно для меня круто влево. Только теперь, когда мы двинулись снова в путь, я отдал себе отчет в своем поведении во все время встречи. Я должен был себе признаться, что и на этот раз «наблюдал», а не «действовал» в том смысле, как учило меня евангелие серого дня жизни в Общине, то есть быть и становиться. Я переживал очень ярко все чувства несчастного, заблудившегося в жизни человека. Но я не нес ему из себя той силы самообладания, которую я сам же понял как действенную силу помощи, дающую возможность встречному гасить в себе страсти, хотя бы на время встречи освобождаться от них.

Почему же я не мог этого сделать, раз я понял, как надо действовать? Почему я не смог переливать в несчастную страдающую душу своей энергии любви? И снова я сам себе дал ответ: знать — значит уметь, а я только знал, но не умел. Я забыл обо всем и обо всех, забыл время, пространство и место, я все думал о бешеном всаднике...

– И теперь, Левушка, самое подходящее время для тебя вспомнить о задаче, что дал тебе Флорентиец, и точно приняться за свою роль рыцаря подле Натальи Владимировны, – вдруг услышал я голос И.

Я вздрогнул от неожиданности, посмотрел на моих спутников слева и справа, еще более удивился тому, что голоса И. никто, очевидно, кроме меня, не слышал, и перенес все свое внимание на Андрееву.

С первого же взгляда я понял, что Наталья Владимировна пережила встречу далеко не так, как я. Глаза ее блестели энергией, лицо было бледно, точно осунулось и похудело, губы были плотно сжаты, и вся ее обычно тяжеловатая фигура представляла из себя какой-то кулак силы. Иными словами я не могу определить своего впечатления. Я воспринимал всю ее как заряженную пушку, из которой вырывались снаряды целым потоком. Ни о чем ее не спрашивая, я точно знал, куда летели ее снаряды, знал, что она посылала свои огромные духовные силы не только несчастному бешеному всаднику, но и всем его спутникам.

Я преклонился перед ее духовным величием. Я понял, как была высока ее культура сердца и как никто и никогда не может проникнуть в святая святых другого человека, пока его собственное сердце живет манерой воспринимать встречного как конгломерат тех или иных качеств.

Мы мчались еще минут двадцать, и перед нашими глазами стали вырисовываться контуры стен с башнями, за ними

верхушки деревьев, кое-где крыши домов. Мне показалось, что мы подъезжаем к целому городу. Я никак не ожидал, что дальняя Община расположена на такой большой территории.

– Я здесь никогда не была, Левушка, – сказала мне Андреева. – Несмотря на то что Али сам учил меня многому, что составляло запретную зону для других, он много лет подряд запрещал мне приближаться к этому месту. Я не могла понять, почему он налагал здесь свой запрет. Я никогда не спрашивала его об этом, так как давно поняла, что только обыватели рассуждают, получая те или иные указания Учителя. Ученики же, получая их, знают, что им надо немедленно повиноваться и исполнять указанное. Сегодня я получила ответ на свой незадачный вопрос. Встреча, только что пережитая, разъяснила мне все. Мира в сердце, полной примиренности со своими собственными обстоятельствами, не было во мне до этой самой последней минуты. Сейчас, прочтя Жизнь не только этого несчастного, запутавшегося добровольно в сеть зла, но и тех пятерых страдальцев, что послужили злу невольно, по неведению и принуждению, я нашла силу в своем сердце постичь закон мудрости в каждом явлении жизни человека.

Горе и страдания невинных – по всем видимым, внешним признакам людей – меня возмущали. И вообще весь путь людей, в огромном большинстве ищущих страдания, меня выводил из всякого равновесия. Я готова была всем и вся раскрывать свои объятия, желая всем и каждому помочь. Глав-

ное, чего я не понимала, — мира не было во мне самой. И потому помощь моя сводилась к бунту, к вызову, к осуждению той или иной манеры действий людей, выше меня стоявших и обладавших всеми силами и возможностями помощи, как мне это казалось. И это главное открылось мне сейчас. Я поняла, что не всегда можно помочь человеку, потому что в нем самом лежит первое препятствие к помощи.

Человек бывает так закрепощен в своих предрассудках, что считает свою, на свой манер понимаемую верность какой-либо дружбе, любви или вере незабываемой, незыблемой истиной, величайшим светом и целью своей жизни. И такому упорно лично воспринимающему добро, лично воспринимающему всю жизнь человеку вся остальная Вселенная, с ее законом Жизни, кармой и следующими за ней по пятам закономерностью и целесообразностью, представляется мертвым хаосом, где на его долю выпадают не заслуженные им горести и муки. Али помог мне сейчас прочесть жизни только что встретившихся людей. Первый служил темным, отлично зная их цели и ища от них наград и возможности выхватить себе ряд ценностей жизни, как он их понимал. Устрашенный трудностью пути подле Али, он пожелал легкого достижения блеска, власти и богатства. Когда же понял, что у темных наука не только трудна, но еще страшна и ужасна, он бежал, обманул и дорого продал часть их дешевеньких секретов, которые ему удалось узнать. Час его расплаты с ними был бы более чем ужасен, если бы не милосердие

И. Спасти его Али не мог, потому что в самом человеке нет больше ни одного аспекта Чистоты, дорогу к которому был бы в силах расчистить Али.

И. поместит его в тайной Общине, где живут только такие же несчастные, связанные с темными, но бывшие когда-то в белых ложах Светлых Братьев Любви.

Пять всадников, лица которых до сих пор хранят на себе следы пережитых ужасов, не могли быть спасены вовремя от злой силы. И. старался сделать это много лет назад. У этих безумцев был еще один друг, которому они верили, чтили его своим старшиной и во всем следовали за ним. Старшина объяснил им однажды, что его вызвал великий духовный владыка, чтобы дать ему высокое посвящение. На самом же деле он отправился к темным, обещал им привести пять новых рабов, если они откроют ему свои великие тайны. Путем огромных страданий, путем полного убийства в себе всех человеческих чувств – милосердия, доброты, любви, жалости, сострадания – он добыл у темных часть их тайн. Настало время уплаты. Он должен был привести к ним пять обещанных рабов – слуг беспрекословного повиновения всей шайке темных, по всему миру содержащей своих соглядатаев. Встреченные нами пять людей пылали верностью и любовью к своему старшине. И. предупреждал их через своих учеников о вероломстве их друга. Не один раз посылал он к ним гонцов, старавшихся раскрыть им глаза на истинное положение вещей. Наконец он нашел возможность сам увидеться с ни-

ми, рассказал им, что все призывы их друга – ложь, что он увлекает их в ловушку, где их ждет гибель у темных. Но и личное свидание с И. не помогло. То, что они в своем темном заблуждении называли верностью другу, заставило их служить темным по указанию их друга, якобы для его спасения. Страшный путь прошли несчастные, все больше и больше давая темным возможность овладевать ими, пока они на опыте не поняли, что были игрушками в руках изменника и отступника. Тогда, полумертвые от пыток и ужаса, они воззвали к И., моля его о смерти, если спасение для них уже невозможно. И милосердный И. спас их. Как много надо сил сердца, Левушка, чтобы человек понял Истину и Ее божественный Закон, который наш дерзостный язык пытается судить, даже не понимая, о чем говорит. Все сейчас стало мне ясно. Все слова Франциска сложились в стройную систему творческих сил, где все, что творит, может творить только в мире собственного сердца. Никакое искание Истины, пути освобождения или самоотверженной жизни в любви невозможны для человека, пока в нем нет полной примиренности...

Я не замечал ничего, что делалось вокруг меня. Слова Андреевой наводили на меня ужас, до какой степени личные страсти и восприятие закрывают глаза условными повязками. И потому, когда мой мехари внезапно остановился, я точно с неба упал от нарушенного вдруг ритма движения.

Мы стояли у самой стены, высокой, сложенной из бело-

го гладкого камня, напомнившего мне стены домика Али. Несколько братьев в белых одеждах отворяли широкие ворота, за которыми был виден целый ряд фигур в белых, коричневых и серых одеждах. Когда мы въехали в ворота, я понял, что мы едем по короткой и широкой аллее сада. С трудом, с помощью Яссы и подоспевшего Никито, я сошел с седла, но И. немедленно своей рукой вложил мне в рот конфету, и я сразу почувствовал себя крепко стоящим на ногах.

Я бросился к Наталье Владимировне, с помощью дорогого Яссы помог ей выпутаться из всех ее покрывал и тесемок, предоставив Никито снять с седла леди Бердран. Бедная женщина была так разбита, что Лалия и Нина, подбежавшие на помощь, увели ее, почти неся на своих плечах. Что касается Андреевой, то она была крепка и свежа, точно и не ехала весь день по пустыне.

К И. подошел старец в белой одежде, с посохом в руках, с таким светлым, сияющим лицом, точно весь он двигался в облаке света.

– Добро пожаловать, Учитель. Вовремя, ах, как вовремя ты приехал, дорогой, – говорил он, обнимая И. и целуя его руку. И. отдал глубокий поклон старцу, поцеловал его руку, в которой тот держал посох, и ответил:

– Мир тебе, Раданда. Пославшие меня шлют тебе новые задачи, но не раскрепощение от них.

Как бы легкое облачко мимолетной грусти промелькнуло на светлом лице старца, но через мгновение оно снова заси-

яло радостью, он оглядел всех нас чудесными синими глазами.

– Задачи новые, значит, и Свет придет новый. Мир тебе и пославшим тебя. Я думал, что выполнил меру своих вещей. Значит, я ошибся. Придите, друзья, в мои объятия.

Он обратился ко всем нам. Каждого из нас он обнимал и благословлял. Каждому он заглянул в глаза, каждому улыбнулся и каждому шепнул какое-то слово, но так тихо, что его слышал только тот, к кому оно было обращено. Мне он сказал: – Пиши о людях просто.

Хотя я и привык уже к тому, что многие и многие люди обладали способностью читать не только мысли, в данный момент обуревавшие человека, но могли почти мгновенно прочесть весь его характер и все его способности, меня поразило, что старец ответил мне на вопрос, который уже много времени тревожил меня.

Многие давали высокую оценку моему произведению. Рассул – последний, кто говорил со мной о нем, – еще больше раздул во мне огонь творческого беспокойства, который сводился, в общем, к двум словам: как писать? И вдруг старец в пустыне разрешил мои тревоги одним словом: «Просто». Да, он указал мне путь. Его слово объяснило мне главную силу писателя в его изображении типов людей, но... какая бездна мудрости должна звучать в сердце человека-писателя, чтобы сказать о жизни другого или о своей – «просто».

Мои размышления были прерваны. Старец Раданда, оказавшийся настоятелем, лично повел нас в глубь прекрасного сада, где было много цветов и даже огромных еще не виданных мною цветущих деревьев. Он привел нас к скромному беленькому домику, напоминавшему своим видом монастырские гостиницы.

– Вот дом в твое полное распоряжение. Учитель. Здесь разместить всех, кто приехал лично с тобой. Тех же, что ты прислал раньше, я разместил так, как ты приказал Никито.

Старец поклонился низко И., потом всем нам, улыбнулся и, прошептав: «Благословенны будьте», – ушел. Пока глаза мои могли его видеть, мне все казалось, что он не шел, а катился, как огромный шар, переливавшийся всеми цветами радуги.

И. приказал всем мужчинам устроиться в верхнем этаже, лично ему оставить угловую комнату, а женщинам предложил занять нижний этаж.

Помня свои рыцарские обязанности перед Натальей Владимировной, я помог ей устроиться и разобраться в ее многочисленных вещах в той маленькой комнатке, которую она себе выбрала. К моему удивлению, она прошла мимо нескольких больших комнат, довольно комфортабельных, и выбрала себе маленькую беленькую келейку, где едва умещалась узенькая кровать, небольшой стол, шкаф и стул. Устроив свою даму, я поднялся наверх, где встретился с И. у дверей его комнаты, расположенной совсем особо от всех

остальных. Я хотел его спросить, где мне расположиться, как он предвосхитил мой вопрос и сказал:

– Левушка, настоятель предложил мне выбрать себе келейника для моих сношений с членами Общины, так как размеры ее порядочны. Не согласишься ли ты, – он засмеялся, – занять этот высокий пост келейника-секретаря при моей особе? И не желаешь ли поместиться рядом со мной? Имей в виду, что бегать по Общине и тренировать свою память тебе придется немало.

И. не пришлось сказать мне еще что-либо, так как восторгу моему не было предела. Я бросился на шею моему дорогому Наставнику и немедленно ощутил блаженство и легкость на сердце от его ответного объятия.

В ту же минуту я почувствовал на своих плечах тяжесть моего белоснежного друга, который не замедлил проделать свой обычный фокус, даже прибавив к нему на этот раз пронзительный крик, что у него выражало наивысшую радость.

На крик Эта выскочили Бронский и Игоро, и под общий смех я получил первое приказание И. как келейник.

– Оповести всех, приехавших с нами, что через час будет общая трапеза, в которой все мы, без исключения, примем участие. Все должны быть в белых, чистых одеждах. Каждый в своем шкафу найдет такую одежду. Ванна женщин – направо от дома, мужчин – налево. Предупреди всех, чтобы через сорок пять минут все были готовы и ждали у подъезда дома. Я сам поведу всех в трапезную, где надо сохранять полное

молчание. Смотри, не опоздай сам.

Я отправился выполнять свое первое поручение в Общине, конечно, в сопровождении своего друга Эта. Через три четверти часа я был первым на условленном месте.

Глава II

Трапезная. События в ней. Мое новое понимание жизненных путей человеческих

Не успел я присесть на ступеньку крыльца и пригласить перышки на белоснежной спинке Эта, как послышались быстрые шаги и в дверях появилась Наталья Владимировна. Она всегда была одной из тех, кого ждут, если, конечно, ее не интересовало что-либо особенно, но сейчас меня удивила не только ее поспешность, но и легкость всех ее движений и походки. Я положительно не узнавал эту женщину с тех пор, как мы выехали из оазиса Дартан.

– На этот раз, Левушка, – сказала она мне без всякой иронии и юмора, – я хотела опередить всех и все же пришла позже вас, хотя видела, как вы мчались куда-то с Эта по аллее. Мне бы очень хотелось разделить ваш труд и хоть бы чем-то малым выразить вам свою огромную благодарность за ваше джентльменское поведение не только по отношению ко мне, но и ко всем нам. Я не видела еще ни одного раза на вашем лице недовольства и не слышала ни одного слова осуждения кому-либо. Одеваясь и готовя себя к трудному моменту общей трапезы, я особенно ясно отдала себе отчет в достигну-

том вами, ребенком, и устыдилась своей отсталости в некоторых вопросах.

– Почему вы думаете, Наталья Владимировна, что свидание с новыми людьми в трапезной – такой тяжелый момент? – спросил я ее, пораженный этой мыслью, так как мне это первое свидание казалось привлекательным и более чем интересным.

Наталья Владимировна не успела мне ответить. В дверях показался И. Часто я видел его прекрасным, но никак не мог привыкнуть к его лицу. Каждый раз оно казалось мне новым. На этот раз я вдруг понял, что не у И. менялось лицо, а моим глазам открывалась все новая возможность видеть в этом лице что-то большее, чем я мог видеть в нем раньше. Точно так же не особенно давно я понял, что я не знаю и тысячной доли того, над чем трудится И., и могу видеть только то, с чем непосредственно сталкиваюсь в его работе, да и ее вижу далеко не всю.

Почти мгновенно я пережил в памяти весь этап жизни с момента пира у Али. Мои слезы в вагоне и беседу И. со мною. Разлуку с Флорентийцем в Москве. Мое отчаяние первых минут. Бурю на море... И я низко поклонился И., не имея иного способа выразить ему глубочайшую благодарность и благоговение за все проявленное ко мне нечеловечески высокое милосердие. Поистине только сверхчеловек мог отнестись к маленькому существу, каким был я, так, как он относился ко мне. Когда я выпрямился после моего глу-

бокого поклона, я встретил приветливую улыбку и услышал невыразимой доброты голос:

– Все в сборе и в полном порядке. Блистательные одежды, которые мы надели, должны соответствовать тем миру и радости в наших сердцах, с которыми мы войдем в дом скорби. Быть может, никто из вас не увидит никаких внешних признаков скорби на лицах людей. Возможно, что некоторые из вас не смогут проникнуть в великую внутреннюю скорбь сердца отдельных людей. Но каждый из вас почувствует, вне всяких сомнений, в какую тяжелую атмосферу он вошел, и каждому из вас будет даже физически трудно дышать в атмосфере трапезной. Идите же туда, героически неся радость бедным страдальцам, и несите каждый волю-Любовь своего Учителя им в помощь. Еще раз напоминаю вам: по закону жизни этой Общины в трапезной надо хранить полное молчание. Говорить в ней может только настоятель или тот, кому он сам предложит говорить.

И. всех нас оглядел, всем улыбнулся, посмотрел на Эта – мне показалось, что он прикажет мне оставить Эта здесь, – но он сказал:

– Возьми птицу на руки. Ты оставишь ее у привратника при входе в дом настоятеля, к которому мы предварительно зайдем.

Я исполнил приказание, чем Эта остался очень доволен, и мы пошли по широкой аллее, вдыхая в спустившейся уже темноте чудесный аромат цветов. Шли мы минут пятнадцать

и пришли к островку, отъединенному от общего сада большим рвом с водой, как мне показалось сначала. Потом я узнал, что островок был образован ручьем, вытекавшим из озера, находящегося довольно далеко и выше этой части сада. Мы перешли мостик и остановились на лужайке перед небольшим старинным домом из белого камня.

И. шел впереди, за ним шли я, Андреева, Игору и Bronский, дальше леди Бердран, Никито, Лалия и Нина, присоединившиеся к нам. Последними шли Ясса и Терезита. Больше я не видел никого из нашего каравана. Я подумал о сестре Карлотте, о неистовом монахе и обо всех тех, кого вывез И., ехавших не в нашем отряде. Будут ли они в трапезной или их жизнь здесь начнется иначе? Я вовремя вспомнил о «перце» мыслей, собрал свое внимание и сосредоточился на текущем «сейчас».

И. один вошел в дом настоятеля Раданды. Мы же все молча стояли на лужайке. Взглянув на лица моих спутников, я понял, как глубоко все они были сосредоточены и как старались быть действительно добрыми в глубине сердца. Я устыдился своей рассеянности и последовал их примеру. Через несколько минут в дверях показался И., держа под руку древнего настоятеля.

Оба они на миг остановились, окинули взглядом всю нашу группу, и, к моему удивлению, настоятель ничего не сказал мне про Эта. Снова Раданда показался мне радужным шаром, но было ли то влияние света взошедшей луны или игра

огромных звезд, отражавшихся в дрожащей воде, я не знаю. Но показалось мне, что и И. шел в сияющем шаре, включив в свое сияние весь шар Раданды, казавшийся теперь по сравнению с сиянием И. тусклым и небольшим. Глаза мои были прикованы к этому новому и непонятному для меня явлению, от которого я был не в силах оторваться. И не только внешним зрением я не мог оторваться от этого дивного зрелища, я весь утонул, точно расплавился в счастье, в радости жить. Доброта и сила наполняли меня. Мне казалось, что доброта и сила льются ко мне из шара И. и заливают все мое сознание. Раданда, радостно улыбаясь, поднял руку и благословил всех нас. Мы, счастливые, бодрые, в полном бесстрашии и жажде действительно любить и служить своим ближним, пошли вслед за нашими наставниками. Говорю «мы», а не «я», потому что в эту минуту ни у кого из нас не осталось перегородок личного – мы слились воедино в той гармонии, которую нам излучали наши высокие братья.

Необычайное спокойствие сошло в мою душу, такие же спокойствие, мир и свет, какие наполняли меня после чтения записей в моей зеленой книге, которую я нашел на своем алтаре...

Трапезная была не так далеко. Подойдя к привратнику, настоятель остановился, обернулся и, улыбаясь, поманил меня пальцем. Когда я подошел к нему, он сказал мне:

– Передай, друг, твою птицу этому привратнику. Он, хотя на этом месте устроен мною очень недавно и не успел еще

узнать всех правил нашей Общины, но человек добрый. Да и знаком он тебе и твоей птице.

Удивлению моему не было конца. Кого мог я знать в этой дальней Общине? Да еще такого человека, которому был бы знаком мой птенчик? В темноте я не видел лица привратника. Когда свет от И. и старца упал на вышедшего из своей сторожки привратника, я невольно вскрикнул: «Мулга!»

Эта сам перепрыгнул на руки Мулге, издавая нечто вроде воркования. Мулга, улыбаясь во весь рот и поглаживая спинку Эта, приветливо кивнул мне, точно желая дать знать, чтобы я не беспокоился о птице.

– Подержи птичку у себя во время трапезы. И выполняй свои обязанности привратника строго и неумолимо точно. Приказ мой тебе на сегодня таков: никого, ни единой души не пропускай больше в трапезную. Никто не имеет права – по нашему закону внутренней жизни – опаздывать к трапезам или беспокоить кого-либо вызовом из-за стола. Тех, кто сейчас опоздал, как бы они тебя ни молили, какие бы доводы тебе ни выставляли, не пропускай. Если бы даже кто-нибудь из них говорил тебе, что человек умирает и зовет кого-либо из тех, что находятся в трапезной, помни мой приказ и неумолимо выполняй его.

Чтобы тебе было легче и сердце твое не наполнилось сомнением, знай, что глазам моим ничто не мешает видеть в каждую минуту всю мою Общину и все, что в ней делается. И если будет нужда, я сам первый выйду или вышлю помощь.

Помни же, друг, стой, как часовой на часах, охраняй мир и покой трапезников.

И. взглянул на меня.

– Я предупреждал тебя, Левушка, что надо сохранять полное молчание. Собери внимание еще глубже, мой мальчик, поставь между собой и всеми, кого увидишь, образ Флорентийца и действуй, действуй, действуй, любя и побеждая в полном творческом самообладании. Мои друзья, помните все, что такое «добрый», – прибавил И. ласковым нежным голосом, точно выливая на нас поток доброты из своего великого сердца.

Мы миновали высокую толстую стену, вошли во внутренний дворик, залитый светом высоких фонарей и освещенных окон, больших и многочисленных, и подошли к большой двери, напоминавшей вход в храм. Пройдя в дверь, мы попали в широкий коридор, хорошо освещенный, но я не понял, чем и как он освещался и откуда лился свет сверху. Мне показалось, что наверху тоже были освещенные окна, но я боялся рассеиваться на внешние наблюдения, стараясь хранить в сердце образ великого покровителя Флорентийца. Кто-то взял меня за руку. Я увидел подле себя Наталью Владимировну. Она снова показалась мне, как в пустыне, пушкой с тысячью снарядов.

– Левушка, я рядом с вами. Не забудьте включить в свое защитное звено, – шепнула она мне.

– Я не знаю, как это сделать, – ответил я ей, пожимая ее

горячую нервную руку.

— Между мной и собой поставьте образ Флорентийца. И в каждое действие вашей мысли и сердца включайте меня, думая «мы», а не «я», — ответила она, продолжая держать меня своей горячей рукой и точно сливая свою силу с моим существом.

Так мы и вошли в трапезную рука об руку. Я ощущал ее сейчас как сестру, ближе которой не имел, как мать, покровительницу и защитницу, которой в жизни своей не знал.

Сердце мое билось сильно, радостно, точно я шел не в дом страдания, о котором говорил Франциск, но на пир Жизни и Света. Перед И. и настоятелем два старых брата в длинных белых одеждах распахнули настежь высокие и широкие двери трапезной, и мы вошли в огромный зал, заставленный длинными и узкими столами, за которыми сидели люди, вставшие с мест при нашем появлении и приветствовавшие нас глубоким поклоном.

Первый от входа стол был наполовину пуст. Остановившись подле него, настоятель поклонился И., приглашая его занять первое место справа. Нас с Андреевой он усадил подле И., остальных разместил так, что Никито и Ясса были последними, соприкасавшимися непосредственно с обитателями Общины и представлявшими из себя как бы барьер между ними и нами. Пока мы размещались по указанным нам местам, все наполнявшие трапезную продолжали стоять.

Настоятель поднял правую руку, благословил всех, отдал

свой посох келейнику и занял свое место за узким концом стола, с которого ему были видны все находившиеся в зале.

Когда Раданда и И. опустились на свои места, все присутствующие еще раз поклонились им, сели и несколько братьев стали одновременно подавать пищу на все столы. Как все здесь разнилось от Общины Али! Там слышались смех и веселый говор, здесь царила гробовая, торжественная тишина. Там на столы, покрытые белоснежными скатертями, уставленные благоухающими цветами, подавалась разнообразная пища, которую каждый брал себе сам, сколько и как хотел. Здесь столы были тоже белоснежны, из пальмового дерева, чисто вымытые и отлично отполированные, но ничем не покрытые. Возле каждого человека стояла деревянная тарелочка с хлебом вроде хлебцов Дартана, лежала деревянная ложка и небольшая бумажная салфетка. Братья-подавальщики ставили каждому мисочку, не особенно большую, глиняную, с похлебкой.

Пока настоятель не взял ложку в руку и не начал есть, никто не прикасался к пище. Боясь совершить какую-либо бестактность, я смотрел на И., рядом с которым сидел, и ел только тогда, когда видел, что он ест. Признаться, когда мы шли в трапезную, у меня разыгрывался аппетит. Но сейчас, увидев столь непривычную для меня обстановку, я был бы рад совсем не отвлекаться вниманием на еду. Мне теперь казалось, что я совсем не хочу есть, так я был поглощен морем необычайных человеческих фигур, среди которых очутился.

Лица сидевших за столом людей сразу поразили меня двумя противоположными признаками: одни из присутствующих пристально смотрели на нас, точно хотели запомнить каждого из нас. Другие сидели, опустив головы и глаза, точно протестуя против нашего вторжения в их царство. Я почувствовал легкий толчок со стороны Андреевой, спохватился, что я не только не строил защитной сети, о которой она мне говорила, но что я снова наблюдал. Я посмотрел на нее и чуть было не сказал «Спасибо», как почувствовал удар в лоб, пришедший ко мне от Раданды. Я невольно взглянул на него и вдруг — не знаю и не сумею даже сказать, каким способом, — понял, что он велит мне запомнить все, что я здесь вижу, и особенно обратить внимание на ближайший от нас стол с левой стороны.

Опять-таки не могу объяснить, каким образом я понял, что за этим столом сидят именно те строптивцы, к которым мне дал поручение Дартан. Впервые в жизни я понимал немой разговор, будто из шара Раданды летели ко мне его мысли, кусочки его световой радуги, и сливались точно и ясно с моим сознанием, складываясь в образы. Мало того, я чувствовал силу, которую вливала мне Андреева, помогая сосредотачивать мои мысли. Я собрал все внимание на указанном мне Радандой столе. Там сидели мужчины и женщины самого разнообразного возраста, от очень молодых до глубоких стариков. Особенно поразила меня одна фигура. Это был высоченный человек, размерами и темной кожей

похожий на Дартана, но выражением лица, дерзостным, буйным и вызывающим, напоминавший мне монаха Леоноро, нападению которого я подвергся в памятную ночь, когда ходил с Франциском к профессору и Терезите.

На этот раз я не раздумывал о типе и характере этого человека. Я молил Флорентийца помочь мне сохранить всю чистоту сердца, чтобы иметь силу выполнить данное мне Дартаном поручение. Невольная робость овладела мною при мысли, что я ответствен за все предстоящие встречи, удача или неудача которых лежит только в любви и чистоте моего сердца.

Уже подавальщики поставили кашу на столы, а настоятель не брал еще ложку в руку, и все трапезующие сидели в глубоком молчании. Но вот он взял ложку и сделал глоток, и все руки поднялись с ложками. Раданда, мне казалось, только делал вид, что кушает. На самом же деле в его мисочке, ничем не отличавшейся от всех прочих, было едва видно на дне ничтожное количество каши. Сделав еще один глоток, он оставил ложку в своей мисочке и сказал:

– В прошедший раз я говорил вам, братья и сестры, о том, что такое терпение, для чего оно нужно всякому человеку и как без него никто не может выработать самообладания. Я говорил вам и о гостеприимстве. Говорил и о приветливости, с какими должен человек встречать гостей. Особенно тех гостей, которые приезжают в вашу Общину, совершая тяжелый, монотонный путь через пустыню. Каждый из вас пусть

сам ответит себе, был ли он приветливым хозяином сейчас, нес ли он любовь в привет и встречу гостю. Среди нас сейчас великий Учитель. Большая часть из вас подобрана им, водворена здесь его милосердием, обязана ему своим спасением и... кроме нескольких, благоговейно приветствующих его всей душой и сердцем, большинство из вас занято критическим рассматриванием его спутников или бессмысленным бунтом за якобы нарушенный мир вашего существования. Бедные вы, бедные мои страдалцы! Много лет сердце мое носит вас, мир мой окружает вас, радость моя движет вас вперед, и все же на первом месте ваших духовных волн идет отрицание.

Отрицание ваше, так много раз уже понятое вами как бессмысленное заблуждение, как пелена условности, покрывающая ваши глаза, все же сегодня опять стоит на первом месте, мешая вам найти самообладание. Наш высокий гость, Учитель И., скажет вам о самообладании. Из его слов вы еще раз поймете, что только тот, кто нашел в себе силы привести в полное самообладание весь свой проводник¹, может разыскать тропу к творчеству. Вы же – за малым исключением – все гордитесь своими творческими талантами, не понимая, что творчество человека начинается с того момента, когда он может попадать в русло гармонии хотя бы на короткие

---

¹ Человек – проводник разнообразных Сил Природы и Сознания, источник которых Единое Существование, которое верующие называют Всевышним, а философы – Абсолютной Реальностью. (*Прим. ред.*)

минуты. Слушайте же, мои дорогие, мои любимые дети, слово великого Учителя. Не скоро, ох, как не скоро услышите вы снова его зов. Не пропустите летящего мгновения, когда Милосердие шлет вам свое озарение. Не то важно, что, проводив Учителя, вы будете вспоминать его слова, обдумывать их и раскаиваться. Важно в эту минуту суметь победить в себе мелочь условного и ухватить слово Величия, спустившееся к вам. К вам, все ищущим, все пытающимся доказать самим себе, что горе ваше не в вас, а вне вас живет и что жизнь, какою живете, не ваших рук строительство, но извне подошедшая к вам волна скорби. Не откажи, великий Учитель, в своем чудесном слове нам.

Раданда встал и низко поклонился И., И. отдал старцу поклон, поклонился всем присутствующим и, стоя, начал свою речь:

— Мои дорогие друзья, мои близкие братья и сестры. Много лет я не видел вас. Много лет я не расставался с вами в моих мыслях. Не было такого дня, чтобы я забыл послать привет моей любви, как и не было такого случая, чтобы кто-либо из вас, взывавший ко мне всей своей верностью и верой, не получил от меня ответного приветов и помощи. Мы будем иметь еще время переговорить о делах каждого из вас в отдельности. В эту же минуту первого свидания вызовем каждый из глубины освобожденного сердца все то радостное, что там затаено. Эта минута, как и каждая минута творщей Любви, пусть разрежет все путы условностей, меша-

ющих общаться в огне и духе. Мир, который я привез вам сегодня, не мир одного моего сердца. Но мир всего Светлого Братства, которое поручило мне передать вам свой привет, любовь, признание и помощь.

Наибольшим вашим страданием, переведшим вас в ряды бунтарей, строптивцев и отрицателей, было то, что вы не были признаны вашей современностью, вашей средой, соотечественниками или теми людьми иных государств, где вы искали себе популярности и признания. Но разве это есть цель и смысл жизни выдающегося человека на Земле? Единственной целью человека, проснувшегося к жизни, то есть к творчеству, является деятельность по развитию и укреплению Божественного плана на Земле. Каждый из вас не только знает, но слишком много знает, как идут пути мировой эволюции людей.

Что же сбивало вас с тех троп, по которым идут, служа Светлому Братству, помогая ему выполнять мировые задачи, для помощи и роста человечества? Если вы внимательно взгляните в свое сердце, вы увидите, что вовсе не отсутствие любви, не отсутствие самопожертвования или энергии заставило вас сойти с пути правды и добра, но отсутствие в вас радости и самообладания. Подумаем, что такое самообладание. Есть ли это умение владеть всеми своими телами, чувствами, мыслями, словами? Нет. Хотя для большинства обычных людей и это самообладание недоступно и является идеалом и мечтой. Но для ученика – для человека, желающе-

го стать членом Светлого Братства, – такое самообладание даже не начальная часть пути, где разыскивают тропу. Оно только младенческий период подготовки к встрече с Теми, перед которыми нельзя стоять в страстях и бунте... В чем же проявляется первая черта самообладания человека, стремящегося к пути в ногу с Братьями Светлой Общины? Первая ступень ученического самообладания – простое признание себя и каждого равными величинами Вселенной. Равными носителями Единой Сущности, проливающей во Вселенную свои Силу, Свет и Мир. Если сердце человека свободно от предрассудка неравенства, он не придает никакого значения тому, что в нем больше талантов, чем в его встречном. Он не чувствует своих талантов. Он мчит свой день, выливая во все дела и встречи силы Единого, что ожили в нем.

И потому он не только не ждет наград и похвал, но он раскрывает из себя сноп Света и втягивает в него всякого приближающегося к нему. Поэтому он носит в себе незыблемый мир – аспект Единого. Ему не приходится ежеминутно поправлять мигающий светильник, насильно, от ума, уговаривая самого себя вновь и вновь быть спокойным, мудро терпеливым и принимать свой день легко.

Вы сами понимаете, что при таком неустойчивом самообладании, когда во всех нервах стягиваются болезненные, судорожные узлы, человек не имеет возможности думать о том, кого он встретил, так как мусор его собственного мигающего светильника сбился в плотную перегородку между

ним и встречным.

Признание, которого вы так добивались от современности, которого не получили, что и создало большинству из вас кровоточащие раны, вам шлет Светлое Братство. Оно признает вас равными себе. Оно принимает вас под свою защиту. Оно посылает вам свою Любовь, свою энергию, свою радость, чтобы в вас раскрылась доброта в сердце. Самая простая доброта к людям, которых вы признаете равными себе, как Светлое Братство признает вас равными себе и благословенными. С того мгновенья, как однажды человек поймет, что он составляет центр встречи, что он ведет тот аккорд, в котором звучит весь его день, самообладанию его раскрывается новая сила и новый, укрепленный со всех сторон путь, так как своими эманациями доброты и самоотвержения он призывает и сливается с путями вибрирующих лучей Светлых Братьев. С этого момента он может подпустить их к себе как защитное кольцо, в котором пойдут его дальнейшие действия и встречи. Мысль, что данный человек так еще далек от знаний, которыми обладаете вы, от тонкости чувств и мыслей, в которых живете вы, не дает вам ни права отъединяться от него, ни оправдания вашей деятельности, какой бы высокой вы ее ни считали в свое данное «сейчас». Если бы Светлое Братство, вплоть до самых вершин своей величайшей иерархии, думало так, то человечество никуда и никак не продвигалось бы в своей мировой эволюции. Вы же, наоборот, видите, что никто не лишен внимания, никто

не оставлен без помощи Светлым Братством. А каковы мощь и радостность этой помощи, все мы, здесь находящиеся, можем судить по собственному примеру, по тому спасению, что подало каждому из нас, так или иначе пострадавшему или запутавшемуся в жизни, Светлое Братство. Гениальные черты в отдельном человеке никогда не могут прийти в тот организм, в котором глубина Любви не создала святая святых в сердце. Только из этих глубин льются потоки творящей Силы, и только из них видит и слышит человек высокие эманации Творца, посылающего через миллионы каналов Свою силу на Землю.

Приказать себе творить так же невозможно, как невозможно обучить творчеству другого человека системой подражания самому себе. Чтобы вообще учитель мог обучать ученика, надо, чтобы он сам на собственном опыте понимал источник, из которого льется творящая волна. Кроме того, учителю надо суметь приспособиться к манере мыслить и воспринимать текущую жизнь самого ученика. Тогда только он может стать в его положение и попытаться найти для него такую систему преподавания, где бы тот сам мог понять, как ему освободить в себе волю и силу от личного зажима мелких и низменных страстей и мелькающих ломаных мыслей. Если вы проверите вашу жизнь до прихода в эту Общину, первые годы жизни в ней, годы последующие и даже до самой последней минуты пребывания в этой комнате, можете ли вы сказать, что первым и важнейшим делом вы считали и

считаете единение с людьми? Можете ли вы сказать, что первой мыслью при вашем пробуждении вы несли мысль расцветавшему дню: разделить труд Светлого Братства, внести маленькую часть своего самоотвержения в общий план труда Светлых Братьев? Имея знания, вы увлекались одной личной жизнью. Вы говорили – и внешне якобы так и действовали, – как вы интересуетесь трудами общего просвещения. Но на самом деле вы интересовались ими постольку, поскольку в этих трудах расширялась и развивалась ваша собственная личность. Настал час – для всех вас без исключения – двинуться теперь к более высокому самообладанию и раскрыть себе путь к единению, тесному и радостному сотрудничеству со всем Светлым Братством. Неужели до сих пор так плотно закрыты ваши глаза телесными покрывалами, что вы все еще не понимаете ясно, где, откуда и как раскрывается путь к этому высокому и светлому сотрудничеству? Неужто повторять вам азбучные истины, что путь к Учителю ведет через серый день, через деятельное единение с окружающими людьми, через внимание и милосердие к ним? Взгляните внимательно вокруг себя. Почему половина из вас и сейчас хранит резкий протест друг против друга? Почему часть из вас ревниво отгораживается от своих сожителей в Общине? Почему только отдельные единицы идут, дружелюбно улыбаясь ближним? Только потому, что некоторым из вас самообладание кажется их личным вопросом, то есть: «Никому, кроме меня самого, нет дела до того, как я себя веду,

если я его не трогаю». О нет, друзья! Вы не только не правы в подобном заключении. Но и вся система выстроенного вами мироздания на подобных началах – мыльный пузырь. Ибо начальный фундамент, на котором вы его строили, ваше «Я», ваша личность, не может вливаться в труд Вечного. Пока сила вашего раскрытого Духа не свяжет ваш труд дня Земли с огнем Жизни, до тех пор вы не войдете в сотрудники Светлого Братства. А эта связь ткется самим человеком, только теми частями сердца и сознания, в которых не бушуют страсти, но царит радость. Когда я был здесь в последний раз, а это было сравнительно давно, я сказал вам: «Будьте бдительны каждый день своей жизни здесь, чтобы, когда мы встретимся в следующий раз, не было поздно. Чтобы ваши глаза имели силу смотреть весело и радостно на окружающую вас Жизнь, чтобы ваши сердца начали себя чувствовать ее частицей». Половина из вас все так же сидит, мрачно нахмурившись и опустив глаза в землю. Разве мало истощил вам любви ваш настоятель? Разве мало внимания отдают вам те братья, кому был поручен надзор за вашими нуждами? Дерзнет ли кто-либо из вас обвинить служителей этой Общины в малой доброте к вам? Существует ли здесь уклад наказаний и взысканий? А между тем сколько раз каждый из вас провинился в грубости перед многими из братьев этой Общины, так самоотверженно обслуживающими вас. Перед тем как выйти из этой комнаты, поднимите ваши головы и взгляните мне в глаза.

Как только И. произнес эти слова, почти все головы поднялись и взгляды людей устремились к И. Я содрогнулся: столько сарказма, злобы и даже ненависти прочел я в этих внезапно поднявшихся вверх глазах. И. на каждом лице остановил свой взор. И точно волшебная ласка стирала на лицах под его пристальным взглядом их возбуждение. Выражение менялось, смягчалось, успокаиваясь, и по щекам некоторых покатались слезы, резко изменив весь облик людей.

Глаза же тех, кто сразу при нашем входе в трапезную впился в лицо И., и тех, кто встретил нас дружелюбно с самого начала, сейчас выражали полный восторг и мир.

Но три человека оставались склоненными к своим столам, и казалось, никакая сила не заставит их распрямиться – такое упрямство выражали их фигуры. К моему удивлению, одним из низко склонившихся оказался человек, напominивший мне сходством Дартана. Он до этого момента все время сидел прямо и зорко наблюдал за каждым движением И. и за всеми нами. Но как только И. встал и начал говорить, он опустил голову и все ниже склонялся к столу, что при его колоссальном росте ему давалось плохо.

Две другие не поднимавшие голов фигуры сидели также не особенно далеко и резко выделялись черной одеждой среди белых платков и платьев. Меня уже давно поразило, что среди белых одежд за этими двумя столами сидело по черной фигуре. Что касается человека, похожего на Дартана, то

он был одет в нечто вроде рясы голубовато-дымчатого цвета и на груди его была крупная голова сфинкса, вырезанная из опала, висевшая на цепочке из мелких головок сфинкса такой же работы, как подаренная мне Дартаном цепочка, только все головки на его цепи были опаловые, чудесно переливались голубыми, дымчатыми, кроваво-красными огнями, очень красиво подходившими к его переливчатой рясе.

Я, пожалуй, понял теперь, что взгляды ненависти и вызова, которые он несколько раз бросил лично мне, относились не ко мне, а к моей цепи и пластинке. Нечто вроде мимолетного опасения за свое бессилие выполнить поручение Дарта-на снова мелькнуло во мне, но толчок от Натальи Владимировны вовремя вернул меня к сосредоточенности. Не знаю почему, но в памяти моей встала картина обеда у Строгановых в Константинополе, Браццано, борьба его с сэром Уо-ми и все последовавшее за нею. Мне показалось, что данный момент не только так же важен, но еще много серьезнее для И. и трех склоненных фигур.

Я, стремительно собравшись весь в комок мольбы, воззвал к Флорентийцу и почувствовал Его мгновенный ответ. Мало того, я понял, что Андреева знает в эту минуту много больше моего, что она зовет Али, и я увидел Его высоченную фигуру рядом с И. и настоятелем, вставшим со своего места и благоговейно сложившим крестообразно руки на груди. Я отчетливо видел чудесное лицо Али, его прожигающие глаза, чувствовал необычайную силу, исходившую от него и

наполнявшую весь зал его особенным магнетизмом; но я не был уверен, что все видели Его фигуру. И в то же время не сомневался, что все чувствовали присутствие особой силы, так как решительно все вытянулись в струнку, казались собранными в своем внимании, в подъеме и вдохновении, каких в них не было раньше.

Три склоненные фигуры, которым, казалось, уже нельзя было больше сгорбиться, съежились в сплошные комки, напоминая уродливые, огромные грибы, и закрыли головы полами своей одежды.

Улыбнувшись всем глядевшим на него теперь счастливым и радостным людям, И. сказал:

– Мои дорогие братья и сестры, мои любимые друзья, когда-то спасенные Светлым Братством через встречу со мной. В эту великую минуту совершился для вас поворот в вашей внешней судьбе параллельно повороту в вашей внутренней жизни. Вы долго боролись с темными силами, которым когда-то послужили, долго не могли вырваться из их власти. И не потому, что темная сила могла проникнуть сюда. Нет, сюда, в это защищенное место, она проникнуть не могла. Но вы носили память о ней, как оттиск каленой печати в ваших сердцах. Вы не могли простить до конца тем лицемерам, что, прикрываясь дружбой и преданностью вам, использовали вас же простодушие для своих гнусных и даже ужасных целей. В эту минуту, окруженные любовью высоких Светлых Братьев, вы нашли силу не только простить им, но и благосло-

вить их, принять их несчастье как урок себе в свое доброе сердце, помолиться за них, и мгновенное озарение совершило чудо: вы стали радостными, а ставши радостными, нашли и новый путь к освобождению – творчество вашего сердца. В эту минуту ни один из вас не сидит, вы встали, потому что сила радостной гармонии в вас подняла вас. Вы чувствуете, как все существо каждого из вас вбирает в себя новые вибрации силы, до сих пор недоступные вам. Вы испытываете счастье жить, вы ощущаете величайшую из радостей человека: невидимое единение Духа с видимыми формами окружающих людей. Вы много лет боролись и разыскивали тропу – каждый свою собственную, индивидуально неповторимую, к пути творчества или освобождения, и вот в единое мгновение совершился поворот вашей судьбы: вы нашли тропу и вошли в нее. Запомните навсегда тот покой, тот благодатный мир, какие наполняют вас в эти минуты. Эти минуты счастья и есть минуты полного самообладания, то есть в вас раскрылась и двинулась к действию ваша Любовь в себе. Теперь вы свободны Духом. А потому вы свободны и телами. Вы больше не нуждаетесь в тех внешних обстоятельствах, в которых вы жили здесь. Вас больше не надо защищать, теперь вы будете защищать всюду встречаемых. Вы свободны. Каждый из вас может выбрать себе любую форму внешней жизни в любом месте Вселенной или оставаться здесь. Любая форма труда будет вам предоставлена, и в любое место Земли, в какое пожелаете, вы будете доставлены. Мой вам последний

завет: где бы вы ни жили, каким бы трудом ни занимались, каких бы людей ни встречали, никогда не думайте, что тяжелые внешние обстоятельства давят и губят людей.

Врежьте себе в сознание, в сердце, в вечную память, что все внешние обстоятельства каждого человека, какие бы они ни были, как бы тяжелы они ни казались вам и самому поставленному в них человеку, все – повторяю – его обстоятельства защищают его вековую жизнь, а не подавляют или губят ее. Помните вечно о величии и ужасе человеческих путей, благословляйте их, не делая в них разницы. Ибо и те и другие отныне одинаково священны для вас. Примите благословение Любви, посылаемое всем вам Светлым Братством, примите мир, радость и помощь его как привет вашей новой жизни и не забывайте: оно признало вас равными себе, и да не огорчат вас больше никакие отрицания ваших доблестей и талантов, никакое непризнание вас людьми да не нарушит вашей устойчивой гармонии. Будьте благословенны именем Светлого Братства – мир вам.

И. благословил всех и низко, касаясь земли рукой, поклонился всем.

– Идите, друзья и братья, радуйтесь счастью возратить Жизни те дары и таланты, что Она дала вам в веках, и, очищенными, проносите не себя в талантах, но таланты в себе несите во все дела и встречи.

Глаза стоявших людей сияли, точно лампы. Казалось, им жаль было отрываться от лица И., сверкавшего красотой

и мощью. Медленно они поклонились ему и стали выходить из трапезной. Только сейчас я понял, что дверь в трапезной была одна, именно та, широкая, через которую мы вошли.

Люди выходили поодиночке, и каждый отдавал два поклона: настоятелю и нам всем, на который, вслед за И., мы все отвечали. Я видел, как рука Али благословляла каждого выходявшего, я слышал, как каждому Он говорил одно или несколько слов. Я понимал, что в этих словах Али определяет каждому предстоящий ему труд и место для его новой жизни. Но я понимал это духом, а не своей телесной формой. Мне казалось, что Флорентиец дает мне это понимание и приказывает передавать каждому Его благословение, Его такт и мир.

Трапезная пуста. Столы, где сидели согбенные фигуры и откуда братья-подавальщики бесшумно сняли посуду, передав ее через окошечки в левой стене в кухню, теперь блистали белизной и чистотой, мгновенно бесшумно вымытые братьями-столовниками. За этими блистающими пальмовыми столами, среди уже почти пустой трапезной, ярко залитой светом ламп внизу и светом из окон наверху, где, как я понял, были кельи братьев и сестер Общины, оставались только три фигуры.

Последний сияющий счастьем и радостью брат вышел, отдав свой поклон благоговения и любви. Я заметил теперь, что три фигуры вовсе не добровольно оставались сидеть, что они делают попытки выпрямиться, желают уйти вслед за

остальными, но не могут этого сделать, как не мог несчастный карлик оторваться от пола в маленькой трапезной детей в Общине Али перед Франциском.

– Встаньте, несчастненькие, любимые детки мои, которых не смогло и не сумело выносить сердце мое, и в том вина моя, а не ваша, – раздался голос настоятеля. И был этот голос до того нежен и ласков, столько было в нем любви и трогательной защиты, что слезы невольно покатались по моей щеке, и я воззвал всеми силами к божественному милосердию Флорентийца.

«Мужайся и твори действенную Любовь, только так могу помочь через тебя», – услышал я его дивный голос и устыдился своей слабости. Я мгновенно овладел собой.

– Не защитила и не раскрыла сердец ваших моя Любовь, и в том вина моя, а не ваша. Не приобщило вас к деятельности мира и радости усердие мое, и то вина моя, а не ваша. Я не сумел найти путей и приспособлений для вашего освобождения, я был вам примером слабым и малым, да будут Небеса взыскательны ко мне, благи и милостивы к вам. Простите мне, родные мои, дети мои любимые, что я не смог, не сумел защитить вас, мне порученных. Да будет сердце мое века и века местом успокоения и защиты вам постольку, поскольку Небеса, справедливые и чистые, могут утвердить нашу связь.

Голос настоятеля, весь его вид, весь шар Света, обвивавший его сейчас, точно огромный сноп огня, потрясали мой организм, через который, как я это четко сознавал, шла ко-

лоссальная сила Флорентийца, вливаясь в шар Раданды. Я ясно видел, как в его шар лилась сила Али и еще несколько струй, огненных, алых и синих, образуя чудесную громадную пятиконечную звезду. Зрелище это было величественное и торжественное, ощущал я себя не только в великом храме, но точно силы Самой Жизни вошли сюда.

Неожиданно для меня Раданда, все еще держа руки скрещенными на груди, опустился на колени и поклонился в ноги трем сидящим фигурам. Я забыл обо всем, я точно вышел из тела и слился с огнем Флорентийца. Я видел не только тела фигур, я видел их горящие ауры и понимал разницу их трепетавших огней. От великана с опалами шли бешено, зигзагами багровые, черные и грязно-серо-зеленые молнии, которые он направлял прямо в центр шара Раданды. Но огни, не достигая шара, катились обратно с удвоенной силой к сердцу и мозгу великана. Вторая черная фигура высылала, точно целое море змей, молнии, такие же багровые и черные, к ногам Раданды. Но и эти струи возвращались обратно, обвивая кольцами всю фигуру несчастного, должно быть, сильно от них страдавшего и задыхавшегося. Последняя, более далекая фигура посылала нежные мольбы о прощении. Огненные линии, шедшие от нее, были испещрены черными и багровыми пятнами и кольцами. Я видел, что несчастное существо старалось вылить из сердца остатки своей чистоты, благословляло старца, благодарило его за любовь и заботы и старалось встать. Но от двух других фигур летели к это-

му несчастному молнии багровых проклятий и приказаний, угроз и ужасных ругательств, мешавших ему высвободиться и разорвать горькую связь греха со своими поработителями.

– Встань, мой друг, – раздался голос И., вытянувшего руку по направлению к боровшейся фигуре.

Я увидел, как грязные молнии вернулись к своим хозяевам, заставив их обоих вздрогнуть, а третья фигура, мгновенно от них освобожденная, засветилась голубыми и розовыми тонами и легко встала. Вся укутанная, она вышла из-за стола и стала приближаться к Раданде, защищаемая от пламени своих врагов рукою И. Когда фигура подошла к Раданде, натянутый на ее лицо плащ упал, и перед нами предстала женщина, нестарая и красоты редкостной. Она чем-то, каким-то дальним и неуловимым сходством напомнила мне Лалию. В тот же миг я услышал заглушенный стон за собой и увидел упавшую ниц перед Радандой фигуру красавицы, все тело которой сотрясилось в рыданиях, среди которых она выкрикивала:

– Прости, Святой отец, прости великой грешнице. Безумная любовь и ревность свели меня с ума, и я поддалась чарам этого ужасного человека. Но я не проклинаю его больше. Да будут ему прощены мои страдания и проклятия, как ты простил нас всех. Сказал ты, что на тебе грех наш. О нет, Святой отец, на нас святость твоя, на нас печать Любви твоей, дающая нам надежду на спасение. К тебе же, святому, не может пристать ничто злое и грешное.

Спаситель, заступник, помоги несчастному, сковавшему меня страшной клятвой. Пусть вся моя жизнь пойдет на труд для его спасения. Пусть любовь моя, над которой он так жестоко издевался, будет мостом к спасению. Не отвергай его, подай ему еще раз, в последний раз, благую руку помощи.

Женщина снова склонилась к ногам Раданды. И тут раздалось ужасное рычание, громадная фигура великана распрямилась, он сорвал с себя цепь, на которой висел сфинкс, и бросил ее, ловко рассчитав удар так, чтобы вся тяжесть цепи попала женщине в голову. По свисту в воздухе, который вызвала летящая цепь, я понял, что металл, соединявший длинный ряд головок сфинксов, был необычайно тяжел и что женщина будет неминуемо убита.

Рука И. протянулась навстречу летящей цепи, в воздухе мелькнула огненная молния, что-то треснуло, и я увидел цепь, ударившую по голове своего владельца. Он рухнул на пол, задел стол и опрокинул его на себя. Длинный стол схоронил под собой его фигуру.

В тот же момент, когда И. остановил полет цепи, я почувствовал, как силой Флорентийца из моей пластинки, данной мне Дартаном, вылетело несколько желтых молний, соединившихся вокруг головы женщины, образуя венец.

Раданда склонился, поднял женщину, обнял ее, подозвал Лалию, Нину и Никито.

– Отведите ее. У привратника уже ждут носилки. Помогите отнести ее в больницу и оставайтесь при ней, пока я

не приду. Она будет в беспамятстве, не смущайтесь этим. Я приду.

Раданда оглянулся, улыбнулся леди Бердран, поманил ее пальцем.

– Иди и ты с ними, Беляночка. Да и вы, друзья, помогите им, – обратился он к Бронскому и Игорю. – Там ваша помощь будет нужней и важней.

Я впервые увидел Герду за все это время. Она была бела, как лилия, и, несмотря на темный цвет волос, слово «Беляночка» как нельзя больше подходило к ней. Мне казалось, что она не дойдет даже до порога, не только до больницы, – так была она хрупка, так слабы и неуверенны были ее движения.

Когда она поравнялась с Али, я видел, как Он положил ей на голову свою чудесную руку, но я знал, что она не видела Его. От прикосновения руки Али она вздрогнула, но тотчас же выпрямилась, вся засветилась, на бледных щеках заиграл румянец, и Герда стала неотразимо хороша. Когда вся партия наших друзей вышла, уводя еле двигавшуюся красавицу, красоту которой можно было сравнить, пожалуй, только с красотой Марии Магдалины, на несколько минут в трапезной водворилась гробовая тишина. Я почувствовал, что Андреева собирает свое самообладание и все свои силы, и последовал ее примеру. Я весь ушел в молитву Флорентийцу о помощи несчастным, наступающий грозный момент жизни которых я предчувствовал. У меня снова сделалось такое

ощущение, точно я вышел из тела, как некоторое время тому назад. Я не успел отдать себе отчета в этом, как увидел возле лежавшего на полу великана стоявшего Рассула. Я хотел точнее убедиться, что это именно он, как увидел еще одну новую сияющую фигуру, в которой без труда узнал Франциска.

– Мой бедный брат. Милосердие дает мне последнюю возможность еще раз обратиться к тебе с увещеваниями, – раздался снова, на этот раз полный мольбы, голос старца. – Встань, дружок. Убедись в бессилии злобы и лицемерия. Ты запуган своим грозным приятелем, но ведь ты видишь, к чему привела его строптивость. Постепенно – от строптивости к гордости, от гордости к надменности и сарказму – он пришел к постоянному раздражению, отрицанию и злобе. Он завладел твоей волей. Теперь он бессилен, лежит и не страшен тебе. Подойди к великому Учителю, не бойся. Ты еще можешь найти прощение, можешь трудиться, в труде очиститься и войти в великое Светлое человечество. Но поспеши, дитя мое несчастное. Мгновения идут, судьба твоя еще в твоих руках. Но ты у последней черты, поспеши.

Не успел отзвучать голос старца, как черная фигура резко выпрямилась, капюшон с головы был сброшен и перед нами появилось лицо... Хватит ли у меня умения описать это лицо? Чертами оно, пожалуй, было даже красиво. В раме черных, иссиня-черных волос бледное лицо, узкое, дерзкое. Вся фигура, тоже узкая, стройная, была нечеловечески тонка и, завернутая в какую-то плотно облегающую одежду, похожа

на огромную змею больше, чем на человека. Глаза тоже были змеиные, узкие и ярко-желтые. Они поражали неприятным выражением со странным сочетанием угрюмости, дерзости, лживости и страха. Что этот человек был трусом и опасным злодеем, лицемером и лгуном, для меня не оставляло сомнения. Но почему он и великан были здесь, этого я понять не мог. Человек стоял молча, глаза его бегали от лица И. к лицу старца и обратно, точно ища лазейку, за которую ему было бы возможно зацениться.

Мгновения все шли в полном молчании. Вдруг я увидел еще одну сияющую фигуру и чуть не вскрикнул от изумления, узнав в ней сэра Уоми.

– Подойди сюда, несчастный человек. Тебе в последний раз устами твоего доброго наставника предоставляется возможность выйти из кольца лжи и предательства, – раздался голос И.

Человек, очевидно, хотел снова сесть, а не идти. По лицу его скользнула судорога, он извивался всем своим тонким телом, что еще больше подчеркивало его сходство со змеей.

И. пристально смотрел на него. Наконец он поднял руку и грозно сказал:

– Повинуйся.

Человек-змея задрожал с головы до ног, хотел накинуть на себя свою черную рясу, но руки его тряслись так, что он не смог сделать этого. Ряса упала у его ног, которые он с трудом высвободил, и стал медленно приближаться к нам.

На лице его, бледном и раньше, теперь не оставалось никаких признаков жизни. Бледно-трупного цвета, оно было лишено всякого выражения, точно это была маска, вылепленная художником, но не одухотворенная. Ни единой мысли, ни даже признака страха, так незадолго отражавшегося на нем, — ничего не мог я уловить на этой маске. И шел он, как автомат, точно все, что составляло суть его жизни несколько минут назад, сейчас покинуло его, оставив ему одну его скорлупу. Как ни медленно он шел, но все же настала минута, когда ему пришлось подойти к И. и встать перед ним.

Я увидел, как сияющие фигуры Франциска и сэра Уоми встали сзади несчастного человека, настоятель и И. стали рядом по обе стороны от них, образуя полукруг, а на их месте возвысилась огромная фигура Али, от которого потекла высокая стена огня. За спинами всех высоких братьев она образовала полный круг и подошла к Али с другой стороны, как бы горя за ним и в нем.

Я понял, что человек видит Али, видит огненную стену перед собой. Когда стена сомкнулась возле Али, человек точно проснулся. Ужас отразился на его лице, он пробовал несколько раз метнуться в сторону, но его что-то точно отбрасывало обратно.

— Стой спокойно, или ты сгоришь, — сказал ему Раданда. — Ты уже потерял все возможности выйти отсюда. Я предлагал тебе, вернее, я передавал тебе несколько минут тому на-

зад зов Милосердия. Я предупреждал тебя, что то последний зов спасения. Но ты отверг мою помощь. Прими теперь свой час возмездия, будь мужествен и старайся найти в себе хотя бы самую крошечную долю милосердия, чтобы Великое Милосердие могло сохранить тебе человеческую стадию существования.

Невероятная злоба исказила лицо человека.

– Зачем я не задушил тебя, когда имел тысячу возможностей к этому, – прошипел он в ответ Раданде. – Подумать только, что эта глупая предательница, которую ты отправил в больницу, украла мой талисман, и я попался в твои лапы, тогда как помощь мне могла бы теперь идти со всех сторон.

– Твой талисман болтается на твоём поясе, несчастный, – раздался голос Али.

Если бы я не видел, как шевелились уста Али, я не понял бы, что это говорит он. Голос его был похож на гром небесный, а не на властный, но ласковый голос дивного Али, приветствовавшего всегда каждого человека так невыразимо внимательно, что каждому, к кому он обращался, казалось, что именно его ждал Али, что именно ему хотел помочь.

– Если я не введу тебя сейчас же внутрь защитной горячей стены Светлых Сил, твои, как ты полагаешь, Друзья, а на самом деле твои злейшие и беспощадные враги, настигнут тебя. И ты навеки очутишься в их власти. И никакое самоотвержение и мольба твоего усердного защитника Раданды не помогут тебе. Ты будешь выведен за стены Общины и там

примешь путь вечной муки в кругу темных сил. Муки твои будут удесятеряться воспоминанием о жизни здесь, где тебе, поверив твоим мольбам и клятвам, забыв о моем предупреждении о тебе, предоставил возможность спастись Раданда. Он взял на себя великий подвиг любви, он был уверен, что любовь его поможет тебе проснуться к Истине.

Но ты, лицемерно обманывая его, ткал грязное дело разложения каждой души, к которой подходил. Благодаря святой чистоте Раданды, носившего тебя много лет в сердце, теперь перед тобой последний выбор, ты у последней черты. Спаянные великой любовью, мы пришли, чтобы подвиг твоего защитника не пропал даром. Милосердие моими устами предлагает тебе: или войди, моею силой и волей введенный, внутрь защитной стены – и тогда, принеся полное покаяние, простив всем и прощенный сам до конца, ты умрешь как эта жалкая оболочка и войдешь в великий поток Жизни, начав свои новые воплощения очищенным Вечностью. Или ты будешь выведен за стены Общины и попадешь в руки своих бывших сотрудников, давно тобою недовольных. Выбери. Еще несколько мгновений мы можем ждать твоего выбора, ибо любовь Раданды соткала тебе мост, остатки которого, уже еле держащиеся, еще могут простоять эти короткие мгновения. Когда же они истекнут, ты будешь выведен за стены Общины и там совершится твоя судьба.

Наглое бешенство, с которым змееподобный человек слушал вначале слова Али, теперь сменилось на его лице такими

отчаянием и ужасом, слов для описания которых я не подберу. Оно снова превратилось в маску, совершенно мертвую. Мне казалось, что ничто — ни мысли, ни чувства — не работает больше в нем, что он даже и решения никакого принять не может — так парализовал его ужас. Но я ошибся. Руки человека стали судорожно шарить вокруг пояса, где, как Али сказал ему, застряли его талисманы. Он, наконец, нащупал один, хотел поднять его вверх, но рука его выронила талисман — я не мог разобрать, что это была за вещь, — он упал на каменный пол трапезной и разбился на мельчайшие кусочки. Человек издал стон, но не принял никакого решения.

— Мгновения истекают. Враги твои у стен Общины. А защитная стена становится так высока и широка, что ни мне одному, ни всем нам вместе будет скоро не по силам спасти тебя внутри ее. Спеши, выбирай. Не жди третьего зова, его не будет.

Голос Али звучал ласково, но твердо. Я увидел, что огненная стена уже достигла ушей Али и быстро поднималась вверх. Я взмолился всей мощью любви, какая была мне только доступна, Флорентийцу и просил его помочь несчастному понять, что решается его вечная судьба, а не судьба его временных несчастных оболочек, в которых он согрешил. Я увидел, что Раданда протянул в мольбе свои руки к Франциску, что Франциск повернулся лицом к несчастному, облил его любовью своих глаз, улыбнулся ему своей улыбкой божественной доброты и протянул ему обе свои руки.

Раздался крик, какого я еще в жизни не слышал, не предполагал, что так может кричать человеческое существо, и дай Бог никому не слышать в жизни подобного вопля. Это был не крик, а целая гамма, целый аккорд чувств, мыслей и переживаний человека. Это была вся жизнь, о которой можно было бы написать целую книгу. Я прочел в этом вопле, что впервые взгляд Франциска достиг сердца этого несчастного человека. Я прочел, как дрогнуло все злое, налипшее на этом сердце, как раскаяние и сожаление вырвались бурными волнами из его сердца. Я видел уже не мольбу, не борьбу, но полное понимание, что смерть в огненной стене остается единственной защитой.

Человек схватил руки Франциска. Я знал огромную силу этих рук и был поражен: под тяжестью человека Франциск согнулся и не мог поднять его, чтобы ввести внутрь стены. Я не успел броситься к нему. Как молния, Али очутился там и, как молния, перебросил человека внутрь стены. Я думал, что человек упал и разбился – такой бурей силы показалось мне движение Али. Но на самом деле я увидел, как руки Али осторожно поставили человека в центре круга.

Теперь он дышал сильно и учащенно, точно бежал по лестнице. На лице его играла краска, уста улыбались, он смотрел на Раданду и говорил:

– Прости, я ненавижу не тебя, но свою собственную слабость. Я хотел быть добрым, ценил твою святость, но зависть к тебе бросала меня от зла к злу. Я понимал твою искрен-

ность, но нарочно взвинчивал себя на отрицание твоей доброты. О, какое счастье, какую легкость я испытываю сейчас! Впервые я знаю, что такое радость. Какими словами мне благодарить всех вас за то просветление, в каком сейчас умираю? Примите мою благодарность. Я прощаю моим врагам, как вы простили меня.

Он хотел сказать еще что-то, но схватился за сердце и упал к ногам Раданды. На лице старца играла улыбка счастья, глаза его были устремлены на лицо лежавшего человека с выражением такой любви, точно это было самое дорогое его дитя.

Стена продолжала гореть, теперь поднявшись до самого потолка. Цвет ее был уже не огненно-красный, она переливалась всеми цветами радуги с преобладанием голубых и розовых тонов.

– Левушка, – услышал я голос И. – Выйди к привратнику и скажи ему впустить братьев с носилками. Приказ передай именем настоятеля.

Минуту назад мне казалось, что я не в силах владеть своим телом, что я даже двинуться не могу с места. Сейчас же, получив приказание И., я совершенно легко вышел из трапезной и, дойдя до привратничьей, услышал разговор Мулги с кем-то, кого он не пропускал во дворик. Я передал ему приказание Раданды относительно носилок, он поклонился мне и сказал:

– Не удивляйся, брат, что я повысил голос в эту минуту. Но весь вечер ко мне приходили люди, прибегали даже от во-

рот, требуя, чтобы я пропустил каких-то вновь прибывших. Помня приказ настоятеля, я никого не впускал, хотя некоторые, вот только сейчас, угрожали мне чуть не смертью. Заслышав твои шаги, они быстро скрылись во тьме, а подошли вот эти братья с носилками, которые ты требуешь.

Он открыл ворота, и четыре брата в белых одеждах прошли из темноты сада в освещенный дворик. Я провел их в трапезную, где картина теперь была совсем другая. Раданда стоял на коленях подле головы умершего, произнося какую-то молитву, и рядом с ним, тоже на коленях, стояла Андреева. Огненной, сиявшей стены уже не было вокруг них, но на месте упавшего стола, точно плотная завеса тумана, переливалось и дрожало разноцветное облако. Раданда поднялся с колен, поднял Андрееву и обратился к братьям:

– Унесите бедного, внезапно почившего брата. Умойте его, оденьте в белые одежды и поставьте в мою часовню. Молитесь о нем так, как вы хотели бы, чтобы молились о вас.

Благословив тело покойного и всех его уносивших, Раданда повернулся к нам с Андреевой:

– Дети мои, гости мои дорогие. Не думайте никогда о встречном человеке как о постороннем вам. Но запомните все, чему вы были и будете свидетелями здесь. Знайте твердо: до последнего момента надо верить и надеяться пробудить в человеке его святая святых. До последних сил сердца надо молить Жизнь о помощи заблуждающемуся, заблудившемуся или оступившемуся брату, ибо в каждом живет Она,

а для Ее пробуждения нет ни законов логики человеческой, ни законов времени человеческого. Источайте в полном забвении себя, как вы это делали сегодня здесь, и дальше ваши любовь и доброту. Какими бы слабыми и маленькими вы ни считали себя по сравнению с великими братьями, знайте, что самая малая Частица доброты, идущая для утверждения радости и помощи, необычайно важна в труде Светлых Братьев. Мужайтесь, и помощь ваша сейчас будет еще нужнее и важнее, чем была час назад.

Он улыбнулся нам с особенной, ему одному свойственной снисходительной ласковостью, взял каждого из нас за руку и повел по направлению к туманному облаку. Облако теперь тоже изменило свой вид: стало прозрачным, и по всем направлениям в нем летали рубиновые звездочки. Звездочки то складывались в причудливые фигуры, то вытягивались как бы в ряды строчек. Зрелище было очаровательное. Но я понял, что это не только зрелище, но что это надписи, которые я не умел прочесть, Андреева их читала четко, быстро и точно. Теперь наши роли переменились – не я мог помочь ей, а она мне.

Подведя нас к самому облаку, старец остановился, еще раз нам улыбнулся и, обращаясь к Андреевой, сказал:

– Помогите младшему брату разобрать язык огня, как он помогал тебе сдерживать огонь твоего сердца. Подождите оба здесь, вас позовут, когда будет можно. – Он оставил нас и скрылся за облаком, которое вблизи было гораздо плотнее,

чем казалось издали.

– Слушайте, Левушка, я читаю знаки огня, – сказала мне Наталья Владимировна:

«Перед великими моментами рождения и смерти нет ничьей власти, кроме власти самого человека. Нет и предела, положенного извне, для часа смерти.

Нет силы, выбрасывающей обратно в мир Земли дух человека. Закономерным движением действий самого живущего на Земле или в иных планах совершается воплощение или развоплощение.

Природа телесных или духовных материй каждого идет по кругам того труда, что сам человек выстроил в веках. Нет внезапных переходов, какими воспринимают люди события земных жизней, проходящих перед их глазами. Все течет закономерно по кругам, а не по ломаным линиям. Но только знающему открывается полный Свет, в котором он видит все звенья своего и чужих путей.

Величие и смысл жизни и смерти не в видимых телесными очами фактах состоит, но в силе тех взрывов любви, что может человек из себя источить или в себя вобрать».

Рубиновые звездочки перестали кружиться. Мы стояли молча, исполненные благоговения, думая о том огромном человеке, что лежал за облаком. Мы старались вылить из себя всю любовь, какая жила в нас, ему в помощь.

Время как бы перестало для меня существовать. Я ощущал снова полное блаженство, радостное состояние. Близкое

присутствие Флорентийца настолько сливалось со всем моим существом, что я не мог различить, где был «Я» и где «не Я». Я весь слился с моим обожаемым другом. Не испытанное еще ни разу мною мужество охватило меня. Уверенность и радость, что я буду в силах пролить помощь Флорентийца так, как Он этого захочет, ввели меня в круг полного спокойствия. Я понял на деле, что значат слова: «забыть о себе и думать о других». И не менее ясно понял я, что такое «освобожденность».

Ничто личное не давило на меня. Я был совершенно свободен от всякого личного восприятия текущих событий, я видел и понимал по-новому жизненные пути человечества.

Я не удивлялся и не сравнивал откровения этой ночи ни с какими событиями, свидетелем которых я был раньше. Я благоговел перед новыми, открывшимися мне страницами труда высоких Светлых Братьев и радостно присоединял все свои силы к их труду. И. подошел к нам. Облако рассеялось совсем. Картина за ним резко изменилась в сравнении с той, которую мы запомнили вначале. Огромный, похожий на Дартана человек не лежал теперь на полу, а стоял рядом с Рассулом, присутствия которого я не мог себе объяснить, простившись с ним так недавно в пустыне. Дартан держал в руках тяжелую цепь человека и пристально смотрел в глаза своему двойнику. Видя их обоих рядом, я еще раз убедился в их разительном сходстве, только второй был чуть поменьше и волосы его были темные. Несомненно, это были близ-

нецы. Но я понял, почему мне показалось сначала, что человек этот только напоминал Дартана. Выражение лица и возбуждение во всей фигуре, бешеное движение глаз и мускулов лица очень нарушали сходство с Дартаном, лицо которого в первые минуты знакомства показалось мне каменным. Когда же я присмотрелся к нему, то увидел, что оно хранит твердое спокойствие и Печаль.

Из Великих Братьев теперь я видел только Али, Раданду и Флорентийца. И. подвел нас ближе к группе и поставил между Али и собой.

— Друг мой, мой бедный брат, — снова заговорил Раданда. — Я всем сердцем прощаю тебе все то оскорбительное, что ты говорил здесь обо мне. Ты не повинен в том, что не можешь видеть иначе, потому что страсти заполонили тебя и закрыли твои глаза духа. А разве может понимать что-либо человек, если смотрит на дела и вещи одними телесными глазами? Все, все я прощаю тебе и молю Великую Мать и всех Ее служителей защитить и помиловать тебя от всех печальных последствий, что ты пробудил и вызвал к жизни за годы пребывания здесь. Не ты виновен, что я был слаб и допустил своею излишней добротой разлад в тебе. Я должен был своею строгостью защитить тебя и помочь тебе внешней дисциплиной, раз я видел, что ты не способен достичь внутренней самодисциплины. Я же все верил и надеялся, что, живя в полной свободе, в атмосфере мира и любви, ты найдешь путь к самодисциплине легче и проще. Я ошибся и не вы-

полнил приказания Али быть с тобой строгим. Я виновен. Да будет твой грех на мне перед лицом Великой Жизни. Я ответствен за то, что не нашел нужного тебе приспособления в жизни дня. Ты был мне поручен, и я не сумел быть тебе пастырем добрым. Прости, будь снисходителен и милосерд, сын мой.

Лицо человека выражало сарказм, он, видимо, не верил ни единому слову настоятеля, ядовито улыбался, но молчал.

– Брат мой, мой несчастный Беньяжан, не в первый раз, а в третий стоишь ты перед Белыми Силами и вступаешь с ними в борьбу, – заговорил Рассул. – Первые два раза я мог спасти тебя, мог поручиться за тебя перед Белым Братством, которое укрыло тебя здесь, предоставив тебе все возможности к труду и деятельности, какие ты хотел бы избрать себе по вкусу и склонностям.

Но, окруженный доверием и любовью, ты занимался тем, что искал недостатки в окружающих. Перечисляя их пятна, ты обманом ввел сюда свою несчастную жену и мертвого теперь своего друга, которых ты сделал предателями, ворами и рабами своими. Я не буду перечислять все твои гнусные поступки здесь, ты их сам хорошо знаешь. Скажу тебе только одно: бессилен в этот третий раз помочь тебе, больше не могу взять тебя на поруки. Ты можешь надеяться лишь на милосердие Раданды и И., можешь рассчитывать только на собственные силы. В последний раз я, грешный Рассул, могу еще умолить великое Светлое Братство об одном: защи-

тить тебя от темных сил после смерти, предоставив тебе такой угол на Земле, где бы ты в непрерывном труде и суровой дисциплине мог приготовить свой дух к смерти в чистоте сердца и мире, ибо иначе никакие силы Света не смогут вырвать тебя из вековой власти злых. Нет для тебя свободного выхода отсюда, как ты об этом мечтаешь, не потому, что тебя кто-либо здесь держит. Нет, твои вечные раздражение и злоба, осуждение и лицемерие парализовали сейчас твои руки и ноги. Ты не можешь ни с места двинуться, ни взять руками этой дивной цепи, которую ты запяtnал злодеяниями и кровью. Выбирай сам свою судьбу. Или ты поедешь в тайную Общину, спасенный в последний раз Милосердием. Там будешь вылечен и приготовишься долгими годами тяжелого труда к чистой смерти, как я тебе уже сказал. Или...

Дартан умолк на минуту, лицо его стало символом печали, по темной щеке медленно скатилась крупная слеза. Он ее смахнул и продолжал голосом таким слабым, нежным и скорбным, услышать который от великана я не ожидал. Мне казалось, что мощи этого великана и предела нет.

— Или ты умрешь здесь, сейчас, и темные силы завладеют твоим духом. Ты сам хорошо знаешь, что это значит.

Дартан умолк, и гробовая тишина в трапезной нарушалась только тяжким, свистящим дыханием Беньяжана. Он стоял неподвижно, точно статуя, и всю его борьбу отражало только лицо. При всем мужестве, которое я ощущал в сердце, я пал на колени и молил Флорентийца, самого милосердно-

го из всех милосердных, спасти, ободрить, поспешить на помощь к несчастному.

Я увидел божественно прекрасный образ моего великого друга рядом с Беньяжаном. Он взял одну его лишенную движения руку и положил ее ему на сердце, поддерживая ее своей чудесной рукой. Другой своей рукой он положил вторую руку страдальца ему на лоб.

– Взгляни на стены. Там ясно видна картина, что ждет тебя, если умрешь сейчас.

Колоссальная фигура Беньяжана вся задрожала, из горла его вырвался хрип, и, если бы сила Флорентийца его не поддержала, он рухнул бы снова на пол.

– Не медли, – сказал Али. – Еще минута, и милосерднейший брат Флорентиец не сможет спасти тебя. Решай!

Еще одна судорога потрясла тело несчастного, еще один раз, показалось мне, он увидел что-то ужасное, и он выдавил из себя хрип:

– Я согласен ехать в тайную Общину.

Рассул пододвинул брату скамью и с помощью Флорентийца усадил его. Флорентиец выпустил руки несчастного из своих, и они рухнули, бессильно повиснув до самого пола. Но руку свою на голове Беньяжана он оставил, и под влиянием силы Флорентийца лицо страдальца приняло спокойное выражение, глаза перестали бегать и дыхание стало легче.

– Тебе, нарушителю покоя, всюду, где ты ни селился, дает Великая Жизнь в последний раз свою защиту: ты будешь

немым и глухим до тех пор, пока в сердце своем не найдешь добрых и чистых сил, пока в сознании твоём не возродятся благородные мысли, пока труд твой не станет полезен другим людям, к которым станешь доброжелателен сам. Постепенно, как только будет светлеть дух твой, начнут возвращаться к тебе речь и слух, – заговорил снова Али, и голос его походил на гром.

– Встань, найди силы выйти отсюда, сесть на мехари и доехать до нового места жизни. Помни, все время помни картину, что показал тебе Флорентиец, и да поможет она тебе выбраться на светлую тропу. Не бойся, тебя довезет надежный конвой, и в новом месте тебя никто преследовать не будет. Живи, мною благословленный, призывай имя мое в минуты невыносимого разлада, и я разделю бремя твоё, облегчу тяжесть твоих страданий.

Али благословил Беньяжана и сказал Рассулу:

– Надень на шею брата твоего его прекрасную цепь. Ты испортил ее, – обратился он к Беньяжану. – Она принадлежала великому, радостному существу, гармония которого была устойчива и помогала Светлому Братству передавать его энергию Земле. Ты украл цепь у своего брата, но, видишь сам, она потеряла свои могучие свойства, а камни – прежде желтые – стали похожи на опалы. Чем больше ты грешил, тем больше менялись камни, походя на слезы, дрожащие под лучами солнца и переливающиеся всеми цветами радуги. По цвету этих камней сможешь судить, близишься ли ты к осво-

бождению. С каждым малейшим поворотом к доброте и высокой мысли к камням будет возвращаться их прежний прекрасный желтый цвет. Левушка, возьми мой плащ и укутай им Беньяжана, – закончил свои слова Али, протягивая мне свой белый плащ.

Я выполнил приказание Али с большим трудом. Плащ его точно жег мне руки и казался таким тяжелым и огромным, что я еле мог накинуть его на плечи Беньяжану, для чего мне пришлось встать на скамейку. Когда я возвратился на свое место, весь обливаясь потом, точно я таскал камни, то едва мог стоять – так дрожали мои ноги и стучало в голове.

– Ясса, – услышал я опять четкий и сильный, уже не громopodobный голос Али. – Ты поедешь начальником конвоя и отвезешь в тайную Общину этого человека. Возьми десятков братьев и поезжай немедленно. Люди уже ждут у ворот. Возьми за руку этого великана и все время в пути будь рядом с ним.

Укутай его хорошо в мой плащ и, когда приедешь в Общину, сдай порученного тебе настоятелю, брось мой плащ в костер, отдохни сутки и возвращайся со всем конвоем назад. Обратно иди через скалы в пустыне и через маленький оазис черных людей.

Маленький Ясса казался игрушечным возле Беньяжана. Он взял его висевшую беспомощно руку, обернул плотно плащом громадную фигуру и пошел к двери, уводя за руку автоматически двигавшегося за ним великана, ступавшего

так тяжело, точно шла рота солдат. Это были страшные минуты. Мне казалось, что тяжелые шаги человека были прообразом тех лет муки и искупления, на которые он себя обрек.

– Подойдите ко мне, – услышал я голос Али, но не понял, что он относится ко мне и Андреевой.

Я почувствовал, что она взяла меня за руку, повернулся к ней и обомлел. Лицо сверкающей силы, уверенности, светлой доброты, с глазами, метавшими молнии Света, смотрело на меня. Наталья Владимировна ласково улыбнулась мне и потянула меня за собой. Я снова почувствовал, что она мне близка, ближе чего быть невозможно, мать и сестра. Если бы она вела меня в пустыню, а не к Али, я шел бы за ней всюду в полном доверии и радости.

Мы опустились на колени перед Али, но он ласково поднял нас, сел на скамью и посадил нас по обе стороны от себя. Я осмотрелся кругом и увидел, что в трапезной никого, кроме Али и И., Натальи Владимировны и меня. Я не успел удивиться, как заговорил Али:

– Теперь ты поняла, мой друг, почему я не вводил тебя в эту Общину и какую часть труда моего ты могла разделить только теперь. Все, что открылось тебе здесь, открылось только тебе одной, об этом помни. Если при встречах дня почувствуешь, что можешь, – действуй. Но никогда не превышай сил. И где указана граница – не переступай ее никогда. Учись понимать, что вместо помощи, рассчитывая на свои

силы, на свои благие намерения, внесешь лишние бедствия и страдания в мир всегда, если выйдешь за рамки, указанные тебе. Переходи быстро в новое знание, ибо мир не ждет. Тебе надо ехать и выполнить свою миссию в нем.

Али обнял Наталью Владимировну, она точно утонула в его снопе огня, который так ослепил меня, что я должен был закрыться от него руками. Я почувствовал, что И. нежно обнял меня, и услышал голос Али, обращенный ко мне:

– Когда ты гулял со мною в парке, я указал тебе на группы розовых магнолий и черных кленов. Я говорил тебе, что люди несут в ожерелье Матери Жизни розовые или черные жемчужины. Будь благословен, счастливый человек, кому великий Свет определил нести в мир розовые жемчужины радости. Иди, мой друг, будь благословен и рассыпай людям драгоценные перлы своего таланта. Как бы ни казалось тебе, что знаешь мало, неси слово свое, ибо то всегда будет слово Светлого Братства.

Али потянул меня к себе, я точно лишился чувств на мгновение, невыразимое блаженство охватило меня... Я очнулся на руках И., который вносил меня в мою комнату нашего дома.

Глава III

Первый завтрак в новой столовой. Школа. Я передаю письмо Франциска матери больного ребенка. Помощь И. в моем знакомстве со скитом трудных строптивцев. Старец Старанда и встреча с ним

Несмотря на то что я пришел в себя еще на руках И., я не помнил, как заснул, как миновала ночь. Я проснулся утром от каких-то непривычных мне звуков и толчков.

Несколько минут я не мог прийти в себя от изумления, увидев себя в совсем незнакомой комнате. Наконец с трудом сообразил, что я в дальней Общине, что звуки, неожиданно для меня новые, — гудящие удары большого колокола, а толчки — усердное торможение меня моим дорогим Эта. Птичка явно беспокоилась, перебегала от моей кровати — узенькой деревянной койки с натянутым куском грубого холста, без матраса — к дверям И., как бы желая дать мне понять, что мне пора туда заглянуть. Я быстро вскочил, в одно мгнове-

ние четко вспомнил все происходившее прошлой ночью.

Должно быть, мой физический организм был еще недостаточно закален, так как я чувствовал слабость, неуверенность в равновесии и ощущал даже нечто вроде легкой тошноты. Как мне не доставало моей доброй и ласковой няньки, моего чудного Яссы, который, конечно, привел бы меня к полному выздоровлению через полчаса своим чудодейственным массажем в воде.

С некоторым напряжением я стал соображать, чем прежде всего начать мне свой день, как вспомнил, что я келейник и секретарь. Не решаясь войти к И. неумытым и плохо одетым, я схватил полотенце и хотел бежать в душ, как дверь комнаты И. открылась и в ней показался он сам, сияющий, мощный, в белой одежде, которая, как и он сам, показалась мне блистающей. Никаких следов утомления или болезненности не было в его лице. Он был юн, прекрасен и ласков, как всегда.

– Что, мой дружок, тебе неможется?

– Что мне неможется – это верно, мой дорогой И., но это пустяки, – ответил я. – А то, что я келейник-секретарь, проспал и встал позже своего господина, вот это я уже проштрафился. Простите, Учитель, я постараюсь в будущем быть усердным слугой. В это утро я еле сообразил, где я. Но что значит гудение колокола? Я принял было его за удар гонга. Имеет ли это гудение какое-нибудь отношение к моим обязанностям?

— Колокол ударит тридцать раз, и это будет равно получасу времени. За эти полчаса все обитатели Общины должны привести себя и свои кельи в полный порядок и с последним ударом направиться к трапезной для участия в первой общей еде. Но не к той трапезной, где мы ужинали вчера. Там собираются только для обеда и последней еды. Завтракают же и полдничают здесь в нескольких столовых. Вся Община разбита на много отдельных участков, и в каждом из них своя утренняя столовая. Беги в душ, возвращайся обратно, приberi обе наши комнаты, надень чистое платье и тогда обойди всех в нашем доме. Оповести каждого, чтобы через десять минут все были в сборе у крыльца. Я сам поведу вас в столовую нашего участка и там познакомлю с ее начальником.

И. ушел к себе, я же побежал с Эта в ванную. У меня был большой соблазн несколько переставить порядок данных мне поручений. Я опасался, что все наши друзья, так же как и я, не знают распорядка дня в новом месте и могут опоздать привести себя в порядок к указанному сроку. Но приказания И. были для меня законом любви, и я не решился внести в них никакой отсебятины.

Возвращаясь из ванной и торопясь к себе, я натолкнулся на Андрееву, которая вместе с леди Бердран возвращалась с утренней прогулки с букетами цветов. Я удивился свежему виду обеих женщин, отсутствию всякой усталости на их лицах. Поздоровавшись с ними, я постарался как можно скорее убежать. Но мне показалось, что зоркие глаза Натальи

Владимировны, так много подмечавшие, подметили и мою усталость, и мое общее недомогание.

Когда я возвратился к себе и, быстро убрав свою комнату, постучался к И., я увидел его за письменным столом, углубленным в какую-то работу. Стараясь как можно бесшумнее двигаться, я убрал его комнату, в которой, кстати сказать, и убирать-то было нечего, так все в ней было блестяще чисто. К моему удивлению, в комнатах совсем не было пыли, к которой я испытывал нечто вроде ненависти и убирать которую терпеть не мог. Справившись с задачей уборки, я тщательно оделся и помчался оповещать всех о месте и сроке сбора.

Как я и предполагал, некоторые из друзей еще благословенно спали и приказ И. был для них словно гром среди ясного неба. Особенно огорчился Бронский, не умевший ни в чем торопиться. Игорю всячески ему помогал и уверял, что они успеют вовремя быть на крылечке.

Обежав оба этажа, я еще раз пригладил свои непокорные кудри перед небольшим зеркальцем в коридоре, проверил все свои завязки и вышел на крыльцо первым, ожидая сбора всех обитателей домика. Я чувствовал себя ответственным за опоздание моих друзей, но, вместе с тем, не знал, как и чем помочь. Слава Богу, Бронский и Игорь пронеслись бурей обратно из ванной, и сердцу моему стало спокойнее. Вдруг Эта сорвался с места и с радостным криком помчался за угол дома. Я не понял, куда и зачем он убежал, но через минуту увидел его на плече у Никито, позади которого шли

Лалия, Нина и Терезита.

Обрадовавшись неожиданному свиданию с ними, я не заметил, в каком порядке собрались все друзья нашего отряда, но к последнему удару колокола, когда в дверях появился И., все были в сборе.

– В трапезной, куда мы сейчас пойдем, разговаривать нельзя, как и в большой трапезной. Входите туда, радостно думая об окружающих вас людях. Не несите в сердцах сострадательного смущения. Несите радость утверждения, уверенности, что Жизнь защищает живущих здесь людей, давая им все возможности достичь совершенства именно в тех обстоятельствах, какие необходимы им. Какими бы трудными и тяжелыми ни показались эти обстоятельства вам, не по себе меряйте, но по любви сердца ищите прозрения в вечные пути людей. В этих внешних условиях лежит вся забота тружеников Вечного Милосердия о каждом человеке. Старайтесь не умом раскидывать, что из обстоятельств здесь вы хотели бы облегчить, выкинуть, изменить. Но вдумайтесь глубже в слова Франциска, что такое добрый человек, и действуйте, любя и побеждая, в соответствии с этим понятием. Живите в невидимом Вечном и несите привет сердца Ему в видимых формах мелькающего перед вами «сейчас».

Едва закончил И. свои слова, как к крылечку подошел брат, довольно пожилой, в белой одежде, и поклонился, коснувшись земли рукой.

– Мой настоятель шлет тебе, Учитель, привет любви и ми-

ра. Благоволи следовать за мной. Я прислан проводить тебя и твоих друзей к утреннему завтраку, который ты обещал, оказав нам честь, разделить с нами.

Лицо этого брата, как и его голос, показались мне примечательными. Он улыбался, а мне казалось, что ему хочется плакать. Он говорил о самой простой вещи, хотел быть любезным, а в звуках его голоса слышалась какая-то трагедия, точно сердце его разрывалось от боли. Я взглянул на Бронского и увидел на его лице не только напряженное внимание и удивление, но даже полное забвение всего окружающего, так впился он сердцем и глазами в говорившего брата. Взгляд И. скользнул по фигуре артиста, и он еще раз громко сказал:

– Помните о том, что я только что вам говорил.

И. отдал поклон присланному брату.

– Спасибо за привет, друг. Спасибо за то, что ты побеспокоился прийти за нами. Веди, друг, мы за тобою следуем.

Брат еще раз поклонился нам и пошел вперед, прямо по аллее. Шли мы довольно долго. Я все больше поражался размерам Общины. Она действительно была громадна. А сад походил больше на лес, чем на сад, хотя цветов в нем было очень много. Мы шли по густым аллеям, часто пересекали горбатые мостики над ручейками, не встречая людей.

Но вот вдаль мы увидели лужайку и за нею длинный одноэтажный дом, как мне показалось, без стен. Когда мы подошли ближе, я увидел, что стены были из стекла, очень тон-

кого и прозрачного, вправленного в узкие белые полосы дерева и образовывавшего нечто вроде большущих рам. Я не понимал, как могло держаться столько стекла в таких тонких переплетах, но раздумывать было некогда. Подойдя еще ближе к прозрачному домику, я заметил много-много фигур, двигавшихся с разных сторон к столовой. Когда мы подошли совсем близко, из дверей ее вышел навстречу нам высокий человек в черной монашеской одежде, с четками на руке и с большим серебряным крестом на груди. Он был молод. Каштановые, слегка рыжеватые волосы падали красивыми волнами и локонами до плеч. При очень стройной фигуре походка у него была ковыляющей, так как одна его нога была короче другой. Он улыбался И. во весь рот, обнажая прекрасные белые зубы. Низко кланяясь И., он сказал:

– Какое счастье для нас, дорогой Учитель, что ты приехал к нам и что именно в этот день ты войдешь в столовую моего участка. Будь благословен.

Ты, конечно, не можешь помнить всех дат и обстоятельств, когда, где и как ты спасал людей, такую бездну ты их спас. Но я, как и каждый, помню день своего спасения, благословляю встречу с тобой и счастлив приветствовать тебя на том деле, которое ты приказал мне выполнять. Добро пожаловать, – обратился он к нам, окинув всех нас приветливым взглядом и кланяясь нам.

И. обнял монаха. Я заметил, что руки его красивой формы, но грубы от физической работы, покрыты мозолями и

ссадинами.

– Мир тебе, брат мой Всеволод. Светлое Братство прислало меня к тебе с приветом и уполномочило сказать, что срок твоего пребывания здесь окончен.

Ты уедешь отсюда со мной. Мир нуждается в радостных лугах. Ты созрел как деятель. Пора тебе послужить человечеству среди страстей и суеты.

Лицо Всеволода точно засветилось изнутри, глаза его засияли, и он тихо ответил:

– Так пойду, как поведешь. Но не скрою некоторой печали расставания с теми несчастными твоими детьми, что ты мне здесь поручил. В самом начале тяготился я тяжелым трудом. Но теперь уже давно все понял, принял и благословил. Я думал здесь окончить свои дни. Но, да будет воля твоя и пославших тебя.

Он еще раз поклонился и ввел нас в зал – стеклянную галерею. Усадив нас за стол, во главе которого сел И., он сел рядом с ним, и только тогда многочисленные, раньше нас вошедшие в столовую люди опустились на скамьи у своих столов. По знаку Всеволода, десять сестер и братьев, несших свое дежурство для всего участка, стали подавать еду на все столы сразу. Я сосчитал, что длинных узких столов, точно таких же, как столы в большой трапезной, было пять. Стол, за которым сидели мы с Всеволодом, стоял так же первым у входа, как стол Раданды в большой трапезной. С места Всеволода все сидевшие в столовой были ему видны так же, как

с места Раданды. В этом зале, как я уже сказал, больше всего походившем на галерею, было много стекла. Стекла, обрамленные узкими полосками дерева, создавали иллюзию, что сидишь на палубе корабля, – так были они прозрачно чисты и так широка была видимая панорама.

С первого мгновения, как только я очнулся от новизны впечатления, меня окружила радость. Без всякого напряжения, легко, просто, весело я слился с эманациями, которыми была наполнена комната, и сразу же почувствовал, как из моего сердца льется и им же втягивается волна доброты и действенной энергии. Мне так и хотелось обнять всех сидевших за столами и поблагодарить их за то доброжелательство, с каким они нас встретили. Ни с чем не мог я сравнить этого приема. Все молчали. Но каждый из нас был счастлив и признавал себя братом, родным и близким всем собравшимся здесь людям.

Были здесь молодые и старые. Были и дети – подростки лет восьми – двенадцати, сидевшие возле своих матерей. У всех были лица веселые и добрые, глаза радостно и спокойно светившиеся. Я взглянул на брата, подававшего еду к нашему столу. Это был тот брат, что приходил за нами послом от Всеволода. Его лицо все так же сохраняло печать скорби, но скорби какой-то былой, давно пережитой. Оно напомнило мне лица бедуинов, которых И. направил конвоирами буйному всаднику, встреченному в пустыне.

Некоторое время все молча ели поданную кашу, за кото-

рую принялись только тогда, когда взял ложку в руки их настоятель. Я заметил, что сам Всеволод ел не больше Раданды, но делал вид, что ест очень усердно, чтобы не мог смутиться никто с хорошим аппетитом и поощрялся тот, чей аппетит был плох.

Хотя каша была вкусная, сладкая – из чего она, я разобрать не мог да, пожалуй, никогда такой и не ел, – я должен был констатировать, что мой отличный аппетит исчез. Я с трудом мог проглотить несколько маленьких кусочков хлеба и ложек каши, и то каждый раз под пристальным взглядом И. Есть мне было так трудно, что на последний настойчивый взгляд И. я мысленно ответил ему его же фразой: «В пути не надо много есть». Он понял меня, улыбнулся и положил свою ложку на стол, разрешая мне последовать его примеру. Вслед за кашей было подано нечто овощное, напоминавшее видом рагу из моркови и цветной капусты с картофелем, с большим количеством сливочного масла. Но к этому блюду я не мог заставить себя притронуться и удивлялся удовольствию, с которым его ели все, не исключая и тех, кто был за нашим столом. Сидевшая рядом со мною Андреева также, как и я, почти ничего не ела, что мне показалось странным, так как она нередко говаривала, смеясь, обо мне в Общине Али, что единственное наше с ней сходство – прожорливость.

Убрав все следы предшествовавших блюд, на столы подали прекрасный кофе или, по желанию, чай и поставили боль-

шие кувшины с молоком. Несмотря на то что руки подававшего за нашим столом брата были изуродованы – на правой не хватало мизинца, а на левой – средних пальцев, он делал все быстро и ловко, без всякой торопливости и даже опережал другие столы, где было по два подавальщика. Невольно посмотрев на чашку, в которой мне подали кофе, я залюбовался простой и красивой ее формой. Высокая, из тонкого фарфора, как мне показалось вначале, она на самом деле была стеклянной и переливалась желтоголубыми, розовыми и фиолетовыми красками. На ней ярко выделялся рисунок – роза и несколько небрежно брошенных фиалок. Посмотрев на чашки соседей, я увидел, что форма у всех одинакова, но рисунок разный. Я восхитился талантом мастера, который мог достичь в пустыне такой высокой художественности.

Завтрак кончился, Всеволод поднялся с места, поклонился И., поклонился всем нам и, повернувшись лицом к другим столам, поклонился всем присутствующим.

– Друзья и братья! Сегодня среди нас тот дорогой Учитель, всем нам друг и спаситель, к приезду которого я вас готовлю. Для многих из вас его приезд не только радость и счастье свидания с человеком, которому почти все мы обязаны спасением жизни. Это также и зов к новой жизни, к новой форме внешнего труда. Для многих из нас настало время перелить в действие те сокровища Духа, которые мы выработали и скопили здесь в своих сердцах. Здесь мы закалились, пора трудиться среди суеты для общего блага людей.

Не огорчением от разлуки с теми, к кому мы здесь привыкли, кого здесь полюбили как ближайших друзей и сотрудников, должны мы ответить на призыв Учителя к новым формам труда и к новым местам жизни. Но радостью, что можем призванные им, а в его лице всем Светлым Братством, начать в иных местах жизнь единения с ближними в красоте, в действенной любви и доброте сердца. Слушайте же сейчас в полном мире и цельном внимании слова нашего дорогого, великого друга, брата и Учителя.

Всеволод еще раз поклонился И. и сел на свое место. И. встал, окинул взглядом всех, не исключая и нас, и я снова испытал под этим взглядом необычайное состояние. Состояние, когда кажется, что речь идет только и именно к тебе одному. Взглянув на лица окружающих, я понял, что каждый испытывает точно такое же чувство – словно все внимание И. направлено только на него одного.

– Мои добрые друзья, мои верные сотрудники. Давно, очень давно имела место первая моя встреча с каждым из вас. С одними раньше, с другими позже, но со всеми без исключения очень давно встретился я впервые. Каждый из вас знает сам, как тяжело он страдал до момента встречи со мной. Каждый помнит хорошо, из какой адской муки он был вырван и укрыт мною здесь. Но, друзья мои, мои дорогие дети, так горячо посылающие свою благодарность и любовь сейчас мне и посылавшие их мне все время, я ли причина вашего теперешнего достижения или вы сами, своим трудом,

нашли в себе силы и умения освободить свое сердце, укрепостить свой разум от предрассудков и тем помочь духу своему загореться и сжечь все условности, все иллюзии, мешавшие, как путы, общаться в огне и духе? Не я, но вы сами, друзья мои, причина вашего освобождения. Вы сами золотоискатели, откопавшие в себе груды сокровищ, на первом месте среди которых стоит незыблемый мир как следствие вашего умения жить в Вечном,нося Его в своей временной форме и приветствуя Его же в каждом встречном существе. Сейчас для многих из вас пришла новая радость: поделиться добытыми сокровищами с теми несчастными детьми Земли, что не имели ни сил, ни возможности – ибо воля их молчала – обратить свой взгляд внутрь себя. Ваша новая задача – при всякой встрече с новыми людьми, где бы и при каких обстоятельствах эта встреча ни происходила, – вовлекать их в свою ауру, приносить их страданию успокоение и развивать в них самостоятельность в труде дня, самостоятельность цельную. На чем должна основываться эта самостоятельность? Я призываю пробуждать и закалять в людях самостоятельность, основанную на полной чести и честности, примером которых вы уже имеете силы быть. На полной правдивости, которую можете вносить в ваши новые отношения с людьми. На полном бесстрашии, которое развилось в вас как результат привычки жить в Вечном, и эту привычку старайтесь в них развить и укрепить. Перед вами дорога гигантов, дорога Вечного, зовущего вас к труду и действию с Ним. Не подда-

вайтесь же мелочи чувств. Не давайте сердцу обрастать плотью и кровью временного, но действуйте теми сторонами ваших проводников, где каждая клетка так пропитана и напитана светоносной материей солнца, что плоть и кровь стали лишь остовом ей, а не сутью, стержнем вашей энергии. Для каждого человека наступает момент его испытания.

И для каждой материи Вселенной есть момент испытания прочности и сопротивления как пригодной к тому или иному роду мирового строительства. Исключением из общего закона Вселенной не может быть человечество Земли, как и всяческая ее материя, одухотворенная или еще ожидающая одухотворения.

Момент испытания ученика – это момент величайшей радости. Самоотвержение его – это не та или иная форма отречения, это утверждение Жизни, утверждение ее сил в каждой встрече. Дошедший до такого самоотвержения несет всюду радость, ибо уже прошел все те стадии, когда личное восприятие момента могло нести горечь. Для вас нет уже ни времени, ни пространства как таковых – для вас есть чудо Жизни, идущей по Земле, славить которую, раздувать ее искры и очищать в каждом встречном вы призываетесь. Я приветствую вас в этот миг вашей жизни, в великий поворотный момент, когда моей рукой Светлое Братство вручает вам ключ для новых дверей. Им сможете раскрыть двери сердца встречного, помогая ему выйти из жизни узкой – в законах условных одной Земли – и перешагнуть в жизнь ши-

рокую всей Вселенной, в единение с трудом всего человечества, Неба и Земли, живущего в законах Вселенной – в законах закономерности и целесообразности. Не судите отныне ничью видимую жизнь. Вы знаете, что величие вашей жизни составляет и составляло то, что невидимо, неосвязаемо и невесомо, но что заставляло сиять все плотное, видимое и весомое в вас и вокруг вас. Идите же в мир суеты, мои дорогие. Идите весело, просто, легко. Идите, бесстрашные, уверенные, и вы всюду и все победите, ибо будете побеждать, любя и зная. Мир вам моими устами шлет все Светлое Братство. Будьте благословенны.

И. высоко поднял руку и благословил всех стоя слушавших его слова. Мне показалось, что во всех направлениях, куда шел жест И., вылетали большие снопы огня, прирастая к аурам людей и зажигаясь в них огненной звездочкой.

Несколько минут длилось чудесное молчание. Оно захватило всех, точно мощь великой торжествующей песни. Я снова испытал незабываемый момент слияния со всей Жизнью, со всеми ее видимыми формами. Я еще раз понял, какою мощью обладал И., раскрывая людей к прекрасному.

Всеволод приказал братьям отворить дверь, и все стали выходить из столовой, отдавая поклон И., Всеволоду и нам. Когда последний брат вышел, Всеволод обратился к И.:

– Не желаешь ли, дорогой Учитель, осмотреть мастерские, швальни², ремесленные училища и школу, а также больни-

---

² Швальня – портняжная мастерская. (Прим. ред.)

цу моего участка? Быть может, я недостаточно высоко под-
нял ремесла и образование, хотя я и старался точно придержи-
ваться указанных мне тобой образцов и путей. Некоторые
из цехов, вроде цеха стеклянной небьющейся посуды и окон-
ных стекол, мне пришлось перенести в оазис темнокожих,
так мне приказал Раданда. Быть может, ты соблаговолишь
съездить и посмотреть их там?

– Непременно, мой друг, в ближайшие же дни. Но сего-
дня я разделю свою группу людей. В школу твою я пойду
сам и возьму с собой только моего келейника Левушку да
приближенного ученика Али Наталью. Остальные мои дру-
зья, среди которых позволю тебе представить артиста миро-
вой славы Бронского, пройдут в твои ремесленные мастер-
ские и заводики. В них Бронский, Никито и все остальные
спутники найдут, что посоветовать твоим мастерам, продви-
нув их в изяществе и тонкости вкуса, и кое-чему поучатся
сами. Вот, представляю тебе двух специалистов библиотеч-
ного дела, знаю, что ты отстаешь в этой работе. Они помо-
гут тебе разобрать новый караван с книгами, который тебе
уже послал Али. Не ужасайся, они все уладят, дай им толь-
ко помощников, лучше всего старших школьников. И ста-
рые книги разберут, и новым место найдут. А эта сестра при-
везена мною специально для основания детских яслей и до-
мов. Придется совсем по-новому организовать это дело. Она
останется здесь и получит и помощников, и указания. Сей-
час дай ей провожатого, чтобы она могла обойти часть дет-

ских помещений.

Всеволод распорядился, как ему указал И., мы отделились от наших друзей и пошли за Всеволодом. Дорога долгое время пролежала через сад, который становился все более похожим на лес и, несомненно, когда-то им и был. Тут и там встречались дома, люди и группы детей. Разнообразие пород деревьев не только меня удивило, но я даже и не предполагал, что такие чудища могут расти в садах.

Мы дошли до озера, и здесь картина природы и жизни людей резко изменилась. Лес перешел в кустарник, зеленой травы не было. Среди глубокого, блестящего и мелкого песка, напоминавшего песок пустыни, в котором рос этот кустарник, были проложены утрамбованные дорожки, ведущие к разным домам, напоминавшим своим видом бараки или мастерские. Слышится стук молотков, лязг пилы, кое-где люди в легких рабочих костюмах стругали доски. Кое-где несли мелкий камень, собирали деревянные столы и кресла, стругали колонны из дерева. Кипела самая разнообразная жизнь.

Мы свернули, оставляя за собой озеро и площадку, и вышли на довольно большой островок, где рос молодой кедровый лес и было выстроено несколько красивых домов. Мы вошли в одно из зданий, оказавшееся школой, как раз в ту минуту, когда раздался удар гонга и из многочисленных дверей в широкий коридор выскочили со смехом и шумом дети лет восьми – тринадцати.

Увидев Всеволода, они чинно выстроились у стен, но их сияющие, веселые мордочки, видимо, ждали только разрешения изменить своей чинности и броситься к своему любимому настоятелю.

– Нет, нет, на этот раз «вольно» не будет произнесено, – смеясь, сказал Всеволод. – Будьте любезными хозяевами, вежливыми и приветливыми, познакомьтесь с гостями, которые проделали трудное путешествие по пустыне, чтобы навестить вас. Вот я и посмотрю, хорошо ли мы сумели вас воспитать и насколько вы вежливые кавалеры и дамы, – все смеялся Всеволод.

Личики детей стали необыкновенно серьезны. Они тихо и быстро разбирались на группы, по десятку в каждой, и во главе каждого десятка выдвинулись мальчик или девочка, как я понял, нечто вроде старосты десятка. Одна из девочек вышла вперед, подняла в знак приветствия руку и поклонилась нам. Ее примеру последовали все дети. Глазенки их горели, они с любопытством уставились на нас. Та же девочка, выступив еще вперед, сказала:

– Я дежурю сегодня и приветствую вас, дорогой отец-настоятель, и вас, любезные гости. Добро пожаловать! От лица всех детей приветствую дорогих гостей, оказавших нам честь своим посещением. Все, что мы сможем сделать для вашего развлечения, мы сделаем с радостью. Но, – девочка слегка замялась, – мы еще маленькие и мало умеем. Но все же мы умеем петь, плясать, делать гимнастику и изображать

жизнь кукол и зверей.

Всеволод весело засмеялся, погладил девочку по ее кудрявой головке и ответил поклоном на приветствие детей.

– Пожалуй, все ваши артистические фокусы вы покажете дорогим гостям после. Сейчас постарайтесь блеснуть своей ученостью. А пока, так и быть: «Вольно!»

Что тут поднялось! В один миг Всеволод исчез под грудой детских фигурок, напомнив мне, как исчезал под фигурами детей и карликов Франциск. Высокий посох Всеволода, как драгоценное сокровище, держали чуть ли не десяток ребят, с головы был снят клобук, и с величайшей осторожностью дети держали его в руках, пока остальные висели на своем настоятеле, наперебой рассказывая ему последние новости из своей детской жизни.

К И. подошла группа детей, внимательно и осторожно рассматривая его, точно они не могли оторвать глаз от его лица. Он ласково гладил их по головкам, задал им несколько вопросов – и лед их чинности растаял мгновенно.

– И с вами тоже можно «вольно»? – спросил премилый мальчуган, боязливо подходя вплотную к И.

И. рассмеялся так весело и заразительно, что я не мог не залиться смехом и тут же сам потерял всю свою чинность.

– Вольно, вольно, – продолжая смеяться, ответил И. и взял мальчугана на руки. – Но я ведь уже старый дядя, а вот мой келейник Левушка очень любит быть верблюдом. Садитесь на него и поезжайте в сад, – указывая на меня, сказал он

окружавшим его детям.

Я не успел и опомниться, как целая орава ребят оседлала меня. Всеволод до некоторой степени облегчил мою верблюжью ношу, и я был утащен детьми в сад.

Там они показали мне свое маленькое хозяйство. У них были крольчатник и псарня, где жило несколько щенков какой-то очаровательной породы, красивых и пушистых. Тут же, немного поодаль, был сооружен теплый домик, где жили щенки африканской породы, черные, совсем без шерсти. Несмотря на жару, им было холодно, и дети укутывали их в ватные попонки.

Время перемены промелькнуло быстро, раздался удар гонга, и вместо шумной ватаги ребят, где каждый, перебивая другого, спешил вылезти вперед и рассказать что-то особенное, интересное, передо мной появился стройный отряд дисциплинированных маленьких людей, в полной тишине входивших обратно в двери школы.

Я не видел Андрееву и не знал, как совершилось ее знакомство с детьми. Но повернувшись назад, заметил ее в группе детей, мордочки которых были особенно радостны. Я подумал: чем могла так привлечь к себе детей обычно резковатая в своем обращении Наталья Владимировна? Я заметил в ее руках красивый мешочек из пальмовых волокон, в который я так усердно старался упихать ее коробейные товары в оазисе Дартана. Девочки с восторгом гляделись в маленькие зеркала, мальчики с неменьшим упоением разгляды-

вали свои свистульки, барабанчики и прочее. Но заниматься наблюдениями было некогда, раздался второй удар гонга, по которому дети должны были привести себя в полный порядок, а третий удар должен был застать их уже сидящими за партами.

Я нашел И. в коридоре, окруженного учителями и учительницами. Он все еще держал на руках того же малыша. Когда я к нему присмотрелся, то узнал в нем того самого мальчика, матери которого я должен был передать письмо Франциска. Я видел ее в тот час, когда Франциск писал свои письма и соединил меня со своею мыслью. Малютка прильнул головкой к плечу И., нежно гладил его по щеке и говорил:

– Дядя, миленький, хорошенький, скажи, отчего ты такой самый, самый красивый? Ну совсем как у мамы ангел на картинке. Знаешь, я ведь тебя часто видел во сне, – бормотал мальчик, точно засыпая.

И. ласково прижал к себе ребенка.

– Мальчик, Левушка, уже болен. Но пока это еще мало заметно. Скоро болезнь резко проявится. Возьми его, он уже засыпает. Отнеси его сам к матери. Там и письмо Франциска ей отдашь, и выполнишь сам его приказание. Ты пойдешь мимо своей кельи и захватишь письмо. Пожалуйста, Всеволод, дай Левушке провожатого, пока я буду наслаждаться мудростью твоих детей и твоими воспитательными и методическими талантами.

Я взял ребенка. Всеволод дал мне в провозатые одну из сестер-уборщиц с добрым, еще молодым и приятным лицом, одетую в очень милое коричневое платье, белый чепец и белый же передник безукоризненной чистоты. Сестра пошла со мной, захватив для заболевшего ребенка его завтрак. Ноша моя была тяжела: жара уже ощущалась сильно, и тело мальчика казалось мне огненным. Мы дошли до нашего домика, я положил мальчика на свою постель, достал пакет с письмами Франциска и сказал сестре-проводной:

– Как вы думаете, сестра, не повредит ли мальчику, если я немного задержусь и побегу в душ? Мне кажется, я весь горю от знойного воздуха.

– Нисколько не повредит. Я его постерегу и буду махать над ним пальмовым листом. С непривычки вначале наш климат всем тяжел, потому-то у нас и устроены души в очень многих местах. Пока мы будем идти, встретим их немало.

Вы сможете еще несколько раз освежиться холодной водой, если захотите. Все, кто приезжает к нам, не могут выдержать первое время нашего зноя, но постепенно втягиваются и перестают его замечать.

Не медля, пока сестра еще договаривала последние слова, я схватил полотенце и помчался в душ, в сотый раз вспоминая мою дорогую, нежную няньку, моего друга Яссу. Где Ясса? Как он едет? Скоро ли вернется? Мысли мои, любовные и благословляющие, мчались за ним, а сердце мое гордилось оказанным ему высоким доверием, сострадало его тяжелому

пути по пустыне...

Душ меня воскресил, и мы вскоре бодро зашагали по тенистой аллее. Теперь ноша моя не казалась мне такой тяжелой, хотя тело мальчика было очень горячим. Раза два сестра указывала мне на небольшие домики-души, очень мило сложенные из белого камня. Она предлагала мне еще раз освежиться. Но я еще не изнемогал, шел бодро и не мог понять, где же конец моему путешествию. Лес стал гуще. Мы шли уже более получаса, встречали стоявшие одиноко и группами домики. Я нигде не видел ни стен, ни ворот, через которые мы въехали в Общину. Также не видел я ни конюшен, ни фермы, а ведь где-то здесь они должны были быть. Мои размышления прервала сестра, указывая на небольшой, отдельно стоящий домик.

У открытого окна я увидел женскую фигуру, склоненную над шитьем чего-то крупного, белого. Женщина, слышав мои шаги и голос моей спутницы, подняла голову, и я сейчас же узнал в ней ту самую, которую видел в мыслях Франсиска.

Увидев своего сына у меня на руках, она торопливо отбросила работу и вышла нам навстречу, распахнув настежь дверь своей комнаты, большой и светлой. Она впиалась глазами в личико своего ребенка. Беспокойства, страстной любви и отчаяния такой силы, как были написаны на лице женщины сейчас, не было на лице, которое сохранилось в моей памяти. Не поддаваясь ни на миг силе волнения женщины, я звал

всем своим усердием Франциска. Я помнил его наставление, в каком состоянии должен быть я сам, чтобы иметь и силу, и дерзновение прикоснуться к личику ребенка тем священным лоскутом материи, который он вложил в свое письмо.

Уложив ребенка на постельку, я поблагодарил свою провожатую и отпустил ее, уверив, что найду обратную дорогу сам, в чем, впрочем, был далеко не уверен.

– Перестаньте плакать и волноваться, дорогая сестра, – сказал я матери, стоявшей на коленях у изголовья сына. Я привез вам письмо и привет от Франциска.

Не успел я произнести имя этого чудесного человека, как женщина вся преобразилась. Слезы еще катились по ее щекам, но глаза засияли и губы улыбались.

– О, какое счастье, значит, все будет хорошо и мой дорогой сыночек выздоровеет. Будьте дважды благословенны: и за то, что Вы доставили мне моего дорогого мальчика – а я хорошо знаю, какая это тяжкая ноша в такую удушливую жару, – и за то, что Вы принесли мне весть, которую я считаю божественным милосердием. Никого милосерднее и добрее великого Учителя И., спасшего меня от злодеев, и брата Франциска, помогшего мне понять смысл всей моей многострадальной жизни, научившего меня своей добротой примириться со всеми несчастьями, благословить их и освободиться от их давящей муки я не встречала и не знаю. Встреча с ними – вся моя жизнь. Я не только поверила их святой жизни – я захотела следовать за ними всей верностью

моего сердца. Их помощь, их милосердие, их любовь – это вся святыня, которую я имею в жизни.

Я приветствую вас, дорогого вестника, благодарю вас за счастье, потому что выше радости, чем письмо Франциска, вы мне подать не могли.

Я вынул из своего большого кармана сумку, в которую Франциск вложил красный платок с письмами. Я взял в руки этот священный для меня пакет и молча сосредоточил все мои мысли на том моменте, когда Франциск молился у красной чаши о чистоте своих рук прежде, чем сел писать письма. Я старался мысленно соединиться с его сердечной добротой, призывал имя моего великого покровителя Флорентийца и только тогда достал его письмо с лоскутом.

– Франциск приказал мне обтереть личико вашего большого сына тем лоскутом, что он вложил в конверт, если я буду в силах слиться с его добротой и любовью. Я всеми силами собственного сердца стараюсь соединить свою волю и бесстрашно зову его мощь, моля его присоединиться к моим слабым силам. О, если бы вместо моей слабой руки вашего сына коснулась рука Учителя И., как был бы я счастлив! Я был бы уверен, что миссия Франциска будет выполнена, что ваш милый мальчик будет не только здоров сейчас, но здоров навсегда.

– Дорогой брат, что же мечтать о несбыточном? Учителя И., благословенного моего спасителя, не может быть здесь сейчас. Если бы он здесь был, всем сердцем верю, он наве-

стил бы меня. Когда он привез меня сюда более семи лет назад, он приказал мне жить в полном уединении и даже не выходить к общим трапезам. Я так и делаю. И все эти годы я была счастлива, спокойна. Все шло хорошо. Но вот стал подрастать мой сынок и теперь часто спрашивает меня, почему мы не ходим в трапезную, как делают его сверстники. И я не знаю, что ему отвечать. Все годы моего безмятежного счастья и мира здесь теперь сменились днями сомнения и слез. Неужели мой грех падет на моего ребенка? Неужели его невинное детство омрачится какой-то отъединенностью от всех других? Он такой впечатлительный и нежный мальчик. Он часто бывает молчалив и задумчив, печально смотрит куда-то вдаль, точно пытается разрешить в своей детской головке недетские мучительные вопросы... Не будем же мечтать о чуде, которое невозможно. Мой дорогой брат, будем делать. Чисты ваши руки, чисто ваше сердце, если Франциск послал вас своим гонцом. Соединим наши молитвы и бодро, в полном бесстрашии и радости оботрите моего сына. Нет счастья выше той помощи, какую один человек может оказать другому, являясь для него вестником радости от великого Светлого Братства.

Мы опустились на колени у изголовья больного мальчика. Я старался понять великую силу материнской любви, забывающей страх и сомнения, забывающей совершенно о себе и помнящей только нужду быющего часа жизни ребенка и интуитивно проникающей в Мудрость, указывающую путь к

помощи.

Я погрузился в мысли о Флорентийце, я звал И., я молил его услышать мой зов. Не знаю, долго ли длился мой экстаз мольбы, но очнулся я оттого, что женщина схватила меня за руку и испуганно вскрикнула:

– Что это? Может ли это быть? Или я брежу?

Лицо ее было бледно, встревожено, рука, которой она меня схватила, была холодна. Весь вид ее, взволнованный, растерянный, даже несчастный, вызвал в моей памяти образ бедной беспомощной Жанны, когда я впервые увидел ее с двумя маленькими детьми, которых она обнимала, сидя на палубе парохода.

Вытолкнутый внезапно из моего глубочайшего экстаза, точно сорванный с вершин и брошенный на землю, я не мог сразу понять ни ее слов, ни причины ее расстройства. Повернувшись по направлению ее неподвижного взгляда, я увидел И., стоящего в дверях и ласково улыбающегося нам.

– О, И., дорогой мой друг и учитель, вы слышали мой зов, мою мольбу, – бросился я к нему и обнял моего милосердного покровителя.

– Я пришел, Левушка, чтобы навсегда объяснить тебе первое ученическое правило: «Всегда будь готов». Оно неизменно для всех веков, всех миров Вселенной и для всех человеческих сознаний, в какой бы форме и в какой бы атмосфере, в какой современности они ни жили, если они идут ученическим путем. В полном бесстрашии, в полной уверенности

надо выполнять задания учителя, как бы и кто бы тебе их ни передал. Сосредоточь мысль свою, как тебя учил Франциск, возьми его лоскут и оботри мальчика. Исполняя всякое поручение Учителя, можно выполнить его только совсем забыв о себе, о своих личных качествах и думая только о том человеке, к которому послала тебя любовь Учителя. Возьми в руки письмо, слей свою энергию с добротой Франциска и оботри мальчика. Помни, что только радость и уверенность могут составить тот чистый мост, по которому прольется исцеляющий ток силы того, кто послал тебя своим гонцом.

Я взял конверт из рук безмолвно стоящей женщины, прижал его к устам и сердцу. Я ощутил необычайную теплоту и аромат, исходившие от письма, и самое письмо показалось мне светившимся. Я вынул из конверта лоскут, вид которого я отлично помнил, – он был красновато-оранжевого цвета, когда его подавал мне Франциск, – теперь он казался мне пылающим. Как бы кусок огня держал я в руке. Но в моем состоянии восторга, высшего вдохновения и счастья я едва обратил на это внимание.

Вновь став на колени у изголовья больного, я обтер его личико пылавшим лоскутом, перекрестил им его, произнеся: «Блаженство Любви, Блаженство Мира, Блаженство Радости, Блаженство Бесстрашия да обнимут тебя». Я взял ручки мальчика и протер его ладони, обтер его тельце и ножки и заметил, что кусок огня становится все меньше и меньше, и, когда я вытирал второй маленький следок ножки, он окон-

чательно растаял в моей руке. Окончив свой труд, я встал с колен.

И. осторожно закрыл мальчика легкой кисеей и, повернувшись к матери, сказал:

– Почему ты так удивлена, мой милый друг Ариадна, моим появлением? Разве я не обещал тебе, что приеду? Разве ты забыла, что я обещал тебе встречу, если ты выполнишь все условия, которые я тебе поставил, не как иго и бремя, а как радость, видя в них защиту тебе и твоему сыну? Ты выполнила все, даже плакать было перестала, вспомнив об этом милом занятии только в самое последнее время.

И. ласково улыбался, и в глазах его поблескивали те юмористические огоньки, которые были мне так хорошо знакомы. Ариадна все еще стояла в столбняке, очевидно считая появление И. в ее комнате величайшим чудом из чудес, объяснения которому она не находила.

– Полно, друг, приди в себя. Нет чудес на свете, есть только ступени знания и ступени духовного развития человека. Чем выше в нем любовь, тем дальше он видит и тем ближе ощущает свою тесную связь с людьми и их путями.

В первое свое свидание со мною ты также считала чудом нашу встречу. А между тем, она была тогда, как и теперь, только результатом твоего созревшего духа, который мог тогда и может сейчас продвинуться в новую, высшую ступень откровения. Очнись и выслушай внимательно все, что я тебе скажу.

И. отвел женщину от постели ребенка, посадил ее на стул в глубине комнаты, велел мне сесть рядом и сам сел на скамью.

– В эту минуту, дорогая сестра, ты стоишь на перекрестке дорог. У каждого человека Земли бывают минуты, когда он подходит вплотную к скрещивающемуся перед ним узлу дорог. Чем ниже сознание человека, тем этих дорог больше, тем иллюзорные краски ярче и сильнее увлекают его. И внимание его разбрасывается по многим путям, он не имеет сил выбрать себе те пути, по которым могло бы идти его высшее духовное «Я». Когда начинается внутреннее раскрытие сердца человека, его желания перестают быть грубыми и многочисленными, он становится способным признать в другом важность и ценность его жизни. Дальше он думает уже о равенстве своем с окружающими, и число дорог все уменьшается. Наконец, каждый человек – рано или поздно, тем или иным путем – приходит к перекрестку четырех дорог: жажды счастья, жажды радости, жажды славы, жажды знания. Но все огни на всех дорогах горят одним ярким и коротким словом: «Я». Здесь зарождается первое индивидуальное творчество человека, свойственное ему одному, переносящее его иногда в моменты гармонии, то есть вдохновения. Здесь изредка он слышит голос высшего своего «Я» и находит счастье в творчестве. Дальнейший путь приводит каждого к перекрестку трех дорог: Счастье, Знание, Мудрость. К этому моменту каждого человека приводит самоотверженная лю-

бовь. Самой разнообразной может быть эта форма любви. Не важна форма, важен дух человека, поднявшийся в высоту самоотвержения и пролитый в труд дня. Мать ли то, герой ли, отдающий жизнь за Родину, деятель ли, создающий политику любимой Родины, вождь ли народа, лекарь или повар, швея или художник – не имеет значения. Лишь суть порывов самоотверженного творчества сердца важна, ибо только она остается в записи вечного труда человека. Двигаясь дальше, человек видит уже две дороги: Счастье и Мудрость. И в конце пути все, что он выработал, все, что он вынес из костра борьбы и мук своего «Я», сливается в одно счастье знания – Мудрость. Путь твоих страданий и трудов подвел тебя сейчас к перекрестку трех дорог. Не думай, что кто-нибудь или что-нибудь извне может указать тебе, на которой из них горит Свет. Сами по себе, все дороги темны. Их освещает только Свет в тебе. И этот Свет не признак, по которому тебя избирают, но сила, раскрывающая двери, которые не могут устоять под напором струй твоего сердца. Та дорога, на которую вступает каждый, имеет невидимую дверь, вводящую в высшую ступень дух человека, и видимые всем крушения его внешнего благополучия. Что же говорит надпись над твоей дверью, видимой четко мне и невидимой никому другому? Надпись над дверью, закрывающей вход на твою высшую дорогу, гласит: «Пройдена Голгофа, где стопы ног омыты кровью сердца. Входи в общение с людьми, ибо дух твой устойчив и энергия твоя созрела к общему труду

и благу, то есть к труду на общее благо». Теперь в течение нескольких дней мальчик будет болен. Тебе придется посвятить ему все внимание. В уходе за ним изживется твоя последняя заноза: страх за жизнь сына. В эти дни поймешь, что какой-либо страх – это недостаточная верность Учителю. Будь спокойна, лекарств ребенку не надо никаких. Он будет почти все время спать. И что бы с ним ни происходило, даже если бы тебе казалось, что он спит мертвым сном, что он не дышит, помни одно: Учитель сказал, что сын твой будет жив. Пока ребенок болен, ты меня не увидишь, но когда он поправится, я приду и сам поведу вас обоих в трапезную. Помни же: храни мир и будь бесстрашна, ибо от твоего состояния в значительной степени зависит урок, проходимый твоим сыном.

И. простился с Ариадной, но предварительно велел мне пойти в ближайший душ и возвратиться к Ариадне. Я был рад этому приказанию. Я изнывал от жары и пота, катившегося с меня струями. В душе я увидел брата, поразившего меня тем, что он точно ждал меня. Он безмолвно взял мое платье и подал мне свежее, так же как и чистые сандалии. Я только сейчас заметил, что безукоризненно чистые, когда я их надевал, сандалии мои были сейчас серыми от пыли. Мне казалось, что я уже научился ходить, не поднимая ногами пыли, но, очевидно, под тяжестью я еще не умел ходить легко.

Когда я возвратился к домику Ариадны, она стояла в две-

рях и смотрела сияющими глазами на И. Я никак не мог бы признать в этом молодом и очаровательном существе ту женщину, которой я принес ее сына, если бы И. не стоял рядом с ней. И. простился с Ариадной, взял меня под руку, и мы быстро зашагали по аллее.

– Надо торопиться, Левушка, сейчас мы пройдем прямо к Раданде, у него пробудем немного и вместе с ним отправимся в трапезную. Там я поговорю еще с некоторыми братьями и сестрами, а по окончании обеда помогу тебе разнести письма Франциска. Если успеем, доберемся и до старца Старанды.

Идти рядом с И. было блаженством. Я и раньше замечал, что с него никогда не катился пот, что внешний вид его был всегда прекрасным, и того безобразия катящихся струй пота, от которого я так страдал, я на нем никогда не видел. Но сегодня, в эту нестерпимую жару, когда, казалось, каждое дерево жжет, а не посылает прохладу, от И. шла ко мне, точно от ручья, охлаждающая струя. Только я было приготовился спросить его об этом чародействе, как нам повстречался тот брат-подавальщик, что приходил за нами, приглашая нас в первый раз в трапезную Раданды.

– Отец-настоятель послал меня к тебе, Учитель, спросить, не нужен ли я тебе? Не надо ли помочь друзьям твоим в чем-нибудь? Быть может, я могу заменить уехавшего слугу Яссу?

Я пристально смотрел на него, и снова для меня был сюрприз: все трагическое исчезло с его лица. Он улыбался лас-

ково и весело, точно волшебная палочка унесла все печальное с его лица. Я протер глаза, чем насмешил все подмечавшего И., и должен был убедиться, что лицо брата-печальника стало веселым лицом доброго человека.

– Спасибо, друг, что ты поспешил выполнить приказание отца-настоятеля. Я и Левушка уже привели себя в полный порядок. Но вот о чем попрошу: зайди к нам в дом, оповести всех, чтобы прибрались и через двадцать минут собрались на крыльце. Скажи им, чтобы меня не ждали, но шли за тобой к настоятелю, где я буду их ждать.

Брат поклонился и свернул в боковую аллею. Я понял, хотя не мог отдать себе отчета, как именно, что причиной радости брата и перемены в нем был И. Но я уже научился не задавать таких вопросов, стал думать, не упустил ли я сам чего-нибудь из своих обязанностей, и вдруг... вспомнил об Эта.

– Боже мой, где же моя бедная птичка? Неужели голоден до сих пор мой птенчик? И где он сейчас? И., миленький, пустите меня, я побегу его отыскивать.

– Успокойся, твой Эта провел отлично ночь с Мулгой, а утром его взял к себе Раданда. Твой неблагодарный птенчик увлечен сейчас новым другом. Раданда хорошо понимает птичий язык, и Эта это кажется пленительным. Поэтому он не только не скучает, но даже и забыл о тебе.

И. смеялся, глаза его искрились юмором, а... у меня в сердце шевельнулось нечто, похожее на огорчение.

– Почему же ты вдруг глядишь таким печальным постником? Неужели тебя огорчает, что птенчику твоему без тебя хорошо и весело? Ты предпочел бы, чтоб он проливал слезы в разлуке с тобой?

– Нет, И., мой дорогой наставник. Я бы, конечно, не хотел, чтобы кто бы то ни было пролил хоть одну слезу обо мне или из-за меня. Но... но... если бы мне пришлось расстаться с вами, я не ручаюсь, что у меня хватило бы сил не плакать, как я когда-то плакал, расставаясь с Флорентийцем.

– Это было бы очень печально, дорогой мой сынок, это значило бы, что время и пространство физические еще владеют тобой, а духовная близость не стала твоим дыханием, твоею жизнью серого дня, твоим трудом в нем. Для тех, кто слил свое сердце и сознание со своими любимыми, кто видит не облик, физически близкий самому себе, но вечный путь того, кого любит, уже не существует ни разлуки, ни разъединения. Для него существует только радость сотрудничества, радость полной гармонии, не зависящей от того, видят ли друзья физические глаза или их видят очи Духа, очи Любви. Если ты еще стоишь у того перекрестка, где есть иллюзия осязаемой формы любви, ты не сможешь найти устойчивого мира. Потому что мир сердца растет на единственном основании: все, вся Жизнь в себе. И в каждом человеке, кто бы он ни был – муж, жена, брат, дитя, друг, – надо научиться поклоняться этой жизни, чтить ее и освобождать своею любовью путь к ней в каждом любимом существе. И нет исклю-

чения из этого правила ни для одного человека, в какой бы форме бытовых отношений он ни жил.

Я всем существом внимал словам И., но впервые мне казались его слова недостижимыми для человека, простого смертного, каким был я...

И. ласково посмотрел на меня и по обыкновению прочитал до дна мои мысли и чувства.

– Мера вещей, Левушка, меняется параллельно крепнущему духу человека. И то что кажется нам недостижимым сегодня, становится простым действием серого дня завтра. Это «завтра» растяжимо для каждого человека по-своему. Оно так же индивидуально неповторимо, как и весь путь человека. Для одного – мгновения, для другого – века. И в течение этого «завтра» вся жизнь делится на этапы героических напряжений духа человека. Но сила каждого, та сила, что продвигает его самого и через него энергию Учителя в его окружение, достигается человеком тогда, когда всякое героическое напряжение, трудное, воспринимаемое как подвиг, становится легким и простым, привычным трудом. Не допускай никогда, дитя мое, унылого чувства «недостижимости» перед чужим величием Духа. Всегда радостно благословляй достигшего больше твоего и лей ему свою радость, чтобы ему легче было достигать еще больших вершин. Проще, легче, выше, веселее. Эти слова Али – целая программа для каждого. В этих словах усматривай, что высота духа не иго, не отречение и не подвиг, а только полная гармония. Она

выражается в постоянной, ни на минуту не нарушаемой радостности. Радостности именно потому, что человек живет в Вечном. А живя в Вечном, он видит это Вечное во всех мирах, где он сам гостит в тот или иной момент своего духовного и физического роста.

Мы подошли к сторожке Мулги, который радостно приветствовал нас и немедленно доложил мне, что Эта живет у настоятеля в его покоях и трапезной и бегают за ним, с трудом разлучаясь. Когда же, подчиняясь приказанию Раданды, должен остаться дома, то усаживается на кресло настоятеля, к полному смущению келейников, и никого к себе не подпускает, обнаруживая весьма строптивый нрав. Я представил себе эту картину борьбы Эта с келейниками, это нарушение тишины в чинных покоях настоятеля, и мне представилась в таком виде вся эта сцена, что от комизма ее я залился смехом, сам забыв о чинности места. С трудом я совладал со своим мальчишеством, и то не без укоризненного взгляда И.

Не успел я стать воспитанным, как услышал радостные вопли Эта, мчащегося ко мне через дворик. Во многих окнах появились лица, но, к моему счастью, ласково улыбающиеся. Никто не посылал мне упрека ни за мой смех, ни за беспокойное поведение моего белоснежного друга. Я ждал, что Эта немедленно очутится на моем плече, но, видно, ряд удивляющих сюрпризов на сегодня еще не закончился.

Не добежав до нас шагов трех, проказник остановился, распустил свой хвост, — кстати сказать, я впервые увидел,

как вырос, какой царственной красоты и великолепия этот хвост, — высоко поднял свою прелестную головку, затем низко-низко склонился к земле, почти касаясь ее своим хохолком. Пораженный этим невиданным фокусом моего друга, я, конечно, не замедлил вспомнить прежнее время и превратился в полном смысле слова в Левушку-лови ворон. Эта отдал свой первый поклон И., затем выпрямился и точно так же поклонился мне. Затем, сочтя, что он достаточно познакомил меня с новым воспитанием, которое получил в Общине, закричал довольно пронзительно и тут уж дал волю своей радости свидания со мной. Он бросился на меня, я исчез под его крыльями, он скакал по моим плечам и рукам, тормошил клювом мои кудри, словом, он добился желанного результата: я был растрепан, весь в поту, одежда моя была мокра и измята, а вокруг меня образовалось кольцо смеявшихся людей. Я был совершенно смущен и бессилен унять темпераментные восторги Эта.

Наконец, натешившись вволю и, очевидно, утомившись сам от гимнастических упражнений, Эта уселся на мое плечо. Я стоял весь красный, но не успел подумать о своем внешнем виде, так как увидел Раданду, от души смеявшегося проделкам Эта, и услышал его слова:

— Ну, брат Эта, и осрамил же ты меня. Я хотел похвастать своими воспитательными талантами, а ты вон что преподнес! Кто же теперь поверит, что я хороший воспитатель?

Голос Раданды звучал ласково, от него шло во все стороны

сияние, и снова он казался мне шаром. Не знаю, что понял Эта из слов Раданды, но он соскочил с моих плеч, подбежал к Раданде и отдал ему глубокий поклон.

– Ну, хорошо, это мне благодарность за то, что я обучил тебя хорошим манерам. Но надо извиниться перед хозяином за то, что ты его растрепал, – протягивая руку над головой Эта, сказал Раданда.

Эта повернулся и, жалобно глядя на меня, не распуская хвоста, поклонился мне, точно моля о прощении. Его поведение вызвало новый взрыв веселого смеха окружающих и новую реплику Раданды:

– Теперь отправляйся и покажи своему хозяину дорогу в ванну. А как ударит гонг, ступай к Мулге, води себя прилично и жди, пока Левушка за тобой придет. – Раданда говорил и поглаживал спинку приникшего к нему Эта. – Скоро будет удар гонга, спеши.

Мне показалось, что какие-то искорки бегали под рукой Раданды, я подумал, что это его мысли, которые понимает Эта. Повернувшись ко мне, павлин подергал меня за платье и побежал через дворик, следя, иду ли я за ним.

Несколько оправившись от конфуза, я пошел за Эта и очутился в таком же душе, каких видал немало в саду. Но вода здесь была не так прохладна и обстановка несколько комфортабельнее. Келейник Раданды дал мне свежее платье и обувь и удивлялся, как это я мог справляться с такой своеправной птицей и даже научить ее кланяться. Я не успел ему

ничего ответить, так как раздался удар гонга. Эта вскрикнул и убежал к Мулге, дверь соседнего со мной душа открылась, и оттуда вышел И. Должно быть, занятый своим конфузом, я не заметил, когда И. вошел в душ. Мы вместе вошли и прошли в покои Раданды, где я был в первый раз.

Комната, куда мы вошли, была большая и светлая. В ней стояли высокие застекленные полки с книгами. Кое-где стояло с десяток небольших изящных белоснежных столиков, так чудесно отполированных, что казались костяными. На некоторых из них лежали стопочками книги и тетради, точно за ними только что занимались и сейчас вернутся продолжать свой труд. У меня мелькнул в памяти образ профессора Зальцмана, которому так хотелось поехать с И. Я понимал его печаль от разлуки с И., хотя хорошо запомнил последний разговор, состоявшийся по дороге от Ариадны.

Раздался второй удар гонга. Вместе с ним все друзья нашего отряда – те, с которыми мы расстались утром, и те, кого я покинул в школе, – вошли в комнату, введенные братом, что превратился в веселого. Бронский и Игоро пришли возбужденные. Поздоровавшись с Радандой, они сразу подошли ко мне, и Бронский сказал:

– Если бы я хотел описать вам, Левушка, все то, что мы с Игоро видели, то мне пришлось бы написать целый толстенный том. Кто мог бы себе представить, что в пустыне есть жизнь, что это не жизнь дикарей, но жизнь величайшей культуры, до которой еще не дошло человечество городов.

Раздался еще удар гонга, к нам подошла Андреева, и мы слышали четкий, спокойный голос И.:

– Я напоминаю вам, друзья, что в трапезную надо войти в полной сосредоточенности, соблюдать в ней молчание и думать о вековых путях людей. Старайтесь вникать в ту суть человеческих судеб, которую не видите, и не рассеивайтесь на наблюдениях внешних форм. Не оставайтесь созерцателями «чужих» жизней. Сливайте все самое лучшее, на что вы способны, с сердцами тех, кого видите в труде достижения высшей ступени духовной культуры.

Раданда напомнил нам, чтобы мы заняли те же места, что были нам указаны в первый раз.

– Левушка, – шепнула мне Андреева, – у меня так много нового понимания вашего пути за это утро, что я еще раз должна просить у вас прощения за мое прежнее ироническое отношение к вам.

– Дорогая Наталья Владимировна, во-первых, я уже давно забыл все то, что было, а во-вторых, с тех пор вы проявили ко мне так много ласки и внимания, что они покрыли с лихвой все неприятные минуты, если они и были. Все, чего бы я желал сейчас, – стоять так высоко в своем самоотвержении и силе внимания, как это делаете вы.

Раздался третий удар гонга, келейник подал Раданде его посох, и мы пошли в трапезную, как и в первый раз. Братья распахнули широкие двери, мы вошли в зал, уже наполненный людьми, и сели на свои места. Я сразу же увидел

Всеволода и узнал многих из тех, кого приметил утром в его столовой. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы собрать свои мысли. Во мне все вспыхивало воспоминание о трех фигурах, о виденном здесь их страдании и обо всем здесь пережитом. Это привело меня к совершенно новому пониманию и преклонению перед величием и ужасом человеческих путей. Я должен был констатировать факт, что все новое знание не помогло моей мысли стойко фиксироваться на чем-то до конца. Мысль, как плохая нитка, ежеминутно рвалась. Наталья Владимировна почувствовала мои усилия, несколько раз слегка меня толкнула и прошептала:

– Постарайтесь не мешать И. сосредоточиться.

Она попала в точку. Я сразу понял, в какой бездне эгоизма и самонаблюдения я кружился, вместо того чтобы действовать и прибавлять свои маленькие силы к великому труду И. Я взглянул на моего дорогого воспитателя и поразился: опять я видел И. новым.

Он был глубоко сосредоточен. Он точно молился или призывал какие-то высшие силы себе на помощь. Невольно я посмотрел на Раданду, смеющееся лицо которого осталось последним впечатлением о нем в моей памяти. Сейчас глаза мои наткнулись на неведомого мне Раданду, хотя за это короткое время я видел самые разнообразные чувства на этом лице. Раданда сидел неподвижно, шар его цветных огней играл ярче, но лицо было лишено всякого выражения, точно он напряженно слушал что-то, приходившее издали, да так

и застыл.

Как я ни старался оторвать взгляд от этих двух лиц, глаза мои снова и снова обращались к ним. Вдруг Раданда слегка вздрогнул, лицо его ожило и засияло обычной ласковой добротой, цветные огни его шара засияли еще ярче. Глубочайшая сосредоточенность сошла с лица И., от него побежали точно струйки Света во все стороны, и даже в зале, мне показалось, стало светлее.

Я и не заметил, что дело дошло уже до фруктов, что первые два блюда были унесены с моего стола нетронутыми. Веселый брат-подавальщик пододвинул мне тарелку с фруктами, на которой принес мне еще и кусок сладкого пирога и фиников, думая, по всей вероятности, что еда была мне не по вкусу. Через минуту он подал мне чашку дымившегося какао и сопровождал ее таким молящим взглядом, что я кивнул ему и сейчас же принялся есть. В мгновение ока все мои тарелки оказались пусты, и только сейчас я понял, что голоден и был бы не прочь начать теперь с каши. Усердно подбирая последние крошки пирога, я встретился взглядом с Радандой. Бог мой, как я переконфузился! В глазах старца было столько ласкового юмора, что я чуть не подавился взятыми в рот крошками. Точно школьник, накрытый на месте преступления, я опустил глаза и не решался больше их поднять.

Тем временем в трапезной воцарилась мертвая тишина. Я почувствовал движение И., посмотрел на него и увидел его стоящим.

– Сегодня, друзья, для многих из вас последний день жизни в Общине. Не поддавайтесь той печали, которая закрадывается некоторым из вас в сердце. Гоните страх и опасения, что не сможете приспособиться к жизни мира, от которого давно отвыкли. Оставьте всякие колебания и опасения и унесите с собой три простых завета. Первое, что должно лечь в основу каждого дня, каждого вашего дела, – это мысль о Светлом Братстве. За что бы вы ни брались, вы должны ясно и точно отдать себе отчет: являетесь ли вы помощниками в выполнении трудового плана Светлых Братьев или ваш собственный эгоизм руководит вашими побуждениями к труду. Второе – цельность до конца, до конца отдача внимания каждой задаче, какую вам укажет Светлое Братство.

Есть миллионы путей, которыми оно может прислать вам свои задания. Никогда не смотрите на путь, примчавший к вам весть, внимайте вести и выполняйте ее. Но что значит, по мнению Светлого Братства, выполнить весть? Поверить, что задача указана вам и методически выполнять ее? Нет, это значит отдать такую любовь указанному заданию, чтобы дух человека жил в упоении, чтобы не было простого серого дня, где с напряжением вы будете героически выполнять трудное дело, все время думая, как много забот выпадает на вашу долю. Только тогда вы останетесь верными Общине и Светлому Братству, когда задача дня будет вам легка как радость, а не как беспокойство и забота. Третье, что унесите с собой как завет – мужество и такт. Никогда не произносите слова, пока

полное самообладание не приведет вас к мысли: человек, что жалуется или сетует мне, стоит на той точке своей эволюции, где ему еще не открылось, что все – в себе. Что он сам сотворил всю свою земную жизнь прежде, творит ее и сейчас. И только тогда ищите мужества себе дать самый благородный ответ на самый низкий вопрос, самую недостойную жалобу. Сегодня все те, кого настоятель ваш оповестил, соберитесь к пяти часам в его домике на острове. А как взойдет луна, вы уедете. В оазисе Дартана вам дадут платье и все необходимое для дальнейшего путешествия. Пока же не тратьте времени на прощания и сожаления о разлуке, соберите самое малое количество вещей, чтобы не быть рабами их в пути.

И. поклонился и сел, а Раданда встал, благословил широким крестом всех присутствующих и сказал:

– Тем, кого я оповестил, я скажу свое прощальное слово в пять часов. А вы, дорогие братья, вспомните, что многие из вас уже не раз провожали партии своих друзей в далекий мир, не раз сознавали, что многие опередили вас в готовности к труду и действию, и все же вы лениво дремлете в духовном сне. Пробудитесь, друзья! Лень и медлительность много хуже торопливости. Они подобны смерти, так как в них не дух растет, освобожденный, самоотверженный, но личность, ищущая себе той или иной формы, того или иного оправдания, чтобы расти и закрепощать дух в желаниях и страстях. Идите, дети мои, и подумайте еще раз, сколько вы упустили случаев встать в ряды самоотверженных слуг творящего

в мире Светлого Братства.

Снова все братья стали выходить, отдавая поклон Радан-де и нам. На этот раз трапезная опустела быстрее. Одни торопились, чтобы поспеть к пяти часам закончить дела в Общине и уложиться, другие спешили, чтобы помочь уезжавшим, и только немногочисленные фигуры, унылые и понурые, не разделяли общего возбуждения и равнодушно шли, точно ничего не замечали и не слышали.

Когда все вышли, Раданда пригласил нас к себе. Но И. ответил ему, что сам он пойдет со мной по делам Франциска, Бронский и Игоро должны сейчас же пойти домой и записать все то, что они видели утром, Лалии и Нине необходимо спешить с разборкой книг, Терезита не выполнила и трети своей дневной программы и только Никито, Андреева и Герда могут дойти с ним в его чудесную библиотеку, где он сам даст каждому из них работу.

Снова расставшись с друзьями, в сопровождении Бронского и Игоро мы пошли в наш домик за письмами Франциска. Пачка писем была довольно большая, объемистый пакет старцу Старанде лежал в самом низу. Я стал сомневаться, чтобы мы могли обойти всех до пяти часов, когда – я был уверен в том – И. должен был присутствовать в домике настоятеля. Но вопросов я не задал, завернул платок Франциска в салфетку, вложил в сумочку и стал ждать на крылечке И. Снова только сейчас я вспомнил об Эта, но на этот раз уже беспокоился не о его судьбе, а скорее о настроении бед-

ных келейников, которые попадали, вероятно, в положение вроде моего во дворе трапезной.

И. вскоре вышел и повел меня по густой аллее, параллельной той, по которой мы въехали в Общину. Шли мы по ней довольно долго, она стала отклоняться вправо и привела нас к широким воротам и высокой ограде. Ворота были закрыты. И. ударил молотком по железной плите, вделанной в ворота. Через окошечко старческий голос спросил, кто не вовремя идет. И. ответил ему что-то, чего я не расслышал, окошечко захлопнулось, и торопливые шаркающие шаги направились к калитке, которая тотчас и открылась.

Монах, открывший нам дверь калитки, был очень стар. Лицо его, все в морщинах, было беспокойно. Глаза, суетливые жесты и протестующие нотки в голосе – все наводило меня на мысль, что перед нами строптивец.

– Как это необыкновенно удачно, друг Старанда, что сегодня ты дежуришь у ворот. Именно тебя нам и надо.

– Именно меня вам и надо? Хотел бы я знать, почему это вы входите именем великого Учителя, а не знаете, что в нашем отделении сейчас мертвый час и все отдыхают. Что же Учитель вам не сказал нашего распорядка? Да и мало того, что вы сами пришли не вовремя, вы и младенца привели. Это что же, ваш любимчик? Или вы вообразили, что я буду разговаривать с вами о священных для меня вещах при этом неосмысленном мальчугане? Чудно, право, лет вам, пожалуй, около тридцати, а такта ни на грош не приобрели.

Голос старца и вся его повадка напоминали школьного учителя младших классов, распекающего провинившегося школьника.

– Ну, чего же вы молчите? Ведь не для того, чтобы в молчанку играть, вы сюда явились? – он не предложил И. сесть, но уселся сам на деревянную скамью у круглого стола. – Никакого почтения к старости и ее покою! Ну, времена, ну воспитание! – все бормотал он себе под нос, однако достаточно громко, чтобы быть услышанным.

Мне казалось, что я уже забыл, как люди раздражаются. Но в эти минуты я готов был по-старому закричать, затопать ногами, чуть ли не расплакаться. Я прилагал все усилия, чтобы сдержаться, обливался холодным потом, но, по всей вероятности, из моих усилий ничего бы не вышло, если бы не помощь И. Он положил мне руку на плечо, взглянул – точно просветил мне мозг и сердце, – и я сразу опомнился. Я понял, что я думал о себе, о мнимом унижении моего дорогого Учителя, а не о несчастном старце, не имевшем сил увидеть, кто был перед ним. Я осознал, что и я застревал в эти минуты в тупике духа, поддаваясь личному восприятию момента, а не глубочайшей любви, в которой я поклонялся Вечному в человеке.

– Бедный, бедный Старанда! Когда Франциск спас тебя и прислал сюда, ты дал ему клятвенное обещание, что не нарушишь мира в Общине. Мало того, ты обещал ему вносить мир в каждую встречу, в каждое дело, что тебе дадут. Пер-

вые три дня все шло хорошо...

– Постойте, постойте, молодой человек. Вы откуда это знаете? Не верю я, чтобы Франциск вам рассказывал тайны моей жизни. Вернее, настоятель вам насплетничал на меня. Ну и хорош!.. Стоять во главе, да этак вести себя...

Старанда, вероятно, еще продолжал бы свои излияния, но глаза И. сверкнули, голос был тих, но так властен, что старец выпучил на него свои злые глаза.

– Сиди молча и не прерывай моих слов до тех пор, пока я не разрешу тебе говорить. Слушай внимательно, несчастный человек. Вдумайся в ужас своего поведения и измени его, или тебе придется покинуть и этот скит, как пришлось покинуть Общину и как до Общины приходилось покидать все места мира, где ты только ни жил. На три первых дня жизни в Общине хватило твоей мудрости и доброты, чтобы не спорить и не ссориться с окружающими. Дальше ты изводил своими нравоучениями каждого, с кем имел дело. Будучи полным невеждой, нахватавшись вершков и корешков каких-то знаний, ни в одном из которых ты не умел соединить того и другого, ты всех учил, к какому бы труду тебя ни приставили. Результат твоих рационалистических предложений, несмотря на все разумные советы и даже запреты людей знающих, был всегда один: ты ломал дорогостоящие станки, портил великолепные стволы пальм, вредил посевам, целые чаны краски для циновок и ковров превращал в негодное месиво и так далее. И во всех делах ты уверял себя, что

ищешь, как проще, легче и веселее жить. Ты не видел, как лица всех, к кому ты приближался, становились печальными и озабоченными, как всюду водворялась нудная скука. И только три человека тебя ласкали... Ты сам знаешь, какой страшный урок ты прошел здесь, в Общине, какой ценой своей высокой любви тебя спас Раданда и заключил в этом недоступном покровительствовавшем тебе трем фигурам скиту...

И. помолчал, точно ему было тяжело продолжать. Старец, сидевший вначале выпучив глаза – глаза протестующие, дерзко глядевшие на И., – теперь сидел сгорбившись, избегал взгляда И. и напомнил мне своей согбенностью три зловещие фигуры в трапезной Раданды...

– Разве сейчас ты не отдаешь себе отчета, как ты катишься все ниже? Неужели ты дойдешь до пределов меры вещам, и, несмотря на все усилия любви Франциска, Светлому Братству придется прибегнуть к последнему средству спасения и укрыть тебя в тайной Общине?

Бедный старец вздрогнул, закрыл лицо руками и еще ниже склонился над столом. Я понял, что он впервые за долгое время отдает себе отчет, правильный и точный, о своем истинном поведении. Огромная жалость залила мое сердце, мелькнуло воспоминание о Генри, Строгановых. Я взмолился Флорентийцу и приблизился к. И., стараясь слить свои маленькие силы доброты самоотвержения с его мощью.

– Бедный Старанда, – еще раз повторил эти слова И.

Но как по-иному они для меня зазвучали! Точно музыка всепрощающей любви, бодрящей, как привет доброты, до-неслись до меня они и проникли до самого дна сердца. И, несомненно, так же воспринял их Старанда. Он отнял руки от лица, моляще, благодарно взглянул на И., и несколько крупных слезинок скатилось по его морщинистым щекам.

– Франциск говорил тебе о двух вещах. Первое, что он старался тебе объяснить, – что каждый видит только то, что дух его – чистый или засоренный – позволяет ему видеть. Второе, чего ты не мог усвоить, – что действия человека куют его связь со всем миром. Как бы ты ни жил, отъединяться от связи с людьми ты не можешь. Ты можешь только своим поведением труда в дне ковать ту или иную связь, ткать ту или иную сеть, в которую ловишь людей или ловишься сам. И такова твоя сеть – будет ли то сеть добра и любви или самоотвержения и красоты, будет ли то сеть эгоизма и раздражения – в нее тыходишь сам и вводишь встречного. Тобой ткется та или иная атмосфера, атмосфера добра или зла. Нет ни добра, ни зла самих по себе. Существуют они лишь тобой, как и другими людьми, сотканные. Как и нет для каждого Бога, помимо того Величия, что дух его может постигнуть. Франциск говорил тебе, что все твои дела будут отчетливо видны Светлому Братству. Что полная запись твоих дел будет отражаться в хронике Вечного. Милосердие Франциска посылает тебе выписку из этой хроники за все время твоей жизни здесь, то есть за весь тот период, что протек с минуты

твоего с ним свиданья. Он говорил тебе, что ты должен каждый день жизни начинать благословением Вечного в человеке, ты же начинал его, составляя себе список, кого и чему ты должен поучить, кого и как ты должен «пробрать». Иными словами, живя среди людей, всю жизнь «искавших» Бога, ты действовал с теми, кто видел только человеческие качества в людях, видел пятна на них, но ни разу не поднял очей духа к их святая святых. Потому ты и в себе не смог расширить свою святыню, а все суживал вход в собственный храм сердца. Юноша, чистоты рук и сердца которого ты не заметил, принес тебе письмо и выписки Франциска. Уйди в уединение на семь дней. Постарайся радостной мыслью понять глубину любви Франциска и заботы Светлого Братства. Очисти налипшие на тебя привычки воркотни и раздражения и пойми, что они довели тебя до последней черты. У тебя есть еще сейчас время. У тебя есть еще выбор. Ты можешь еще завоевать свое освобождение. Тебе дано долголетие, чтобы ты смог еще сбросить с себя кучу предрассудков, которые закрепили твою мысль и волю. Оставь свои навыки всех исправлять и воспитывать. И кривое деревце может доставить людям радость своей листвой и помочь своей тенью. Не на том сосредоточивай внимание, чтобы его выпрямить. Но чтобы ему, кривенькому, подставить палочку твоих радостных забот. Какой толк, встретив чужую жизнь, все читать ей нравоучения? Кто может поверить, что ты любишь человека, воспитываемого тобою, если он видит в тебе постоянное

раздражение, обидчивость, требовательность к себе? Разве слова могут убедить? Только живой пример может увлечь и пробудить в человеке его высшее желание следовать за тобой.

Бессмысленны все попытки «воспитать» в человеке то, чем ты сам еще не владеешь. И каждое твое слово пронзит пулей сердце и мысли человека, если их посылала твоя истинная доброта.

– О, Учитель, теперь я узнал тебя. Ты тот чудесный брат, что спас нас в пустыне от песчаной бури. Боже мой, почему же я не узнал тебя сразу? Ведь я обещался по гроб жизни молиться за тебя, и я не молился. Даже не вспоминал тебя. И это, значит, я найду в выписке Франциска?

– Не огорчайся чрезмерно. Не теряй времени на раскаяние и уныние. Действуй, твори Духом своим, не старое, как факты, вспоминай. Но помни только, что подход твой к людям был неверный. Ты мог радовать и утешать, мог мирить и щадить, а ты огорчал и раздражал, высчитывал вины и наказывал.

Не укором звучал голос И., но такой лаской сострадания, точно не было в этом вины Старанды, а была беспомощность человека, не имевшего дальнозоркости духа. И. подошел к Старанде, беспомощно стоявшему и утиравшему с трудом удерживаемые слезы.

– Этот юноша подаст тебе пакет. Ты найдешь в нем письмо Франциска и письмо Али, которое я приложил туда, – И.

обнимал старца и нежно гладил по голове.

И как изменился Старанда! Старенький-старенький, весь дрожавший, приникший к И., точно слабый ребенок, он был кроток... и добр. Под ласкающей рукой И. он становился все добрее и кротче, все милее и спокойнее.

— Простите мне оба. Я все смешал, все перепутал, все забыл, что знал. А сейчас мне кажется, будто я и не жил, так пусто в моем сердце. Тяжесть недовольства из него ушла, а доброта еще не пришла. Ох, пойму ли я ее, доброту-то?

— Не только поймешь, если будешь добр, но я уверен, что еще при мне выйдешь из скита обратно в Общину и многим украсишь жизнь своей добротой.

Ступай к твоему настоятелю, попросись в уединение и там прочти много-много раз все то, что найдешь в пакете Франциска. Передай пакет, Левушка.

Я вынул пакет. Всей доступной мне мощью мысли я звал Франциска и молил его помочь Старанде. Я просил его оставить старцу его платок, я верил, что святая доброта Франциска перейдет с этой реликвией к мыслям Старанды и поможет его сосредоточенности. Я задрожал. Я увидел Франциска стоящим с красной чашей в руках, улыбавшегося и шептавшего мне: «Отдай, отдай».

Видение исчезло. Я стал уверенно разворачивать салфетку, вынул из платка все письма, кроме пакета Старанды, завернул их в салфетку и вложил в сумку.

Свернув аккуратно платок, я поклонился низко старцу и

подал ему пакет. Я взял его старенькую, маленькую ручонку и вложил в нее пакет.

– Платок этот Франциск приказал мне передать тебе, дорогой отец. В минуты самые трудные утирай им лицо, шею и руки и Воля-Доброта Франциска немедленно поможет тебе. Прости, – я снова низко поклонился несчастному, всем сердцем сострадав ему.

– До свиданья, Старанда. Я буду навещать тебя в твоём уединении.

И. обнял старика, и через минуту мы шагали по аллее. Мне казалось, что прошел не час времени, но целая вечность протекла, так я был разбит и бессилен.

– Соберись с силами, дружок, вот тебе пилюля Али. Давненько не приходилось тебе к ним прибегать. Из сегодняшнего опыта крепче осознай, как необходимо оберегать себя от раздражения. Твой дух и твоё тело уже слились в одно гармоничное целое. И раздражение выталкивает тебя из атмосферы выше тебя стоящих, к которой ты прирос. Невидимая тебе и только ощущаемая как мир и радость в минуты гармоничного состояния, эта атмосфера разрезается твоим раздражением, проводник твой опустошается, и ты смертельно страдаешь. Запомни этот опыт и больше ни к одной встрече не подходи лично. Думай всегда, зачем надобно Жизни, чтобы встреча твоя состоялась, ибо только Жизнь видит ученик перед собой, только её зов слышит во встрече.

И. усадил меня на скамью среди тенистых деревьев и сел

рядом со мной. Довольно скоро моя слабость и головокружение прошли, пилюля Али восстановила мои силы и жара перестала мне казаться такой нестерпимой. Заметив, что дыхание мое нормально, что сердцебиение мое прошло, И. приказал мне омыться в душе, в пяти шагах от которого мы сидели. Возвратившись из душа, где мне снова молча брат подал свежее платье, я чувствовал себя Голиафом. Все же И. продержал меня в тени еще минут десять, и только тогда мы двинулись дальше.

— Несмотря на то что сегодня тебя следовало бы пощадить, мы все же выполним миссию Франциска до конца. Вскоре возвратится Ясса из своего более чем тяжелого путешествия, и оно будет его последним подвигом в той ступени знания, в которую он посвящен. С его возвращением тебе прибавится дела: ты должен будешь ему переводить книги, которые я тебе укажу. Ясса не знает тех языков, которые ты изучил в Общине. Времени ему их изучить уже нет. Его рост за последнее время совершился так сказочно быстро, что следующая ступень посвящения сама открывает ему дверь. Сегодня ты закончишь миссию Франциска, а завтра начнешь передавать письма Дартана. Я освобождаю тебя сегодня от вечерней трапезы. Вместо нее снесешь мой привет двум сестрам из оазиса Дартана, познакомишься с ними, и они будут помогать тебе в деле передачи приветов и посылок из оазиса. Держи в памяти сегодняшний опыт и слушай только зов Жизни, в какой бы внешней форме Она ни предстала перед

тобой.

Мы довольно долго, вероятно около двух часов, путешествовали по Общине. Много разных фигур запечатлелось в моем сердце. И как я был счастлив видеть их! Это все были лица радостные, ласковые, спокойные. Были и старые, и молодые. Были люди очень высокой культуры, поразившие меня своими манерами и образованностью, сквозившей в каждом слове, были и совсем простые люди, научившиеся грамоте и ремеслам в Общине. Весь этот калейдоскоп лиц снова меня утомил, но утомил радостно, наполнив счастьем удачно выполненного поручения. Что меня особенно поразило – все эти люди благоговейно благодарили И. за совершенное когда-то их спасение. Невольно я задумался, когда же и как успевал И. делать столько дел и удерживать в памяти образы людей в Индии, в Европе и Азии и, быть может, еще в тех странах, о которых я и понятия не имел...

Мы возвратились домой. И. вызвал молодого брата, данного нам Радандой как проводника по Общине, назвал ему имена тех сестер в оазисе Дартана, о которых сказал мне, и велел через час зайти за мной, чтобы проводить туда.

И. провел со мной этот час в своей комнате, где усадил в удобное кресло и кормил прекрасными фруктами.

– Сегодня, когда ты так разбил все функции своего проводника, ничего кроме фруктов не ешь. Если, возвратясь, почувствуешь голод, подожди меня, я захвачу тебе хлебцев от Раданды. Об Эта не беспокойся, я его приведу. Он ведь

теперь элегантно воспитан.

В комнату постучал брат-проводник, И. дал мне письмецо и пакет сестрам. Он ласково со мной простился, и я вышел в сад, думая всем сердцем, что Жизнь зовет и движет меня по своей великой Мудрости.

Глава IV

Мои новые знакомства в Общине. Первая неудача во встрече с жителями из оазиса Дартана. Раданда. Часовня Радости. Выполнение поручения Дартана с помощью Раданды

Все люди, которым я относил письма Франциска, поразили меня своею жизнерадостностью. Но не только одним удивлением этим их свойством запечатлелись мои встречи с ними. Каждый из адресатов активно окружал меня сетью своей простой доброты. И я на деле понял, каким образом человек сам кует сеть связи со своим окружением. В моем сознании проявилось новое действенное зерно: жить – значит выливать из себя эликсир Жизни – радость.

Я присмотрелся к брату-проводнику. Это был совсем молодой человек, на вид лет восемнадцати, стройный и довольно красивый, хотя все отдельно взятые черты его лица были неправильные. В нем была веселость, жизненность и полная уверенность. Шел он легко и несколько раз принимался мурлыкать песенку, но каждый раз, поглядев на меня, он точно

извинялся за нарушенное молчание, улыбался и умолкал. Я спросил его, давно ли он живет в Общине.

– Давно, здесь родился. Мать моя лет десять уже как ушла в скит уединенных. Как только увидела, что я хорошо учусь в школе и больше не нуждаюсь в ее опеке, так и ушла.

– А что вы делаете сейчас?

– Сейчас я готовлюсь к сдаче государственного экзамена в каком-нибудь из университетов, куда меня отвезет Учитель И., если найдет мои знания удовлетворительными.

Я остановился на месте как вкопанный и мгновенно превратился в Левушку-лови ворон. Всего я ожидал, но такой ответ не снился мне и в лучшем сне.

Своим видом я насмешил брата. Он раскатисто расхохотался, заразил и меня своим смехом – я залился, мальчишески забыв все и вся.

– Бог мой, – отдышавшись наконец от смеха, сказал я ему. – Ваш ответ встряхнул меня, и даже вся моя усталость слетела. Еще раз я вижу, что абсолютно не умею разбираться в людях, не умею читать их глубокие силы. Я ожидал всего, только не такого ответа. Я должен просить у вас прощения: я даже не спросил вас о вашем имени, считая свою встречу с вами случайной, мелькнувшей на один миг в стенах Общины. Я думал только об исполнении данного мне Дартаном поручения и... забыл поклониться Единому в вас. Простите меня.

Брат остановился, лицо его стало очень серьезно, что из-

менило его почти до неузнаваемости.

– В вашем невнимании ко мне лично нет ничего удивительного, – сказал он ласково. И даже голос его изменился, стал глуше и теплее. – Каждый из нас пропускает мимо без внимания сотни встреч, потому что не выработал привычки гибко и всецело переключаться полным вниманием от одного предмета к другому. Несмотря на то что нас здесь с детства воспитывают, развивая точное внимание, я научился ему только тогда, когда Раданда стал заниматься со мной древними языками. Ах, какой он замечательный учитель, какая радость проводить с ним время!

Ответ брата еще больше сразил меня. Я думал, что Раданда полусвятой. Но чтобы Раданда был ученым, знатоком греческого и латыни, чтобы он мог их увлекательно преподавать!

– Вы ведь многих здесь посетили в сопровождении И. Я был как раз у старого графа, когда вы отдавали ему письмо Франциска. Граф – знаток истории и выдающийся лингвист. С ним я проходил специальный курс истории и литературы всех народов. Он дал мне так много знаний, что я не сомневаюсь в успешности экзамена по истории и языковедению.

– Скажите, как ваше имя?

– Меня здесь зовут Славой. Имя мое Вячеслав, а фамилия Силько. Вот мы и у цели. Обе сестры считаются у нас лучшими математиками. Я слышал, что у них есть дипломы из каких-то университетов, но так как они очень замкнуты

и ничего о себе не говорят, кроме дела данной минуты, то точно о них я ничего не знаю. Они живут здесь не так давно, не более десяти лет.

Мы подошли к хорошенькому домику, первому оранжевому по окраске, который я увидел здесь среди белых домов Общины. На балконе сидели две еще не старые женщины. По их одежде я сейчас же узнал, что они из оазиса Дартана. Заслышав шаги, они подняли головы от книг, над которыми склонялись, и одна из них вышла нам навстречу.

– Ты что, Слава, ко мне?

– Нет, я привел к вам келейника и секретаря Учителя И. – ответил Вячеслав, кланяясь сестрам и пропуская меня вперед.

Лицо женщины вспыхнуло ярким румянцем. Ее сестра подбежала к ступеням балкона, почти вскрикнув:

– Учитель И. здесь? Когда приехал? С кем он? Где он?

Слава улыбнулся быстроте ее вопросов.

– Вот этот брат все вам толком расскажет. Я оставляю его у вас и через час зайду за ним.

Сестры пригласили меня к себе на балкон. Я рассказал им, с какой миссией прислал меня к ним И., и подал его письмо. Каждая из сестер прочла письмо, и каждая реагировала на него совершенно по-своему. Старшая, молчаливо приветствовавшая меня, очень просветлела от радости. Лицо ее выражало теперь счастье, почти экстаз. А младшая, засыпавшая меня вопросами, имела вид удрученный и скорбный.

– Я думала – конец, – прошептала она едва слышно, садясь в кресло у стола и впадая в апатию.

– Милая Рунка, перестань быть ребенком. Разве ты не видишь, что Учитель дает нам поручение? Неужели ты можешь принять в унынии первое поручение дорогого Учителя, спасшего нам жизнь?

– Да, конечно, ты права, Роланда. Но у меня нет больше сил жить здесь. Я хочу домой, в оазис, а оттуда – в широкий мир. Я больше здесь не в силах жить.

Я хочу учиться и видеть людей. Можно же наконец нас пощадить, – разбитым голосом, со слезами говорила Рунка, перейдя на французский язык.

Роланда нежно обняла ее, гладила ее чудесные черные волосы и ласково, тихо отвечала ей на том же языке:

– Ты ведь сама знаешь, что припадок раздражения пройдет. Никого добрей тебя нет, усердная моя сестричка. Вспомни, в каком состоянии ты была, когда Учитель И. вывез нас сюда. Здесь ты окрепла, здесь ты многим принесла помощь. Утешься сейчас. Посмотри, как ласково и дружелюбно глядит на тебя юноша. Он подает тебе пакет. Возьми. Он никак ведь не ожидал встретить здесь драматическую сцену вместо помощи, которую ему обещал в нас Учитель И.

Рунка отерла слезы и жалобно, точно ребенок, сказала мне:

– Простите, брат. Я десять лет не могу примириться, что оторвана от всего родного и близкого. Все вспоминаю разлу-

ку с любимыми. Но... в этой разлуке виновна я сама. Мне очень стыдно, что я вас заставила быть свидетелем такой неприятной сцены. Я готова выполнить то, чего желает Учитель И., со всей любовью и усердием. Поверьте, это доставит мне одну радость... Я протянул ей пакет, данный мне И. для сестер.

– Я очень хорошо понимаю, как скорбит сердце человека, когда ему приходится отрываться от самого дорогого в жизни, что кажется кому-то единственным смыслом и красотой. Страдание, пережитое от такого разрыва, оставляет надолго следы. Даже тогда, когда уже раны личной скорби зажили, когда уже понимаешь, что смысл жизни в Вечном, которое ты отыскал в человеке, а не во временной его форме, и тогда еще живет в сердце память о пережитом страдании, хотя само страдание уже кажется только эхом прошлого.

– Я много раз на время достигала этой мудрости за прожитые здесь десять лет. Но достаточно какой-нибудь внешней искры, чтобы я поняла всю неустойчивость своего внутреннего мира. Ваши слова еще больше устыдили меня. Какое счастье, что Учитель И. не сам пришел, а прислал вас! У меня есть время прийти в себя. Если бы вы знали, как милостива ко мне Жизнь, послав мне такого нежного и заботливого друга в моей сестре Роланде. Роланда добровольно оставила мир и науку, которой она предана как своей единственной страсти, оставила и оазис, куда я ее увезла с собой. Роланда живет всюду в Вечном. Если бы не было ее подле

меня, я бы уже не существовала.

Рунка могла бы и не говорить мне всего этого. Я сам понял – точно по книге прочел – жизнь и взаимоотношения сестер.

– Быть может, нам не стоит терять времени? Если хотите, начнем сегодня же знакомство и пройдем к кому-либо из жителей оазиса, – Роланда старалась дать иное направление нашему разговору. – Здесь, рядом с нами, живут мать и сын. Оба очень добрые, но неуравновешенные люди. Знакомство с ними будет для вас приятно тем, что в их доме постоянно собирается много друзей из оазиса. Вы сразу попадете в гущу этих людей и поймете их интересы и настроения, уровень их культуры и вкусов.

Я был очень рад пройти в ближайший домик. Мы оставили Славе записку на столе, прося его зайти за мною в соседний дом. Когда мы подходили к дому, в который меня вели сестры, то уже за несколько шагов был слышен шумный разговор, похожий скорее на спор, чем на обычный мирный разговор. Комната, куда мы вошли, больше походила на гостиную восточного стиля, чем на обычную приемную комнату, какую я рассчитывал увидеть в Общине. По стенам стояли широчайшие диваны и висели ковры, в середине комнаты были расставлены маленькие круглые столы с низкими креслами, и все это было занято людьми, громко смеявшимися, которые, разбившись на группы, интересовались только своими ближайшими соседями, не обращая внимания на всех

остальных.

– Бог мой! Наши ученые затворницы! – вставая с места и подходя к нам, сказала седая элегантная женщина, прекрасно одетая по моде оазиса Дартана. – Какой же это рыцарь нашелся на Земле, сумевший вытащить из башни заколдованных принцесс? – женщина смеялась, обнимая сестер и хитро поглядывая на меня.

– Этот рыцарь – спутник Учителя И., – ответил Роланда.

Как только она произнесла эти слова, в комнате воцарилась гробовая тишина. Точно по мановению волшебной палочки речь каждого оборвалась на полуслове, фигуры застыли, точно в живой театральной картине.

– Позвольте познакомить вас, сестра Леокадия, это секретарь Учителя И. брат Левушка, как называет его Учитель в своем письме, – нарушила гробовое молчание комнаты Роланда.

Сестра Леокадия оказалась хозяйкой дома. Она любезно приветствовала меня, но за ее внешней любезностью я почувствовал острое беспокойство. Не менее резко ощутил я и токи окружавших теперь нас кольцом людей, лица которых были растеряны. Все веселье точно ветром смело, в комнате повисло какое-то печальное уныние.

– Деметро, сынок, где ты? – обернувшись к дверям соседней комнаты, довольно громко позвала Леокадия.

Много пар глаз пристально рассматривали меня. Я уже начинал было чувствовать смущение, как в дверях комнаты

появилась рослая фигура красавца-мужчины. Это был в полном смысле слова безукоризненный красавец. Черные как смоль волосы, черные глаза и прямые сросшиеся брови, алые губы, безукоризненной правильности черты. На плечах его был красиво задрапированный ярко-красный плащ такого яркого цвета и блеска, что казался огненным. Красавец подошел к нашей группе, очень вежливо поздоровался с сестрами и с нескрываемым сарказмом посмотрел на меня. В его взгляде что-то слегка напомнило мне Браццано, хотя злой, животной злобы глаз Браццано в этих черных глазах не было. Я читал в них презрение ко всему, что не соответствовало его личным удовольствиям и шло вразрез с его вкусами и мнениями.

– Ты, мать, так поражена необычным визитом сестер-учених, что даже забыла познакомить меня с их кавалером, – улыбаясь, но холодно и надменно сказал он матери.

– Это секретарь Учителя И., Деметро, – очень тихо сказала Леокадия. – Позвольте вас познакомить с моим сыном, – обратилась она ко мне. И снова за внешней ласковой любезностью я ощутил ее беспокойство. – Мой сын художник. Здесь он не участвует в общих работах, но в его мастерской уже много прекрасных картин.

Я понимал, что женщина говорит первые приходящие на ум слова, чтобы оттянуть время и найти самообладание. Деметро же, услышав слова матери, рассмеялся довольно деланным смехом и, здороваясь со мной, старался быть развяз-

НЫМ.

– Узнаю Учителя И.! Всегда выберет себе спутников самого неожиданно разнообразного вида и характера, что мне, художнику, исключительно интересно. Скажите, пожалуйста, на этот раз все его сопровождающие так же молоды, как вы?

Он дерзко рассматривал меня, бесцеремонно отодвинул какого-то человека, несколько закрывавшего от него мою фигуру, и, рисуясь своей красотой, поправлял красивой рукой свой огненный плащ. Я не успел ему ничего ответить, как услышал голос Рунки:

– Мы привели сюда посла Учителя И. не для того, чтобы вы красовались перед ним в своих театральных позах, Деметро. Он их много, вероятно, видел, пока жил в мире, но для того, чтобы в доме вашей матери он мог увидеть все лучшее, что здесь живет из нашего оазиса. С ужасом я вижу, что десять лет вашей жизни здесь оставили вас все таким же.

Голос Рунки, взволнованный, глубокий, прервала Роланда:

– Деметро, гость в доме – первый человек, которому отдают все внимание. Таков завет дедушки Дартана. Гость же – посол Учителя – священный человек для каждого обитателя Общины. Почему вы хотите казаться хуже того, что вы есть на самом деле?

Деметро резко повернулся к Роланде, лицо его вспыхнуло, сравнившись в краске с плащом, он готов был уже дать

грубый ответ моей благородной защитнице. В моем уме пронеслась картина встречи со старцем Старандой. Я вспомнил, как билось негодованием и обидой мое сердце, когда я переживал мнимое унижение Учителя. Я почувствовал себя рядом с моим дорогим наставником, по всему моему организму пробежал ток знакомого мне содрогания – я стал совершенно спокоен и ласково сказал хозяйке дома:

– Я очень виноват перед вами, что пришел неожиданно и помешал вашим друзьям продолжать их интересные беседы. Я должен был сначала узнать, желаете ли вы и ваш сын видеть меня у себя, такого скромного слугу Учителя.

– Ах, что вы! Мы чрезвычайно рады вам. Мы много лет не имели никаких известий от Учителя И. Но нам не так давно говорили, что он путешествует где-то в России, поэтому ваш приход так поразил нас неожиданностью. Мы не смогли даже сразу прийти в себя. Прошу вас, садитесь. Расскажите, пожалуйста, как вы ехали? Не заезжали ли вы в оазис к нашему близкому родственнику Рассулу Дартану? Где и когда вы расстались с Учителем?

Леокадия сменяла вопрос вопросом, усаживая меня и сесть возле одного из столов так, чтобы сын не мог подойти ко мне. Очевидно, она опасалась новой вспышки в нем и не особенно рассчитывала на мою воспитанность.

– Не знаю, с чего начать свои ответы. Если начать с самого последнего вашего вопроса, то должен сказать, что я расстался с Учителем И. не более часа назад.

Целый рой возгласов: «То есть как?», «Что Вы хотите этим сказать?», «Каким образом?», «Это невероятно!» – и тому подобных ахов и охов раздался по всей комнате. Все эти возгласы покрыл мощный голос Деметро:

– Уж не желаете ли вы сказать, что сам Учитель И. здесь?

Я посмотрел вокруг и увидел на лицах гостей, таких беспечных и веселых несколько минут назад, невыразимый страх. Я никак не мог взять в толк эту панику, так как за долгое время жизни подле И. привык видеть расцветающими людские лица при упоминании имени моего дорогого друга и Учителя.

– Да, Учитель И. здесь.

Точно вопль пронесли новые возгласы по комнате: «Да как же!», «Разве уже прошел срок?», «Что же нам теперь делать?» – и под эти возгласы комната опустела, в ней остались только мы и хозяева. Теперь вновь в комнате воцарилась мертвая тишина, которую подчеркивало тяжелое дыхание Деметро. Он стоял все так же у стола, опустив голову, совсем бледный и мрачный, похожий в своем огненном плаще на падшего ангела.

Первой нарушила это тягостное и непонятное для меня молчание Леокадия.

– Не удивляйтесь, что ваше появление произвело такое сильное впечатление на всех. Все мы, видите ли, приехали сюда по указанию Учителя И., тем или иным путем доставленные. У каждого из нас есть те или иные обязательства

перед ним. Но мы здесь так весело и беззаботно жили, что совсем забыли о неприятной стороне взятых на себя обязательств. Мы...

— Брось разговоры, мать. Возможно, что приезд Учителя И. вовсе не относится к нам. Мало ли какие у него могут быть дела в Общине? Мы, видите ли, господин секретарь, живем здесь на средства дедушки Дартана, а не на средства Общины. У нас здесь своя часть в парке, где, кроме выехавших из оазиса, никто не живет. Я не отрицаю, что и я, как и все, взял на себя некоторые обязательства, но я, как и все, совершенно независим. У вас есть какие-либо поручения лично к нам от Учителя И.?

— Нет, Учитель только приказал мне выполнить поручение Дартана: передать письма и посылки из оазиса.

Лица матери и сына просветлели, оба вздохнули облегченно.

— Ах, вот как! Ну, мы здесь ни в чем не нуждаемся. Дедушка Дартан мог бы о нас и не беспокоиться. Впрочем, мы, конечно, рады будем видеть вас и получить свои подарки, — переходя снова на надменный тон и, подымая высоко свою красивую голову, сказал мне Деметро.

Я посмотрел на сестер и постарался всеми силами влить мир в их сердца, негодование которых сказывалось на их возбужденных и расстроенных лицах. Раздался легкий стук, и я увидел в дверях фигуру Славы.

— Вам что? Вы ко мне? Я сейчас занят, придите потом, —

тон Деметро был невыносимо высокомерен.

– Нет, это за мной, – поспешно вставая, сказал я, огорченный неприязненным тоном, который пришлось вынести моему любезному проводнику из-за меня.

– Куда же вы так спешите? Оставайтесь, пожалуйста, поужинать, – просила меня сестра Леокадия.

– Да, да, – поддержал ее сын. – Ведь вы были невольной причиной, что мы с матерью остались в одиночестве. Как видите, все друзья разбежались. Теперь ваша прямая обязанность развлечь нас.

– Простите, я лишь скромный келейник своего господина и могу только выполнять очень точно его приказания, но не больше. Я должен немедленно возвратиться домой. Я могу понадобиться Учителю И.

Мать и сын очень настойчиво протестовали, уверяя, что ужин на столе, что у них в Общине не в обычае уходить от накрытого стола, что это считается даже невежливым. Но я еще раз ответил, что не могу превысить данных мне полномочий. С большим трудом, употребив всю свою настойчивость, я вырвался из дома чрезмерно гостеприимных хозяев.

Когда я прощался с сестрами у их балкона, Роланда задержала мою руку.

– Я всему виною. Это все добрые люди, но их легкомыслие ни с чем не сравнимо, разве с их любовью к праздности. Мне надо было раньше предупредить их, тогда вам не пришлось бы наблюдать всей этой тягостной сцены. Впредь я постара-

уюсь готовить людей к встрече с вами.

– Я очень рад, что видел и слышал людей, не ждавших известия. Теперь мне ясно, как много надо нести в себе мира и радости, чтобы выполнить успешно данное мне поручение. Не стремитесь оправдать Деметро. Мое сердце уже его оправдало. Дело не в Деметро или ком-нибудь другом, но во мне – насколько я найду такта и обаяния, чтобы выполнить, а не испортить порученное мне дело.

Я расстался с сестрами, пожелав им покойной ночи, которая уже спустилась. Над нами светило яркое от многочисленных и крупных звезд небо, изредка встречались возвращавшиеся по домам люди. Мы молча проходили дорожку за дорожкой. Вдруг Вячеслав остановился.

– Брат, я не знаю, как живут люди в далеком мире. Поэтому прости мне, если я совершаю бестактность, нарушая сейчас твое молчание. Но Раданда не раз говаривал мне: «Если ты видишь, что встреча людей не началась и не кончилась в радости, постарайся хотя бы одному из неудачно встретившихся отдать теплоту и мир твоей души, твоей любви». Ты печален, и мне хочется объяснить тебе непонятное, на взгляд свежего человека, поведение всех тех, кого ты только что встретил. Вся та часть Общины, которая занята выходцами из оазиса, почти не сливается с общей жизнью всех трудящихся в Общине. Приехали они сюда, получив указание самостоятельно выбрать себе одну из отраслей труда в Общине. Долго они ничего не выбирали. После неоднократных бе-

сед с ними Раданды они решились осмотреть все отрасли труда здесь. Но им ничего не понравилось. Только пятьдесят – шестьдесят человек, в том числе уже знакомые тебе сестры, вошли в трудовое единение с нами, многому научили нас и кое-чему научились у нас. Остальные все забраковали, решили трудиться отдельно, завели себе свои мастерские, школы – в результате даже дети их если обучаются, то только в наших школах. Сами же они живут в праздности и ничего не создали для своих собственных нужд, не говоря уже об общем благе для всей Общины. Некоторые, как Деметро, стараются показать видимость труда. Что-то рисуют, шьют, сажают, но плодов своего дела никому не показывают.

Жестокая критика на всех нас от них сыплется как горох. Не огорчайся своим первым неуспехом. Сам Раданда им не раз напоминал об обещаниях Учителю И., о том, что годы летят быстро, что надо будет показать результаты работ, и я помню одну его замечательную фразу, которую он им сказал в моем присутствии: «Мстит человеку лень его. Лень сжигает в человеке инициативу. А лишенный инициативы человек не многим выше животного. Чем длиннее период лени, тем горше распад энергии в человеке. Ряд лет, прожитых в лени, закрывают все возможности для человека войти в одну из троп Света. Ибо войти в одну из них может тот, в ком жива гибкая воля к труду». Ты видишь, как глубок здесь вопрос. И можно ли было тебе найти сразу подход к единению с ними? – Что вопрос об общей их жизни огромен, в этом ты, Сла-

ва, прав, несомненно. И не мне его разбирать. Но тот крохотный кусочек их жизни, к которому прикоснуться послали меня – передать привет с родины, – должен быть выполнен в наивысшей радости и благородстве, на какие только я способен. Я буду молить моих великих друзей помочь мне в этой задаче.

Мы подошли к крылечку нашего домика, и первое, что я увидел, была Наталья Владимировна, державшая на коленях сонного, тяжелого Эта. Картина эта была так необычна, так несвойственна Андреевой. Она не питала никакого пристрастия к Эта. Даже некоторую долю брезгливости подмечал я в ней не раз по отношению к моей чудесной птичке. Теперь же она нежно и заботливо держала птицу, ласково прильнув головой к мягкой спинке Эта. Казалось, необычайно чуткая к шагам и всякому движению, Наталья Владимировна на этот раз не слышала нашего приближения. Только когда мы уже встали на первую ступеньку, и она, и Эта одновременно подняли головы. Эта не замедлил перекочевать ко мне, а бедная Наталья Владимировна, хотя и весело смеялась, но с трудом поднялась и расправила затекшие руки и ноги.

– Левушка, мне так хотелось побеседовать с вами, что я попросила у И. разрешения доставить вам Эта. И. очень хитро поглядел на меня, исполнил мою просьбу, но сколько хлопот доставил мне ваш каверзный друг. Понадобился весь авторитет Раданды, чтобы Эта соблаговолил подчиниться и отправился со мной. И, как только мы скрылись из глаз И.

и Раданды, он вскочил мне на руки, не пожелал идти пешком. Так и пришлось мне тащить его на руках до самого дома. А пришли сюда – заставил меня держать его на коленях. Хитрец так уморительно вознаграждал меня за обслуживание нежными взглядами и кокетливыми поворотами головки, что я ему простила все утомление.

– Я очень огорчен, дорогая Наталья Владимировна, что Эта выявил свой деспотизм на вас. Совершенно не понимаю, как у вас достало сил нести его. Он даже мне становится тяжел.

Мы оба приглашали Славу побыть с нами, но он ушел к себе, сказав, что его ждет еще работа. На мои укоры Эта, зачем он заставил Наталью Владимировну нести такую тяжесть, она весело сказала:

– Ну, ноша моя была мне легка! Я слово такое знаю. А вот хотела бы я вам рассказать, как поразил меня сегодня Раданда. В его библиотеке я нашла всех великих писателей древней Греции и Рима в подлинниках. А когда я его спросила, кому же здесь нужны подобные произведения, он мне ответил: «Мне были нужны раньше, пока я не знал их наизусть. А теперь нужны всем образованным людям Общины, приготовляющим из себя слуг ближним в том широком мире, куда вскоре поедут. Вот, позвольте вас познакомить с некоторыми из них», – радостно прибавил он, идя навстречу группе людей, совсем молодых, входивших в комнату, где мы сидели. Вы, Левушка, можете себе представить, в какой соля-

ной столб я превратилась и как глупо было мое лицо, когда я здоровалась с представляемыми мне людьми, входившими в комнату. Раданда смеялся надо мной не меньше, чем тогда, когда Эта тормозил вас, о чем он нам рассказал с необычайным юмором. Но, Левушка, не думайте, что я смеялась над вами. Я всей душой вам сочувствовала, а смеялась только комизму положения.

– Я именно так и думаю, дорогая Наталья Владимировна, и в данную минуту очень тронут вашим вниманием ко мне. Если вас поразил своею ученостью и своими молодыми людьми Раданда, то меня поразил не менее один из его учеников, наш брат-проводник по Общине.

И я рассказал ей обо всех впечатлениях вечера, подробно передав разговор с Вячеславом. Мы сидели вдвоем, зачарованные волшебной тишиной и сияющими звездами. Наталья Владимировна говорила тихим, задушевым голосом:

– Как не похоже мое мироощущение этих минут на все то, что приходилось мне переживать раньше. За короткие дни моей жизни здесь какая-то новая освобожденность родилась во мне. Когда, бывало, прежде мне выпадали минуты, не наполненные спешным, напряженным трудом, нечто вроде тоски выступало из каких-то подсознательных недр духа. Дивная ночь, если я проводила ее без труда и без сна, навевала мне не очарование божественного мира, но мысли о своем одиночестве, о том, что на Земле у меня больше ничего нет, что на ней я стою нагая среди миллионов людей, одетых во

все страсти и привязанности временной любви. От них я отстала, а к небу еще не поднялась... Я чувствовала себя как бы висящей в межпланетном пространстве, не имея незыблемой точки опоры. В эту минуту я сознаю в себе и Небо, и, Землю. Примиренность и полное понимание рождения и смерти несутся для меня в каждом шорохе трав и листьев, в каждом смехе и рыдании, в каждой песне птицы и крике животного. Я знаю в себе великий Свет, независимо от формы окружения, от времени и места. И мир мой, обретенная новая примиренность – мое постоянное Славословие Вечному, моя верность Ему уже непоколебимы. Все, что в моем сердце оставалось от условностей и предрассудков, все, что еще могло причинить раны разлуки или лечь холодом на сердце от смерти любимых, от страданий и заблуждений близких и дорогих, – все оторвалось, распалось прахом, освободив мысль и приготовив дорогу духу к более широкому восприятию Жизни. Ваш опыт сегодняшнего дня, когда вы увидели на деле, как погибает жизнь людей, если они не поняли значения труда на Земле, совпал с моим новым пониманием, как должен жить человек на Земле. В том, что вообще Земля – арена труда, я никогда не сомневалась. Но как? Для чего идет труд каждого? Каково его значение в текущем дне для вековой арены человека? Точную слиянность всего этого я поняла только здесь. Величайшая схема – рождение, труд, смерть – вылилась для меня в три новых слова: сила, выносливость, самообладание. И все эти три слова зависят

от самых простых истин. Эти истины каждый человек сам создает и из них строит себе и другим путь радости. Эти три начальных истины звучат мне теперь в словах: доброта, любовь, верность. Совершенно не важно, в чем и как человек выявит эти три силы. Не важно, монах ли он или светский человек, дикарь или просвещеннейший писатель; встретил он в своей жизни великих людей или прошел весь свой путь в совершенно элементарном по развитию обществе, важно только, что он их выявил и на них единился с людьми. Если он на них строил свой простой день – он достигнет встречи с Учителем. Он войдет не в одно только понимание вечности жизни умом. Он войдет в полное знание сердцем, что нет ни смерти, ни разлуки. Человек, умом понявший, что не надо оплакивать отошедшего друга, все же будет плакать, когда друг ушел. Своими слезами он непременно будет притягивать друга к Земле. Будет бить его картинами своих мучений и создавать ему тысячи препятствий, нарушая его первейшую обязанность в новом мире, куда он попал. И эта единственная первейшая обязанность в новом мире – единственная, как вечная память, которой провожают с Земли в церковном обряде, – есть трудоспособность человека. Вот почему так тяжел в своем общении праздный человек, не создающий себе вековых путей для единения с существами во всех мирах. Труд Земли, как и труд Неба, индивидуально разный. Труд одного может казаться бездельем другому. И это неважно. Важен тот Свет, что вскрылся в человеке как ре-

зультат его труда. Важны навыки, привычка мыслить в гармонии, то есть в сочетании доброты сердца и гибкости ума. Они ведут к примиренности. Любовь неотделима от гармоничного сочетания всех этих качеств в человеке, она и есть путь живой жизни в нем. Сегодня спали с меня последние оковы личного. Ушло горестное ощущение, что я стою нагая над одетой веселой Землей, что все порвано между мною и ею, нарядно цветущей.

Напротив, я одета в Свет, сияющий Свет доброты. Вся Земля лежит в храме моего сердца, и больше нет для меня ни иллюзии смерти, ни разъединения с Землей. Во мне родилась и утвердилась примиренность. Земля и я, равно как и то, куда уйдет мой дух, покинув дорожную, многострадальную Землю, – все едино. Радость жить, бесстрашие жить, бесстрашие умереть – все слилось для меня в одно священное понятие: трудиться для блага людей.

Эта поднял голову, слегка вскрикнул и побежал по темной дорожке. Я догадался, что мой чуткий птенчик издали почувствовал приближение И.

– Покойной ночи, Левушка. Я пойду к себе. Запишу кое-что из впечатлений дня.

Наталья Владимировна простилась со мною, оставив меня под глубоким впечатлением от ее слов. Слова эти проникли мне в сердце. Не раз в моем сердце зажигалась тайная горечь от разлуки с моим братом-отцом. Как ни был я окружен величайшей любовью, как ценил и благоговел перед мо-

ими дивными и великими моими покровителями, иногда в сердце просыпался стон. Хотелось почувствовать ни с чем не сравнимое нежное объятие брата Николая. Плоть от плоти моей и кровь от крови моей. Я хотел было пойти навстречу И., но решил подождать его на крылечке. Быть может, И. был погружен в великие мысли и нуждался в минуте отдыха и одиночества. Я не успел додумать своих мыслей до конца, как послышался разговор, и вскоре на полянке перед домом резко выделились две белые фигуры, а рядом с ними чинно шагал Эта. Я никогда не удивлялся, если видел И. в обществе неожиданных людей. Я уже привык видеть рядом с ним самые необычайные фигуры. Но на этот раз я удивился, так как И. шел с седовласым Радандой, весело рассказывавшим ему о новых изобретениях, достигнутых в производстве стекла. Когда же спал Раданда? Я слышал, что настоятель вставал раньше всех, что целый день он был занят самыми разнообразными делами. Когда же он отдыхал?

– Что, Левушка, усталое тело отдыха просит? – Раданда положил мне руку на плечо и быстро, совсем не по-стариковски, опустился рядом со мной на ступеньку. – Ты замечай, дитя, все. Тебе дан неспроста путь писателя. Ты пиши о человеке «просто», как я тебе с первого взгляда сказал. Путь писателя бывает разный. Один много вещей напишет, будто бы и нужны они его современности. Ан, глядишь, прошла четверть века, и забыли писателя люди, хотя награждали его и жил он на Земле в знатности. Другой мало или даже одну

вещь написал, а живет его вещь века, в поговорки войдет. В чем же здесь дело? В самом простом. Один писал – и сам оценивал свои сочинения, думая, как угодить современникам и получить побольше благ. Он временного искал – временное ему и ответило. Другой в себе осознал единственную силу: Вечного Огонь. Он и в других его старался подметить. Старался видеть, как и где человек грешил против законов этого Вечного и страдал от распада гармонии в себе. Замечал, как иной человек был счастлив, сливаясь с Вечным, и украшал жизнь окружающим. И такой писатель будет не только отражать порывы радости и бездны скорби людей в своих произведениях. Он будет стараться научиться так переживать жизнь, как будто сам стоит в обстоятельствах того или иного человека. Но мало стать в обстоятельства того или иного человека, надо еще найти оправдание каждому в своей доброте, и только тогда поймет писатель, что значит описать жизнь человеческую «просто».

Голос Раданды звучал сейчас совсем по-иному. Бог мой, в скольких аспектах я увидел этого человека за самое короткое время! И я ясно почувствовал, что совершенно не знаю, кто такой Раданда. Не отдавая себе отчета, можно ли так за просто говорить с ним, я мальчишески заявил:

– Представляю себе, в каком более чем жалком положении, гораздо более жалком, чем когда меня трепал Эта, был бы я, если бы кто-либо приказал мне описать вашу Общину и, главное, вас.

Раданда улыбнулся, положил мне свою крохотную ручку на голову и посмотрел мне в глаза.

— Велик и далек твой путь, дитя мое. Сейчас ты еще дитя, и то уже многое можешь. Но будет время, и не обо мне, а о многом большом напишешь. Теперь же иди спать. Завтра я сам пойду с тобою по колонии Дартана. Там многому научишься и многое-многое из векового страдания людей прочтешь. Не жди И., ложись спать. Мы с ним обойдем еще кое-кого, кто в эту ночь нуждается в утешении.

Раданда перекрестил меня. Мне стало необычно легко, радостно. Я точно в сказке, все забыл и, взявши Эта на руки, пошел к себе. Как я был благодарен Раданде! И, с другой стороны, как я понимал свою детскость! Еще и еще раз я увидел, как устойчива должна быть гармония в человеке, чтобы он мог чего-либо достичь в деле дня, и какое мужество должна нести в себе сила мужчины.

Уложив спать Эта, я благословил все живое во Вселенной, благословил милосердие моих наставников и лег на свою полотняную постель, впервые ясно сознавая, что стою на грани от детства и юности к зрелой молодости.

Ночь минула быстро. Я проснулся от гудения колокола и толчков Эта. На этот раз я уже ясно и твердо помнил, где я, кто и что вокруг меня. Первым, что бросилось мне в глаза, была записка И., лежавшая на стуле рядом со мной: «Как только встанешь и приведешь себя в порядок, приходи в покои Раданды возле трапезной. Эта оставь у Мулги. Раньше,

чем уйдешь из дома, зайди к Андреевой и передай ей, что я поручаю ей на сегодняшний день Бронского, Игоро и Герду. Пусть до самого ужина проведет с ними день и распределит в нем занятия как сама найдет нужным».

Записка И. окрылила меня. Быстро справившись с делами, я полетел в покои Раданды. По дороге я несколько раз возвращался мыслью к Наталье Владимировне и не мог разгадать почему, когда я передавал ей поручение И., она пристально вглядывалась в меня и сказала: «Счастливец, Левушка». Мысли мои перескочили с нее на ее близкого и неразлучного друга в Общине Али Ольденкотта. Только сейчас я сообразил, что я его нигде не видел с самого въезда в Общину Раданды, что он не жил в нашем домике, не бывал с нами в трапезной и что я о нем ничего не слышал все эти дни. Я решил немедленно же спросить у И. об этом милом и чудном добряке, но, пока шел, поостыл в своем решении, вспомнив, что любопытство во мне не может порадовать И. Должно быть, для Ольденкотта, как и для Зейхеда, которого я тоже не видел в Общине, предназначался особый путь уединения. Весь под впечатлением этих мыслей, я сдал Мулге Эта, что было принято обоими новыми друзьями более чем благосклонно, и постучался в дверь Раданды. Он сам открыл мне и, хитро оглядывая меня с ног до головы, сказал:

– Беги скорее в душ, пока И. тебя не видел. Где это ты так запылится, точно по пустыне бежал?

Я посмотрел на свои сандалии, которые так недавно

усердно чистил и завязывал, переконфузился и даже расстроился: и сандалии, и весь подол платья – все было серым от пыли. Увлеченный размышлениями и жаждой поскорее свидеться с И., я забыл об осторожности и легкости походки. Извинившись перед Радандой, я помчался в душ. Тут уж я сам прочел себе предлинную нотацию и, наконец, очутился в приличном виде перед И. Мой снисходительнейший наставник ни единым словом не дал мне заметить, что знает о моей неловкости, не укорил за опоздание, но ласково со мной поздоровался.

– Пройди, Левушка, на балкон, там тебе оставлена еда. Кушай не спеша и вернись сюда. Ты пойдешь с Радандой, как он тебе обещал, по сектору Дартана. С ним же возвратишься обратно и поедешь со мной навстречу возвращающемуся Яссе.

Навстречу дорогому, любимому Яссе! Тут я понял, почему сказала мне Андреева: «Счастливцев, Левушка!» Да, действительно, я был счастливцем. Широко раскрылись двери моего сердца не только для Яссы, который – я был убежден – возвращался победителем, но для всего мира, точно вместившегося во мне. Открылось мне, как глубоко надо проникать в сознание встречного человека. Я ощутил живыми и действенными вечерние слова Раданды, что надо уметь не только встать в обстоятельства человека и отразить их в слове, но и оправдать каждого, понимая это слово не как быт его произносит, но как чистое сердце может воспринять в себя

вечный путь ближнего. Я шел, и радость пела во мне, хотя я отлично понимал: того, что я достиг сегодня, завтра будет уже мало. Все же я был счастлив, не мог не улыбаться, и все, кто встречался мне, отвечали мне улыбками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.